

«ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ
НАБЛЮДАТЬ,
КАК РАСКРЫВАЮТСЯ
ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ».
LIBRARY JOURNAL

Мэрибет
Мэйхью Уален

ВСЕГДА

ЛИШЬ

ОНА

Свадьбы не будет

Annotation

Это могла быть идеальная свадьба. Брызги шампанского, платья в цветочек, новая жизнь. В маленьком городке Южной Каролины все только и говорят о предстоящем торжестве. Подружки невесты всю готовят к праздничному обеду. Впереди финальная репетиция церемонии. До свадьбы Энни остались считанные дни.

Это могла быть идеальная свадьба. Но невеста исчезла.

- [Мэрибет Уален](#)
 -
 -
 - [Пролог. День свадьбы. 1 июня](#)
 - [15–16 мая. Две недели до свадьбы](#)
 - [28 мая. Четыре дня до свадьбы](#)
 - [29 мая. Три дня до свадьбы](#)
 - [30 мая. Ланч с подружками невесты. Два дня до свадьбы](#)
 - [31 мая. Репетиция. Один день до свадьбы](#)
 - [1 июня. День свадьбы](#)
 - [2 июня. Один день после свадьбы](#)
 - [3 июня. Два дня после свадьбы](#)
 - [8 июня. Неделя после свадьбы](#)
 - [Цыпленок гриль в маринаде из 7UP по рецепту Фэй](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)

Мэрибет Уален

Всегда лишь она

Marybeth Mayhew Whalen
Only Ever Her

© 2019 by Marybeth Mayhew Whalen
© jamesgreenstudio / Shutterstock.com
© Рогова М., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

Эшли Уален Фрели, которая никуда не исчезала

И я сказал: «кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы; далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури».

Псалом 54:7–9

Пролог. День свадьбы. 1 июня

Он оттягивает ворот рубашки и делает глоток остывшего кофе. Он не любитель кофе, но сейчас согласен на любой напиток – особенно с кофеином. Он так давно не спал, что уже потерял счет времени.

Шериф опирается мясистыми ладонями о стол и тяжело нависает над ним.

– Ладно, мистер Спейси, – изрекает тот. – Вы готовы дать показания?

– Да, сэр, – отвечает Спейси. – Я готов. – И вспоминает, что последний раз сидел напротив Хэла Йорка, еще будучи школьником, задержанный за магазинную кражу. Тогда ему тоже никто не верил.

– Надеюсь, на этот раз вы скажете правду?

Спейси поднимает правую руку, а левую опускает на воображаемую Библию.

– И ничего кроме правды, – отвечает он, надеясь, что его голос звучит спокойно. – Да поможет мне Бог!

– Ну что ж, – говорит шериф. – Выкладывайте.

15–16 мая. Две недели до свадьбы

Энни

Она уже доехала до офиса адвоката, но вдруг осознала, что не может войти внутрь. Она сжимает ручку автомобильной двери, готовая выйти в любой момент. Машина совсем новая, так что дверца распахнется бесшумно – не то что в ее прежней скрипучей развалюхе (покойся с миром, «Джетта»). Теперь ее автомобиль – джип в прекрасном состоянии, взвешенный выбор взрослого человека. Как и ее жених Скотт, вручивший ей машину в качестве предсвадебного подарка, «Хонда Си-Ар-Ви» отличается надежностью и отлично вписывается в картину ее новой жизни в роли миссис Хэнсон. Жизни, которая начнется всего через пару недель.

Она отпускает дверную ручку и смотрит на письмо, лежащее у нее на коленях, – имя выведено аккуратно над линией сгиба. Ее имя – нынешнее. *Мисс Энни Тафт* — пока еще не Хэнсон. Чтобы превратиться в Хэнсон, ей нужно разобраться с делами, и визит к адвокату занимает в их списке не последнее место.

Она разглядывает здание прямо напротив нее. В двухэтажном доме в колониальном стиле может располагаться что угодно: от страхового агентства до стоматологической клиники или бухгалтерской конторы. Она внимательно изучает каждое окно – словно кто-то может следить за ней оттуда. Но за стеклами не видно ни единого лица, никто не подглядывает из-за занавески. Никто и не подозревает, что она здесь.

Энни не позвонила и не назначила встречу, хотя об этом говорилось в письме. Ей не нужна была гарантия того, что адвокат найдет для нее время. Наоборот – пусть лучше попросит ее зайти попозже, а она не сможет этого сделать. В конце концов, дел в ближайшие недели будет невпроворот, и вряд ли она будет заниматься чем-то кроме свадьбы. Тут-то она и скажет себе – и всем вокруг, – что пыталась. Скажет, что поступила правильно. Ей очень важно поступать правильно – уж такой она человек. Но что значит *правильно*? Вот в чем вопрос.

В ее голове звучит голос тети Фэй, снова и снова повторяя, что же такое, по ее личному мнению, «правильные поступки» (и почему нынешнее поведение Энни таким не является). Обычно советы в людских головах раздают матери, но у Энни это тетья, самый близкий ее человек. Чтобы

заставить голос замолчать, Энни переключает внимание на свое отражение в зеркальце на автомобильном козырьке, проверяет, в порядке ли макияж. Потом улыбается, чтобы удостовериться, что помада не попала на зубы. Зубы чистые, а вот губы не помешало бы подкрасить – сегодня она так искусила их, что от утренней помады не осталось и следа.

Энни извлекает из сумочки косметичку и ставит прямо на письмо, чтобы не смотреть на него. Обновляет слой любимой ягодной помады на губах. (У тебя улыбка матери, твердят ей все, и, судя по фотографиям, так оно и есть.) Закончив с губами, она пудрит нос – из-за жаркого раннего лета ее лицо лоснится от пота, даже кондиционер в машине не помогает.

Итак, ей нужно просто выйти из автомобиля и войти в здание. Спустить курок, сжечь мосты, как там еще говорят? Но тут она обращает внимание на свои брови – в ярком солнечном свете стали заметны несколько отросших волосинок, от которых надо немедленно избавиться. Энни извлекает из косметички пинцет и выщипывает раздражающие волоски. Всегда лучше выглядеть на все сто, когда встречаешься с кем-то новым, думает она, а адвокат, безусловно, такой человек. Самонадеянный чужак, без приглашения ворвавшийся в ее жизнь со своим письмом и решивший взвалить на ее плечи больше, чем она может вынести.

Уважаемая мисс Энни Тафт,

в этом письме я хочу сообщить Вам новую информацию о своем клиенте, мистере Корделле Льюисе, который был приговорен к пожизненному заключению в тюрьме без права досрочного освобождения после того, как его несправедливо осудили за убийство Вашей матери, Лидии Тафт. Мне известно, что Вы выступали ключевым свидетелем со стороны обвинения по его делу, и я прекрасно понимаю и разделяю Ваше желание оставить все в прошлом. Однако мистер Льюис, увы, не в силах поступить так же: для него эта история – настоящее и единственный источник надежды на будущее.

Буду признателен, если Вы сможете приехать в мой офис и в рамках короткой приватной встречи позволите мне рассказать о новом повороте в деле Льюиса, а также попросить Вас о небольшом одолжении. Искренне надеюсь, что нам удастся встретиться как можно скорее, так как время сейчас имеет первостепенное значение. Пожалуйста, имейте в виду, что информация, которую я намерен Вам поведать, носит весьма деликатный характер, поэтому очень важно сохранить нашу встречу в тайне. Повторюсь: я полон надежд, что Вы свяжетесь со мной в самое ближайшее время и позволите мне поделиться с Вами действительно

потрясающими новостями.

*Спасибо, что уделили мне время,
Тайсон Барнс.*

Короткого письма Барнса оказывается достаточно, чтобы наполнить Энни чувством вины и заставить приехать на эту встречу – обсудить «небольшое одолжение» убийце своей матери. Но что, если это действительно не он? Дурацкий вопрос не дает ей покоя и требует ответа прежде, чем начнется новая жизнь – жизнь далеко отсюда. Да, таковы ее планы: выйти замуж за Скотта, уехать куда-нибудь подальше и начать все с чистого листа. Когда они это придумали, казалось, что это хорошая идея. Но чем ближе к отъезду, тем больше она сомневается в своем решении.

Энни осматривает лицо в последний раз, поднимает козырек и убирает косметичку в сумочку. У нее урчит в животе, и она думает о предстоящем ланче – еще одной встрече из тех, на которые идешь не по своей воле, а потому, что чувствуешь себя обязанным. Если она не поторопится, то опоздает на встречу, а если адвокат окажется на месте и будет готов к разговору, рискует вовсе пропустить ее. Энни колеблется, раздумывая, что хуже: беседа с адвокатом, пытающимся добиться свободы для Корделла Льюиса, убийцы ее матери, или встреча с журналисткой городской газеты по поводу грядущей свадьбы.

Энни не питает иллюзий насчет журналистки, отлично понимая, что разговор так или иначе сведется к грядущему суду над Корделлом Льюисом. Очевидно, что в этом и состоит ее конечная цель, а интервью – просто уловка. Они с Лорел, так зовут репортершу, вместе учились в школе. Лорел всегда была агрессивной, и Энни сомневается, что она сильно изменилась за девять лет, прошедших с выпускного. Кроме того, годы, проведенные вдали от Ладлоу, и работа на воротил газетного бизнеса наверняка ожесточили Лорел, а освобождение Льюиса обещает стать куда большей сенсацией, чем ее свадьба. Нет, Энни не позволит репортерше обвести себя вокруг пальца. Она будет настороже.

Выбрав из двух зол меньшее – сделать то, зачем сюда приехала, Энни заглушает двигатель. Она войдет внутрь и поговорит с... ее взгляд еще раз скользит по строчкам, проверяя имя отправителя. Она рассматривает подпись, пытаясь представить, что будет дальше. Она скажет на ресепшене, что приехала повидать Тайсона Барнса, и секретарша ответит что-то вроде: «О, конечно, он уже ожидает вас! Сюда пожалуйста!» или же: «Очень жаль, но он сейчас в суде. Мне передать ему, что вы заезжали?».

Как бы то ни было, Энни придется пройти через все это. Она должна

войти внутрь и узнать, что адвокат собирается сообщить ей о Корделле Льюисе, прошедшем последние двадцать три года за решеткой за убийство ее матери. Судя по письму, Барнс считает Льюиса невиновным, полагая, что тот был осужден по ошибке и что Энни сыграла не последнюю роль в этой охоте на ведьм. Теперь он намерен поговорить с ней об искуплении – о том, что она, как зрелая двадцатилетняя женщина, может сделать, чтобы загладить свою вину за поступок, совершенный в трехлетнем возрасте. О том, что это ее шанс все исправить.

Вот только это не так. В ее, Энни, случае ничего исправить уже нельзя. Ее матери не будет рядом, когда через несколько дней она пойдет к алтарю. Ее мать уже не наденет старомодное, но подходящее к случаю платье и не передаст ей семейную реликвию на счастье. Она не будет засыпать ее советами об отношениях, основанных на собственном многолетнем опыте как жены. Ей просто нечего рассказывать – у нее нет и не было этого опыта, ведь Лидия Тафт умерла, когда ей было всего двадцать три года. Даже собственная дочь уже пережила ее.

– Ладно, Тайсон Барнс, – громко говорит Энни сама себе. – У вас пятнадцать минут. И это все, что я могу для вас сделать.

Она открывает дверцу машины и выходит.

Лорел

Она сортирует пакетики сахара по цвету, затем – в алфавитном порядке: «Сплэнда» перед «Свит’Н’Лоу», после чего выкладывает повторяющийся рисунок из белого, розового, желтого, синего – радугоу из пакетиков. Затем она снова осматривает ресторан, уже не скрывая своего раздражения, – и снова безрезультатно. Она смотрит на часы. Энни Тафт опаздывает на двадцать две минуты и, хотя во время ланча Лорел действительно некуда податься, кроме этого места, она недовольна, что приходится ждать так долго. Пять минут – еще куда ни шло. Но двадцать две? Это просто неуважение.

Она сгребает пакетики сахара в беспорядочную кучу, обдумывая способы, которые могут сейчас сделать нашу жизнь слаще. Многие из них некалорийные – только сладость и никакого чувства вины. Не к этому ли мы все стремимся?

Она открывает блокнот и записывает туда свои мысли. У нее могло бы выйти неплохое эссе, думает она, его можно было бы продать какому-нибудь журналу – «Домоводству» или, может быть, «Женскому дню».

Лорел записывает названия журналов рядом с набросками идеи, а потом рисует вокруг звезды, чтобы придать себе занятой вид и не выглядеть как человек, на встречу с которым не пришли.

Официантка подходит к Лорел и указывает на стоящий на столе пустой стакан с месивом из подтаявшего льда.

– Принести вам еще воды? – спрашивает девушка. По виду ей не больше двадцати лет, а высоко затянутый хвостик, приподнимающий уголки ее глаз, придает лицу удивленное выражение.

– Нет, спасибо, – отвечает Лорел своим самым добрым и самым терпеливым голосом. К счастью, девушка исчезает без лишних вопросов. Не задав самый очевидный – «Неужели вы все еще верите, что тот, кого вы ждете, объявится?».

Лорел берет телефон и смотрит на экран, раздумывая, стоит ли послать Энни сообщение и спросить, куда та запропастилась. Но так она выставит себя отчаявшейся и навязчивой, а надо действовать с осторожностью. Хотя она якобы пришла в этот ресторан, чтобы поговорить с Энни Тафт о грядущей свадьбе («Событие года!» – не переставала повторять ее мать), у нее здесь имеется свой интерес.

Она думает о будущей книге – той, сюжет которой будет строиться вокруг убитой матери Энни и которая имеет все шансы прославить ее как писателя. Ничего, что она уже пробовала, не срабатывало. А доступ к Энни Тафт поможет это изменить. Так что пусть все идет своим чередом, она не будет слишком давить. А давить-то она умеет – просто спросите ее семью или последнего бойфренда.

Она убирает телефон и, снова достав ручку, перечеркивает «сладкую» идею. Если она хочет стать великим писателем, нужно тратить время на более важные вещи. Эссе про сахар не более чем детская забава, и она может куда лучше. Надо просто сосредоточиться и не порхать от идеи к идее. Куда полезнее будет узнать больше о мужчине, которого собираются выпустить из тюрьмы. Да, лучше потратить время на это. Возможно, ей стоит выйти на его адвоката, задать несколько вопросов. Она думает о профессоре Шарпе, который учил ее: «Худший враг великого писателя – несобранность».

Интересно, что бы профессор Шарп сказал о своей ученице, узнав, что ей пришлось вернуться в родной город после очередного увольнения и пишет она теперь для крохотной газетенки, сравнимой по уровню со школьной стенгазетой. Черт, да «Вестник Ладлоу» даже хуже, думает она. Лорел вспоминает своего «босса» Деймона и содрогается. Все эти фантазии о карьере, которые увлекали ее в студенческие годы, – как же

далеко она теперь от этого.

Она сгребает свои вещи в кучу и засовывает их в новую большую сумку, цветастую дизайнерскую вещицу с огромной вышитой монограммой «Лорел» по центру. Сумку ей подарила мать, Глиннис, в честь возвращения домой, словно это какой-то праздник, а не повод для скорби. Затеяливый аксессуар, по задумке Глиннис, ей следовало брать в загородный клуб, чтобы тот «придавал ей яркости». «Ты стала такой бледной от всей этой городской жизни», – сетовала ее мать.

Лорел сигнализирует официантке о том, что готова уходить, размахивая кредитной картой. Кредитку Деймон благородно одолжил ей для этого ланча – чтобы подсластить пилюлю, ведь самым громким событием в ее журналистской карьере отныне будет освещение свадьбы Энни Тафт. Впрочем, она не справилась и с этим.

– Вы уходите? – спрашивает официантка, и на этот раз ее удивление искренне.

– Да, – отвечает Лорел, указывая на пустой стул напротив. – Человек, которого я жду, по-видимому, не придет.

– О-о, – протягивает девушка и, опустив руку на плечо Лорел, три раза легко похлопывает по нему. Теперь очередь Лорел выглядеть удивленной.

– Первое свидание? – сочувственно спрашивает официантка. – Я слышала, что лучше встречаться за ланчем, а не за ужином. Не так... очевидно.

– Нет-нет, это бизнес-ланч. Интервью.

– О-о-о. – Официантка понимающе покачивает головой. – Уверена, они нашли кого-то другого, но забыли сказать вам. – Она кивает, соглашаясь сама с собой. – Со мной такое случалось.

– Нет-нет, это не собеседование по работе... – говорит Лорел, не понимая, почему объясняется с официанткой, но все равно продолжает: – Я должна была взять интервью для газеты.

– О! – восклицает девушка, и удивленное выражение снова на месте. – Вы кто-то вроде... журналистки?

– Да, – со сдавленным вздохом отвечает Лорел. – Я *кто-то* вроде журналистки.

Девушка поднимает брови, всем видом выражая свое одобрение.

– Круто, – говорит она.

Лорел протягивает ей кредитку, хотя официантка, похоже, совсем забыла о своей работе.

– Я хочу заплатить по счету. Мне надо бежать.

Девушка со смехом возвращает ей карту.

– Вам не нужно платить за воду, – говорит она.

Она снова похлопывает ее по плечу, и Лорел пытается вспомнить, когда к ней последний раз прикасался кто-то незнакомый.

– Удачи вам с вашим интервью. – Официантка указывает на пустой стул. – Надеюсь, вы найдете того, кто вам нужен.

Лорел тоже смотрит на стул, где должна была сидеть Энни, и размышляет, как теперь вытянуть из нее историю о свадьбе – или убийстве. Все пошло не так, как она надеялась, и уж точно не так, как мечтала. (В ее фантазиях они с Энни совсем забыли о том, что не выносили друг друга в школе, и Энни изливала ей душу, рассказывая и о свадьбе, и о своих самых сокровенных мыслях, а в финале признавалась, что ей нужна подруга невесты, и упрашивала Лорел поучаствовать в торжестве.)

Лорел бросает рассеянное «спасибо» через плечо и оставляет официантку, ресторан и свое унижение позади, переключаясь на размышления о том, что делать дальше и как уберечь то немногое, что у нее еще осталось.

Кенни

Он наблюдает за женщиной, в спешке покидающей ресторан. Она идет так быстро, что ноги едва касаются земли, а подбородок вздернут в хорошо знакомой ему еще со школы манере. Лорел Хейнс была одной из его постоянных школьных мучительниц. Она ставила себя выше всех в городке и была уверена, что далеко пойдет, когда закончит учебу.

– Так пали сильнейшие... – бормочет он себе под нос, отирая запотевшие стенки бокала с холодным чаем. На дворе май, и весна в Южной Каролине проигрывает бой лету, как и каждый год, что он себя помнит.

– Вы что-то сказали, сэр? – спрашивает его юная официантка. Он настолько увлекся наблюдением за Лорел, что не заметил, как девушка подошла к нему. Всего какие-то секунды назад она стояла у столика Лорел, похлопывая ее по плечу и демонстрируя дружеское расположение, и вдруг очутилась рядом. Кенни радуется, что официантка не слышала его слов – ни к чему изливать личные обиды незнакомцам.

– Нет, – отвечает он, указывая рукой в направлении выхода и стараясь, чтобы его голос звучал непринужденно. – Я просто засмотрелся на женщину, которая только что ушла. Кажется, я учился с ней в школе.

– Она журналистка, – говорит девушка так, будто сообщает что-то

важное. В свое время Лорел любила внушать людям, что она важная, но, судя по тому, что болтают в городе, ее планы стать всемирно известным репортером с треском провалились и она приползла к мамочке зализывать раны. Теперь вершина ее карьеры – сенсационные репортажи «Вестника Ладлоу» об очередном заседании клуба садоводов или сборе средств в поддержку чемпиона младшей лиги.

– Будь хорошим мальчиком, – звучит в его голове голос Энни, но Энни здесь нет. Ее нет ни для Лорел Хейнс, ни для него – она одурачила их обоих. Слышит он и кое-что еще – слова Энни, сказанные сегодня, когда она позвонила ему и стала упрашивать прийти в ресторан.

– Ты не можешь просто оставить меня там с ней, – хныкала она. – Ты должен меня выручить. – (Драматичная пауза от королевы драматичных пауз.) – Ты же знаешь, какой невыносимой она может быть.

Безусловно, стрела попала в цель. В его мозгу тотчас же всплыло воспоминание: лицо Лорел Хейнс, глядящей на него сверху вниз, с ее плоским и вздернутым, как у мопса, носом, и компания ее друзей, столпившихся вокруг понаблюдать, как она изводит его своими ехидными остротами. Откуда она всегда знала, как задеть его побольнее? И кто все время заступался за него? Конечно же, Энни – вот кто. Без поддержки Энни он так бы и остался изгоем и его юность была бы куда более несчастной.

Так что сегодня он здесь, в этом ресторане, чтобы защитить своего старого друга, пусть даже тот и не удосужился объявиться. Он берет телефон и пишет Энни второе сообщение:

Привет, я на месте, не вижу тебя. Опаздываешь? Пожалуйста, скажи, что ты не забыла.

Но ответа нет.

Следующее сообщение уже не такое сдержанное и миролюбивое.

Окей, она только что ушла, и я тоже ухожу. Надеюсь, у тебя есть оправдание своему отсутствию.

Да, иногда он проявляет твердость, чтоб показать ей, что он не мальчик на побегушках и не собирается всю жизнь выполнять ее капризы – особенно когда она выходит замуж за кого-то другого. За кого-то, над кем не издевались в школе. За кого-то, кто даже не из Ладлоу.

Он вздыхает, убирает телефон в карман и отсчитывает деньги для официантки, которая, к счастью, увлечена разговором с другим

посетителем. Если ему повезет, он успеет ускользнуть без объяснений. Когда-то он работал на дому и очень мало общался с людьми. Несколько недель назад, когда его девушка на время покинула город, он мог провести целый день, не проронив ни слова, и теперь с удовольствием вспоминает те времена. Они были наполнены покоем.

Выбравшись из ресторана, Кенни оглядывает парковку в поисках машины Энни – той, что Скотт подарил ей на свадьбу. Она обожает запах нового автомобиля и просит принюхаться каждый раз, когда подвозит его. Он всегда соглашается, не признаваясь, что на самом деле он из тех людей, что абсолютно равнодушны к запаху новых машин. Ему нравилось, как пахла ее старая машина – запах недопитого кофе, забытого в подстаканнике, жареной картошки и мыла Энни. Это был ее запах. А новая машина пахнет ничем.

Но Энни нет и на парковке. Она не сидит в автомобиле, собираясь с духом, чтобы выйти, как обычно делает, когда нервничает. Она просто не приехала, снова проделала один из своих трюков с исчезновением. Сделала то, чего большинство жителей городка от нее ожидать не могли. У Энни была репутация лапочки. Но те, кто знает ее получше, знакомы и с темной стороной – той, что пробуждается из-за стресса и из-за всего, что касается ее матери. Учитывая разговоры о парне, осужденном за убийство мамы Энни, и его грядущем освобождении, Кенни стоило бы предвидеть это.

Сожалея о своем последнем сообщении, он достает телефон и собирается написать Энни снова, но тут в его голову приходит идея получше. Он догадывается, куда та запропастилась. И может сделать больше, чем отправить очередное сообщение. Он найдет ее и простит ей исчезновение, как это было всегда.

Клэри

Птица как сквозь землю провалилась. Голубь по кличке Мика^[1], ее любимец, не вернулся. Он не просто задержался, как она говорила себе, придя домой со службы и найдя трех остальных голубей в целостности и сохранности. Он исчез.

Иногда такое случается – она это знает. Как-никак именно пропавшая птица стала причиной ее собственного решения разводить голубей. Она нашла одну много лет назад, в день, когда ей так хотелось чувствовать себя кому-нибудь нужной, и та птица нуждалась в ней. Так что она знает, такое может произойти и происходит – просто никогда не случалось с ней.

Ей хочется в туалет, и сильно, но она игнорирует позыв, снова пересчитывая голубей, как будто могла обсчитаться. Будто благодаря этому птица магическим образом появится, как кролик из шляпы фокусника. Раз-два-три – вуаля! Конечно, ничего не меняется, и жердочка, где обычно сидит Мика, остается пустой. Клэри представляет его там, как он по своему обыкновению изучает ее, наклонив головку и глядя так, словно видит ее насквозь. Это самый занятный из ее голубей, обладатель переливающихся серебристых перышек на кончиках крыльев, напоминающих ей о камешках, которые они с Энни собирали в детстве, воображая, что это сокровища и прожилки в них по-настоящему серебряные.

Сегодня на похоронах Уилли Макгерта она выбрала Мику на роль покидающей тело души. Остальные три птицы символизировали Отца, Сына и Святой дух – проводников, нужных, чтобы указать Уилли путь на небеса. Наверное, все это слегка чересчур, но всегда утешает скорбящих. Ком до сих пор стоит у нее в горле – так происходило каждый раз, когда она выпускала голубей. Но сегодня все было особенно трогательно – даже ошеломляюще. По всему телу пробегает дрожь, когда она вспоминает об этом – и о том, что Мика не вернулся с остальными.

Она разрешила вдове Уилли, Майре, подержать голубя перед тем, как позволить ему взмыть в небо. Майра поцеловала маленькую головку птицы и выпустила ту в воздух. Голуби взлетели как обычно, но, пока набирали высоту, видимо, заметили хищника, потому что быстро залетели назад под тент, установленный на кладбище. Однако для людей, собравшихся там, это выглядело словно птицы решили вернуться по собственной воле. Три голубя облюбовали в качестве жердочки стебли цветов на крышке гроба Уилли, а Мика предпочел пустое кресло рядом с Майрой.

Все участники церемонии ахнули, когда Мика уселся и начал пристально изучать Майру. Остальные три птицы смотрели на Мику, и казалось, будто Уилли, муж Майры, с которым она прожила пятьдесят четыре года, говорит последнее «прощай», а Святая Троица одобрительно наблюдает. Все умолкли и, как показалось Клэри, задержали дыхание. А потом, безо всякого предупреждения, четверка снова дружно взмыла в небо. В молчании скорбящие поднялись со своих мест, вышли из-под тента и наблюдали за голубями, пока те не скрылись в облаках.

Но Мика так и не вернулся из того полета, и Клэри ломает голову, что могло пойти не так. В отчаянии она выкрикивает кличку птицы. «Мика!» – зовет она, задрвав голову к небу.

Громкий шум пугает остальных голубей – всего их четырнадцать, – и они начинают хлопать крыльями. Сила их крыльев порождает шум и

поднимает ветер. Двое из них пикируют ей на голову и почти касаются ее лохматых волос, после чего возвращаются на жердочку. Звук затихает, и в голубятне снова воцаряется тишина, которую нарушает только биение ее сердца. Птицы изучают ее своими пронзительными, пронизательными глазами. Вот бы она могла спросить их, где Мика. Вот бы они могли ей показать. Но придется искать самой. Никто, кроме Клэри, не способен найти то, что она потеряла.

Энни

– Мне нужно идти, – говорит она, но не двигается с места. Кенни пропускает ее слова мимо ушей, притягивает к себе и, словно старший брат, целует в макушку. Иногда ей хочется, чтобы он на самом деле был ее братом или кузенком – кем-то близким. Пусть местами их отношения и выходят за рамки родственных, они никогда не пересекали черту – после того единственного случая в школе. Будь Кенни членом ее семьи, им не пришлось бы расстаться через несколько недель. Меняешь фамилию – теряешь лучшего друга, думает она и вздыхает.

– Останься, – просит ее он. – Пусть поломают голову.

– О, они уже ломают. Ты не единственный человек, на встречу с которым я сегодня не явилась. Уверена, в телефоне уже пятьдесят семь пропущенных звонков и сообщений. – Она загибает пальцы, перечисляя людей, которые сейчас могут ее разыскивать: – Барбара Тодд из загородного клуба, тетя Фэй, Трейси, Лорел Хейнс...

– Она была в ярости, – говорит Кенни и смеется. – Ты бы видела, в каком состоянии она выскочила из ресторана.

– Пусть встанет в очередь. Наверняка она хотела встретиться только для того, чтобы разузнать о моей матери. Как будто ей есть дело до свадьбы.

– И тем не менее это свадьба года, – возражает Кенни. Он задумывается. – Может, даже десятилетия.

– А ты собираешься все пропустить. – Энни качает головой и недовольно цокает языком. – Стыдись! – Она чувствует, как он напрягается, и шутливо подталкивает его локтем. – Не будь неженкой! Я просто шучу.

Он смотрит на нее. За толстыми стеклами очков его зеленые глаза кажутся больше, чем на самом деле. В этих очках он выглядит как Кларк Кент. Его лоб даже украшает завитушка темных волос. Но если вы снимете с Кенни очки, он не превратится в Супермена. Он просто станет чуть

симпатичнее. Он не умеет перепрыгивать небоскребы или взмывать высоко в небо. Но он отлично знает, когда ей нужна защита. Она будет скучать, когда он исчезнет из ее жизни. Она хочет сказать ему об этом, но Кенни опережает ее.

– Может, тебе *и правда* пора идти, – говорит он и чуть отодвигается от Энни. – Не хочу тебя задерживать, когда все эти люди так беспокоятся.

Она не в настроении спорить и уговаривать его. К тому же ей действительно пора. Так что она просто отвечает:

– Окей. – И добавляет: – Спасибо, что нашел меня сегодня.

– Ты говоришь так, словно это какая-то тайна, – отвечает он.

Энни морщит носик:

– Ну, для большинства так и есть.

– Ты прекрасно знаешь, *что* я думаю об этом. Ты не считаешь нужным говорить своему жениху, где скрываешься, когда расстроена, зато сообщаяешь мне. Что бы это значило?

– Ты знаешь меня... не такой... как знает он. – Она снова приводит тот же аргумент, что и всегда. – Ты знаешь меня дольше, вот и все. И у меня не было особых причин ему рассказывать.

– Их не было, потому что ты не хотела, чтобы он знал, – говорит Кенни. – Ты заставила его думать, что ты маленькая принцесса – розы, единороги, милая улыбочка и так далее. Он попался на тот же трюк, что и весь город.

Она легонько толкает его.

– Ничего подобного.

– Ну да, все так и есть. Ты убедила его – как и весь город, – что излучаешь свет и любовь, что у тебя нет темной стороны. Черт, да ты и выходишь за него только из-за этого. Если бы ты была честна с ним – и честна с собой, – ты бы на это не отважилась.

– Полагаю, ты считаешь, я должна выйти за тебя.

Его лицо искажается от боли, словно она дала ему пощечину. Несколько секунд они молча смотрят друг на друга. Она видит, что он раздумывает, стоит ли ему зайти дальше.

– Ты бы не стала ввязываться в эту бизнес-сделку, которую зовешь любовью, – говорит он. – Ты бы не продалась по дешевке. – Он закатывает глаза и отодвигается, давая ей знать, что разговор закончен. У него тоже есть гордость.

Если бы она хотела, она могла бы сократить эту дистанцию между ними, могла бы все наладить. Но она защищает свою территорию. Они должны отпустить друг друга, предоставить друг другу свободу выбора.

Сейчас ей нужно отнестись к нему по-доброму, даже если он принимает эту доброту за жестокость. Она не знает, как все закончится, и не хочет знать, но она уже дала согласие другому человеку. Выбор сделан, и давать ему надежду, что все могло бы быть по-другому, нечестно. И все же... Она наклоняется и целует его, нейтрально, по-дружески, как европейцы делают каждый день.

Он остается неподвижен, безучастен.

– Теперь я пойду, – говорит она, желая, чтобы он заговорил, чтобы остановил ее. Она не хочет уходить, не сейчас. Она могла бы остаться еще на несколько минут. Они могли бы продолжить разговор.

Но Кенни молчит и смотрит в сторону, пока она разглаживает свою помятую одежду. Она стряхивает сосновые иголки и кусочки сухих листьев, прилипшие к ее шортам, и ее взгляд снова падает на то место, где умерла ее мать, место, куда она любит приходить, когда чувствует, что ей плохо и что она запуталась. В последнее время это происходит все чаще, и Кенни – единственный человек, который знает об этом. Ей не хотелось рассказывать кому-либо еще.

Она знает, что это чего-то стоит, что Кенни прав. С ее стороны жестоко притворяться, что все иначе, но не притворяться – значит открыть дверь, которую она отчаянно пытается закрыть. Ей нужно поступить правильно, выйти замуж за правильного человека. И это не Кенни, а Скотт. Кенни, конечно, не понимает этого. Он не знает *правил*. А она знает – и всегда знала, – чего именно от нее ждут и какова ее роль в этом городе. Энни не может позволить себе выйти замуж за изгоя – даже если это ее старый друг. Она должна связать свою жизнь с мужчиной, который идеально соответствует ей, с тем, кого публика желает увидеть у алтаря через несколько недель. Она должна приносить городу счастье, как делала всегда. Это ее жертва, ее вклад в общее благо. Если ты – единственное напоминание о темных для городка временах, делай все, чтобы нести свет.

Она идет прочь, но Кенни не окликает ее и не пытается вернуть. Он просто дает ей уйти.

Фэй

– Не могу поверить, что ее еще нет, – ворчит Фэй, бросая взгляд на огромные часы. Она повесила их на стену, чтобы все – и клиенты, и стилисты – всегда были в курсе, который час. *«Трудно притворяться, что не имел понятия, сколько времени, когда перед твоим носом гигантский*

циферблат», – любит говорить она. Фэй впервые опробовала трюк с часами дома, на девочках, когда те были подростками, но вразумить их оказалось куда сложнее, чем сотрудников и клиентов, – Энни и Клэри жили по собственному расписанию и по собственным правилам.

Чего-то подобного она и ожидала, но не думала, что Энни пропустит пробную свадебную укладку. Она не единожды напоминала ей об этом, но каждый раз не могла отделаться от ощущения, что Энни ее не слушает. В последнее время та была слишком рассеяна из-за разговоров об освобождении Корделла Льюиса. Эта история расстраивала все ее свадебные планы, потому-то Фэй и затеяла примерку. Ей хотелось переключить внимание Энни на свадебное торжество – отвлечь от мыслей о человеке, влиявшем на их жизнь слишком сильно и слишком долго.

В кресле перед ней, изо всех сил пытаясь скрыть выражение недовольствия на лице, сидит Трейси Дуглас. Она пытается примириться с тем, что Энни пропустила их встречу, но у нее не очень-то получается. Фэй испытывает нечто подобное. Иногда Энни требует от них больше терпения, чем у них есть, – вот как сегодня.

Фэй почувствовала неладное сегодня утром, когда обнаружила Энни читающей за завтраком. Увидев, как в комнату входит Фэй с чашкой кофе в руке, Энни что-то быстро сложила и сунула между страницами свадебного журнала, притворившись, что с головой погружена в его изучение.

– Что читаешь? – поинтересовалась Фэй, давая Энни возможность сказать правду.

Энни ткнула пальцем в страницу и соврала:

– Статью о том, как лучше рассаживать гостей на торжестве. – Она невинно подняла глаза на Фэй. – Нам надо обязательно это обсудить.

– Конечно, – не стала настаивать Фэй. В конце концов, у Энни могут быть свои секреты. К тому же она уже не девочка, а через пару недель и вовсе станет замужней женщиной. Женщиной, которая уедет из этого города. Фэй отбросила эту мысль. – Может сегодня, когда закончим в салоне?

– Угу, – промычала Энни и закрылась журналом, тогда Фэй окончательно убедилась, что та не обращает на нее никакого внимания. Теперь она уже жалела, что не надавила на Энни и не напомнила еще разок, что нужно появиться в салоне после ланча с журналисткой. Ох уж эта журналистка, примчалась в надежде пожить сенсацией, и Фэй опасается, что ее интересует не только свадьба. Она глаз не сведет с Лорел Хейнс. Она провела всю жизнь, защищая Энни, и не собирается прекращать.

Когда Энни ушла в душ, Фэй пролистала журнал, чтобы выяснить, что именно та прятала, но, что бы это ни было, оно исчезло. Предмет в руках Энни напоминал официальное письмо, и Фэй подозревала, откуда оно. Будь ее воля – уж она бы выбила из этого адвоката дурь. Доказывать невиновность Льюиса – его работа, а не задача Энни. Должен ли Корделл Льюис сидеть в тюрьме – не ей решать. Оставьте, наконец, девочку в покое!

– Думаете, нам нужно позвонить ей? – спрашивает Трейси, и пальцы Фэй, заплетающие локоны в прическу из того самого журнала, который Энни «читала» этим утром, замирают. Фэй делает прическу по памяти и знает, что Трейси сомневается, сможет ли она правильно воспроизвести ее. Но журнал у Энни, а Энни здесь нет.

– Я пыталась, – отвечает Фэй. – Но она не ответила. И не перезвонила.

– Давайте я напишу ей, – предлагает Трейси, и на ее лице отражается такое рвение, словно ради Фэй она готова свернуть горы. Трейси еще в школе пыталась всем угодить, но она лучшая подруга Энни, так что ничего не напишешь. К тому же Фэй подозревает, что ее племянница не особенно дорожит дружбой с Трейси и они наверняка потеряют связь, как только Энни уедет.

Энни уедет. Эта мысль застаёт ее врасплох, раз за разом. Фэй всегда страдала из-за того, что племяннице не удалось найти достойного парня в их родном городе. Конечно, ей нравился Скотт Хэнсон, но она злилась, что он забирает у нее Энни. Энни, покидающая город и оставляющая ее. О таком она и не думала.

Фэй качает головой:

– Я уже пыталась. Много раз. – Она закатывает глаза – привычка, подхваченная от Энни и Клэри, и добавляет, просто чтобы не молчать: – Они со Скоттом, наверное, слишком заняты, строя друг другу глазки.

– А может, и не только, – предполагает Лоис Хендрикс из соседнего кресла, а потом издаёт громкий смешок, приглашая остальных присоединиться к ней. Несколько клиенток вежливо хихикают.

– Нет уж, я даже думать о таком не хочу, – шутливо ворчит Фэй.

Лоис снова смеется, но уже с меньшим энтузиазмом, а потом откидывается в кресле, поняв, что лучше не развивать тему. Фэй не ханжа, но она совершенно точно не хочет рассуждать о сексуальной жизни своей племянницы.

– Знаешь, как мы поступим? Мы сделаем тебе бесплатный массаж лица. За твои хлопоты, – говорит она Трейси.

– Вот бы мне кто-нибудь сделал бесплатный массаж, – ворчит Лоис себе под нос, достаточно громко, чтобы слышали все. Но никто не

обращает на нее внимания. Лоис одна из самых богатых женщин в городе, но далеко не самая умная. Когда-то она была красавицей, но тот поезд давно ушел. Теперь Лоис тратит львиную долю своего времени, стоя на станции, размахивая платочком и умоляя, чтобы он вернулся. Иными словами – пропадает дни напролет в салоне у Фэй. Лоис здесь такой же привычный элемент декора, как здоровенные часы на стене.

– Не надо, – отвечает Трейси. – Он мне не нужен. – Она подносит лицо ближе к зеркалу, как будто пытаюсь найти там подтверждение своим словам.

Фэй слегка похлопывает Трейси по плечу:

– Ты права. Ни к чему. Вот бы мне такую кожу.

Она смотрит на Лоис, ища одобрения. *Я права?* Но Лоис делает вид, что увлечена старым выпуском журнала «Пипл». Что ж, пусть дуется. Долго она не продержится. Салон Фэй далеко не единственный в городе, но определенно самый лучший. Клиенты любят ее, и график расписан на много дней вперед. В жизни Фэй не так много вещей, на которые она может с уверенностью положиться, но ее работа точно из их числа.

Трейси что-то бормочет, и Фэй наклоняется к ней:

– Что, милая? Я не расслышала.

– Ничего, – отвечает Трейси, и на ее щеках расцветают два алых пятна. Фэй хорошо знакома эта ее привычка: краснеть и смущаться из-за пустяков.

– Ну брось, теперь тебе придется мне сказать, – настаивает Фэй и слегка подталкивает девушку локтем, чтобы приободрить.

На лице Трейси отражается внутренняя борьба. Она поглядывает на входную дверь, как будто опасается, что внезапно появится Энни и поймает ее на месте преступления. Поняв, что ничего подобного не предвидится, она делает глубокий вдох.

– Я просто сказала, что не понимаю, почему Энни не пришла... Не ко мне, конечно, а к вам, – поспешно добавляет она и вздыхает. – Вы столько для нее сделали...

Фэй делает шаг назад. Ее не удивляет, когда подобные слова – о том, какой она чудесный человек, сколь многим пожертвовала для своей племянницы и так далее, – говорят ей женщины ее возраста. Но подружки Энни? Обычно им нет до этого никакого дела.

– Что ж, – осторожно отвечает Фэй. – Это ее свадьба. А я сделала то, что сделала бы любая мать. – Она пожимает плечами с надеждой, что этот жест придаст ей равнодушный вид. – И я самый близкий человек, который у нее есть, – добавляет она зачем-то.

Трейси ищет глаза Фэй в зеркале. Когда Фэй неохотно встречается с

ней взглядом, та секунду смотрит на нее, а потом произносит:

– Я говорю не только о свадьбе. – Она собирается сказать что-то еще, но тут же испуганно закрывает рот. Она и так сказала слишком много, и храбрость оставляет ее.

Но Фэй и так знает, что она имеет в виду, что пытается выразить. И она дорожит этим. Фэй кладет руку на плечо Трейси:

– Спасибо, милая. Это многое для меня значит.

Трейси кивает:

– Я просто сказала правду.

– Кто угодно поступил бы так же, – говорит Фэй, хотя знает, что это не совсем так. Она слышала эти слова достаточно часто и не тешит себя иллюзиями. Она не *кто угодно*, как и Лидия. Фэй задумывается о своей покойной сестре, но только на мгновение – это все, что она может себе позволить. Нет смысла жить прошлым. Впереди свадьба и новая жизнь. Как только невеста придет, они займутся делом.

Энни объявляется к ужину. Дверь открывается, и она влетает в дом, громко оповещая о своем возвращении: «Эй, я дома!»

Она всегда ведет себя так после исчезновений. Позже она будет делать вид, что ничего не произошло, и рассчитывать на прощение. Это часть их негласного соглашения, выработанного за годы: да, я порченный товар, но ты же знаешь, что мне пришлось пережить, когда я была ребенком. Ты растила меня, и я стала тебе хорошей дочерью. Я устрою так, что снаружи все будет выглядеть идеально, можешь на меня положиться, ты не пожалеешь. Но когда я сорвусь, ты мне это позволишь. Ты все поймешь.

Фэй гадает, знает ли Скотт о приступах плохого настроения Энни, понимает ли, что ей необходимы эти срывы. Фэй и Клэри уже привыкли к ним, научились распознавать их приближение, изучили циклы. Но Фэй боится, что Энни держит темную сторону своей личности в тайне от жениха. Ведь так, по сути, и поступают люди, когда влюбляются: они скрывают, кто они есть на самом деле, как можно дольше, опасаясь, что стоит только стать собой, и их сразу разлюбят. Однажды она пыталась поговорить с Энни об этом, в качестве пробного шара использовав тему смерти Лидии (она сказала «смерть», а не «убийство» – так звучало мягче) и то, как эта трагедия повлияла на них всех (она добавила сюда себя и Клэри, чтобы Энни не подумала, что разговор нацелен только на нее). Но Энни сразу раскусила Фэй и отказалась обсуждать эту тему.

– Я просто строю новую жизнь, – сказала она. – Подальше отсюда. Подальше от всего этого.

И, глядя на нее, Фэй ей поверила.

– И тебе привет, – отвечает Фэй из кухни. Она слышит, как Энни кладет свою сумочку и ключи на столик в фойе и скидывает туфли – она делает так с тех пор, как начала водить машину: *шлеп, дзынь, бум, бум*. Она будет скучать по этим звукам, звукам присутствия Энни, символам домашнего уюта и единения. Она уже точно знает, что после свадьбы будет ловить себя на том, что замирает в ожидании знакомого шума, то и дело забывая, что этот этап ее жизни остался позади. Она встряхивает головой и хорошенько взбалтывает заправку для салата. Нельзя быть настолько сентиментальной.

Из-за угла появляется Энни и награждает ее широкой улыбкой – из тех, что она использует, когда пытается оттянуть нежелательный разговор.

В ответ Фэй поднимает бровь.

– Мы сегодня ждали тебя в салоне, – говорит она, тщательно подбирая слова.

– Да, – отзывается Энни. – Мне очень жаль. Я... Было много дел... – Она наклоняет голову, и уголки ее рта ползут вниз – попытка казаться пристыженной. – Прости... Я уже позвонила Трейси.

– По-моему, она злится, что ты не пришла, – замечает Фэй. Превосходный план: обставить все так, будто злится кто-то еще. Не она сама.

– Да, – снова соглашается Энни. – Она сказала, что я не должна была всех вас подводить. Я объяснила, что просто забыла про встречу, а когда спохватилась, было уже слишком поздно. – Она умоляюще складывает ладони. – В последнее время приходится столько всего держать в голове.

Фэй протягивает ей миску с салатом, и Энни приходится опустить руки, чтобы взять ее. Она молча идет в столовую и ставит миску на стол. Этот дом когда-то принадлежал семье отца Энни. Они позволили Лидии воспитывать в нем девочку после того, как тот разбился на мотоцикле, а потом, когда умерла уже Лидия, разрешили Фэй и Клэри «остаться еще ненадолго». С тех пор миновало двадцать три года, но они по-прежнему не чувствуют себя здесь как дома.

Иногда Фэй размышляет, какой бы дом для себя и девочек выбрала она сама. Они с мужем и Клэри жили в съемной квартире, когда им позвонили и сообщили, что Лидии не стало. Она отправилась в Ладлоу, чтобы позаботиться о своей осиротевшей племяннице, но все были уверены, что она просто заберет Энни и вернется в Вирджинию к мужу. Однако Фэй так и не вернулась – за исключением короткого вынужденного визита, чтобы забрать свои вещи. Она осталась в этом доме, чтобы растить дочь и

племянницу, получила работу в салоне, который потом ей неожиданно удалось купить, и построила собственную жизнь. Но иногда Фэй задумывается: действительно ли она хотела такой жизни или просто смирилась с обстоятельствами? Впрочем, рефлексировать на эту тему все равно некогда – ее то и дело прерывают те, кому что-нибудь от нее нужно.

– Где Клэри? – спрашивает Энни с набитым ртом. Фэй не нужно смотреть на нее, чтобы понять: она жует кусочек огурца для салата.

– Она в голубятне, – отвечает Фэй, беря соус ранч для Клэри, блю-чиз для себя и итальянскую заправку для Энни, чтобы отнести их к столу. Снаружи слишком жарко, чтобы заставить себя есть более тяжелую пищу. Одна из клиенток принесла ей свежие помидоры и огурцы из собственного огорода – первый урожай в этом году, и она сразу решила приготовить на ужин салат. Она подходит к столу и тяжело опускает на него заправки, расставляя их для троих. Было бы здорово, если бы им нравилось одно и то же, но, увы, это не так. Три вида мороженого в морозилке, три разновидности газировки, три заправки.

– Она расстроена, – говорит Фэй Энни.

Энни обеспокоенно смотрит на нее. Никто не любит, когда Клэри в дурном настроении.

– Из-за меня?

Если подумать, это вполне резонное предположение.

– Нет, – отвечает Фэй, еще раз перемешивая салат щипцами, хотя в этом нет необходимости. – У нее пропал голубь.

– Только не это! – восклицает Энни. – Он погиб? Как жалко.

Фэй пожимает плечами.

– Не знаю. Она не может его найти. Она выпускала птиц на похоронах. Помнишь Майру Макгерт?

Энни кивает.

– Так вот, ее муж умер, и Майра пригласила Клэри на похороны. Но один из голубей так и не вернулся.

– Но другие вернулись? – спрашивает Энни. Она собирается стянуть еще один огурец, но Фэй останавливает ее руку.

– Положи себе немного салата, если ты голодна, – ворчит она и возвращается к разговору: – Наверное, да. Ты знаешь, я не очень разбираюсь в этих ее птицах.

Фэй известно немного: однажды, девять лет назад, ее дочь принесла домой раненого голубя с твердым намерением выходить его и вернуть владельцу. Ей было девятнадцать, и она только что вернулась из Шарлотта в Северной Каролине – ее первая попытка жить самостоятельно после

окончания школы, которая не продлилась долго. Клэри действительно удалось вернуть птицу хозяину, и Фэй решила, что на этом все закончится. Однако Клэри, напротив, загорелась идеей, принялась упрашивать ее построить собственную голубятню и начать выращивать птиц на заднем дворе.

Клэри утверждает, что голуби – особенные птицы, но Фэй не разделяет ее мнения. Достаточно и того, что она просто спокойно относится к странному увлечению своей дочери. Иногда люди платят Клэри за выпуск голубей на свадьбах или похоронах, иногда – за экскурсии на голубятню для школьников. Фэй считает, что все могло быть и хуже. Она знает, Клэри хочет, чтобы мать гордилась ею, чтобы понимала, что птицы для нее значат, но это уже выше ее сил.

Энни не тянется за щипцами, чтобы наполнить свою тарелку, и тогда Фэй решает поесть сама. Она голодна и не может вспомнить, обедала ли сегодня вообще. Утром Фэй по обыкновению перехватила несколько крекеров – ее типичный завтрак уже много дней. Здоровое питание, о котором то и дело вещает Энни, – не ее конек. Но, в конце концов, она приготовила на ужин салат!

– Знаешь, что тебе нужно сделать? – продолжает Фэй. – Выйди и позови ее ужинать. Притащи ее, если нужно. Она не может оставаться там до ночи.

Большие голубые глаза Энни становятся еще больше.

– Она что, торчит там весь день?

Фэй кивает и садится за стол с тарелкой салата.

– Пишет объявления, звонит в ветеринарную службу, глазеет в небеса. Она в отчаянии. – Фэй добавляет к салату несколько кусочков цыпленка гриль и щедро сдабривает их соусом блю-чиз.

Энни наблюдает, скорчив недовольную гримасу:

– Ты же понимаешь, что все это жутко вредно для тебя?

Фэй игнорирует ее слова и отправляет в рот полную ложку.

– Просто позови ее, хорошо? – говорит она с набитым ртом.

К счастью, Энни уже направляется к двери, давая Фэй время спокойно поесть – пусть и недолго.

Клэри

– Дай угадаю, ты пришла сюда сказать, что ужин готов и мне пора идти в дом, – говорит Клэри, увидев приближающуюся Энни.

Уже конец дня, но ее кухня выглядит свежей и бодрой, как утром. Клэри не понимает, как Энни это удается и почему она сама лишена подобных генов. Они ведь, в конце концов, родственницы и даже похожи внешне: глаза Энни такого же голубого цвета, как у нее, а Клэри, до того как начала красить волосы, тоже была блондинкой. Когда они были маленькими, Фэй даже пробовала одевать их как двойняшек – правда, никто на это не купился. «Подружки? – интересовались люди и делали характерное: – Оу-у-у», когда Фэй отвечала, что кухни.

Энни останавливается рядом с голубятней и указывает в направлении дома.

– Салат, – разъясняет она. – И остатки цыпленка гриль в маринаде из 7UP, которого она готовила в выходные. Но зато овощи свежие, прямо с чьего-то огорода. – Энни нараспев протягивает последнюю фразу и комично машет руками, вызывая у сестры невольную улыбку.

Вообще, Клэри не уверена, что сможет сейчас съесть хоть кусочек – она слишком волнуется за Мику. Но ее желудок имеет собственное мнение на этот счет и выражает его громким урчанием: *а вот и сможешь*.

– Она снова дала мне один из своих фирменных советов. Из серии «Знаешь, что тебе нужно сделать...».

Клэри кивает. Советы ее матери всегда больше чем советы. Это приказы, замаскированные под советы, чтобы не выходить за рамки приличий. В салоне она обращается с этим «Знаете, что вам нужно сделать...» к своим клиенткам, и те, конечно, внимательно прислушиваются к каждому ее слову. Фэй уверена, что так же получится и дома, но это никогда не работает.

– Она сейчас там, ужинает в гордом одиночестве. Перезаряжает ружье и готовится палить. – В голосе Энни звучат зловещие нотки. Это их с Клэри старая шутка, подслушанная в каком-то кино. Перезарядившись, Фэй обстреляет их новыми доводами, применит свежую стратегию наступления. Стоит им только вернуться, и она сразу же примется за одну из них. Вопрос – за кого именно.

– Погоди, – просит ее Клэри. Присутствие кухни нервирует и ее саму, и голубей. Они разглядывают Энни из-за проволочной сетки и переминаются на жердочке, прикидывая, стоит ли расценивать ее как хищника. – Она не опасна, – говорит Клэри голубям, но потом вспоминает недавний разговор с Энни и задумывается, действительно ли это так.

– Фэй сказала, ты потеряла одного из голубей? – спрашивает Энни. Ее голос звучит нерешительно, и Клэри понимает, что Энни расспрашивает ее по указке Фэй, но сама не в восторге от этой идеи.

– Да, – сухо отвечает Клэри, не собираясь вдаваться в подробности. Она не будет обсуждать эту тему ни с кем, кроме ее ветеринара, специалиста по птицам из Гринвилла, который уже замолвил словечко насчет Мики среди своих коллег. Это тот самый ветеринар, который несколько лет назад помог ей вернуть пропавшую птицу владельцу, после чего владелец, преисполнившись благодарности, поддержал Клэри с ее новым хобби, со временем переросшим в небольшой бизнес. Правда, денег по-прежнему недостаточно, и она вынуждена заниматься халтурой на стороне.

Она вспоминает про подработку – завтра она обещала отвезти на прогулку мисс Минни, а значит, поиски Мики придется отложить. Очень жаль, ведь она собиралась поехать по соседним городкам и раздать местным ветеринарам и владельцам зоомагазинов листовки с объявлением о пропаже – невозможно угадать, как далеко улетел Мика и когда он может вернуться. Клэри была так озабочена его исчезновением, что начисто забыла обо всем остальном.

– Дерьмо, – цедит она, забывая, что Энни еще находится рядом.

– Что такое? – интересуется Энни.

Клэри мотает головой.

– Ничего. Я просто вспомнила, что надо работать. Сегодня мисс Минни встречалась с доктором в Гринвилле, но завтра мне нужно отвезти ее на прогулку и сообразить что-то на ужин. А значит, я не смогу искать Мику.

– Мику? – переспрашивает Энни озадаченно.

– Моего голубя. Того, что пропал.

– А, – отвечает Энни. – Я не знала их имена.

Клэри пожимает плечами.

– Другого я и не ожидала.

– Так какой из них был Микой?

– Не был, а *есть*. Он не умер, а просто пропал, – говорит она, от всего сердца надеясь, что так и есть.

– Прости, – говорит Энни и поправляется: – Какой из них – Мика?

– Тот, что с серебристыми перьями. Кентуккийский бриллиантовый, один из моих старичков. Я получила его от парня, который вывел эту породу. Я нашла одну из его потерявшихся птиц, а взамен он подарил мне Мику. С этого, собственно, все и началось. – Она обводит рукой голубятню, которую Фэй когда-то позволила выстроить в тени деревьев на заднем дворе.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала, – говорит Энни.

Клэри пожимает плечами. Она не любит ворошить прошлое, потому что ей отлично известно, куда это может привести.

– Ты тогда все равно была на учебе. – Клэри пытается заставить свой голос звучать беззаботно и молится, чтобы Энни не вспомнила про Трэвиса. В последнее время она любит поговорить о Трэвисе и бесконечно бубнит, что «поступила правильно». Только вот у Клэри другое мнение на этот счет.

– Ты знаешь, я готова ради твоей свадьбы на что угодно, но не на *такое*, – сказала ей Клэри, когда они впервые заговорили обо всем этом. – Хочешь очистить свою совесть перед Корделлом Льюисом – валяй. Но, пожалуйста, не проси меня о том же. – Она возмущенно фыркнула, вообразив, что ее голос звучит сейчас как у Скарлетт О’Хара – если бы у той был пирсинг, татуировки и несуществующий в природе цвет волос. – Я не сделала ничего плохого Трэвису Даву, и, кажется, чувствует он себя прекрасно. С чего бы мне ворошить осиное гнездо? И зачем тебе это нужно?

К счастью, на сей раз Энни не связывает случившееся с Трэвисом, и разговор о нем так и не заходит. Впрочем, Клэри не сомневается, что скоро услышит это имя снова.

– Мика, – говорит вместо этого Энни и улыбается. – Кончики крыльев серебристые, как те камешки, верно?

Клэри поднимает на нее глаза и улыбается в ответ. Энни старается. Клэри видит и ценит это.

– Да, – соглашается она. – Те, что мы собирали, когда были детьми.

На лице Энни вспыхивает улыбка – как обычно ослепительная, будто заливающая светом все вокруг – и разгоняющая сумрак уходящего дня. Скоро ночь, а Мика там один, в темноте. Клэри делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Мы думали, что разбогатеем, помнишь? – спрашивает Энни, и ее голос напоминает голос той малышки, которой она была много лет назад.

– Да, – отвечает Клэри. – Помню.

В это время голуби в голубятне начинают ворковать. Их товарищи с соседних деревьев подхватывают эту песню. Воцаряется покой и – почти – тишина, но Энни тут же нарушает ее своими словами. Энни любит нарушать тишину. Жить с ней в одной комнате в детстве было невыносимо.

– Если тебе нужна помощь с мисс Минни, я могу тебя прикрыть. – Она пожимает плечами. – Все равно я ничем не занята.

Ее начальник недавно уволился и оставил дела в ужасном беспорядке. В преддверии свадьбы и грядущего отъезда Энни собиралась оставить

свою работу специалиста по маркетингу в сети продуктовых магазинов. Вместо того чтобы ждать перемен и знакомства с новым боссом, они со Скоттом решили, что она просто уйдет чуть раньше. Она собиралась искать новую работу в Норкроссе, в Джорджии, куда после свадьбы уедет со Скоттом – его перевели туда с прежней работы. Но Клэри пока не замечала, чтобы Энни искала что-то.

– Это даст тебе время на поиски Мики. – Брови Энни над ее сапфировыми глазами вопросительно изгибаются. – Так ведь?

Клэри прищуривается на кухню и многозначительно ухмыляется.

– Не думаю, что ты до конца понимаешь, о чем просишь, – говорит она. – У нас с мисс Минни разработан маршрут на каждый день. У нас есть расписание. И она рвет и мечет, если мы хоть что-то нарушаем. Я не уверена даже, что она примет твою помощь. Ты для нее чужая.

Энни делает нетерпеливый жест рукой, отмахиваясь от аргументов Клэри.

– Все будет в порядке, – отвечает она с озорной улыбкой. – Все в нашем городке любят меня, забыла? – Она смеется, подтрунивая над Клэри, которая не упускает шанса ткнуть ее носом в тот факт, как все вокруг любят Энни и как легко она справляется с трудностями благодаря сочетанию личного обаяния и трагического прошлого. Все это – фальшивка, и никто не знает этого так же хорошо, как Клэри, которая своими глазами наблюдала за тем, как Энни создает и культивирует свой драматический образ.

Они обе росли и становились собой бок о бок. Обе перевидали множество версий друг друга, примеряли и отбрасывали их одну за другой, пока не остановились на текущих вариантах. Обе знали, какие элементы этих отвергнутых версий они сохранили, не сумев отпустить. Для Энни это привычка исчезать, когда наступают трудные времена. Для Клэри – нечто совсем иное.

Она собирается обсудить это нечто – и их предыдущий разговор о Трэвисе, – когда у Энни звонит телефон – «Дикси Капс» поют «Идем в часовню, чтобы пожениться»^[2]. Шум снова будоражит птиц. Порыв ветра, поднятый их крыльями, взлохмачивает волосы Клэри, и та с укором смотрит на нарушительницу спокойствия. Но Энни не замечает недовольного взгляда кухни. Она слишком занята своим телефоном. Клэри видит, что на мгновение Энни сомневается, стоит ли брать трубку, и по ее лицу пробегает тень паники, или сожаления, или какого-то еще неуловимого чувства, но в конце концов она отвечает на звонок.

– Привет, малыш, – произносит она, и ее голос полностью меняется,

становится мягче. Она смотрит на Клэри. «Скотт», произносит она одними губами. Можно подумать, Энни называет «малышом» каждого, кто ей звонит!

Энни отходит достаточно далеко, чтобы ее не было слышно, а Клэри направляется к дому, на ходу раздумывая, стоит ли Энни позволить присмотреть за мисс Минни, пока она будет искать Мику. Будет здорово, что у нее появится время на поиски, но не нарушат ли перемены спокойствие Минни? Клэри приходилось не раз выкручиваться, работая с похмелья или во время болезни – все, чтобы не выбиться из привычного расписания. Она гадает, как прогулка с незнакомым человеком повлияет на Минни, да и заметит ли та, в ее-то почтенном возрасте, что рядом с ней не Клэри? Важно ли для мисс Минни, кто ее компаньон, или же она наслаждается поездкой самой по себе? Клэри решает, что игра стоит свеч. В конце концов, что страшного может случиться?

* * *

Клэри занимает свое место за столом – то самое, которое выбрала еще в детстве. Она смотрит на Фэй слева от себя и на Энни справа. Она знает: собираясь за ужином вместе, все они думают об одном и том же: не в последний ли это раз? Скоро Энни уедет, и останутся только они вдвоем: Клэри и ее мать. А если Энни и будет навещать их, то уже вместе со Скоттом, а потом и с детьми. Всего несколько недель – и что-то закончится, а что-то начнется.

Хотя Фэй уже доела, она не торопится уходить, наблюдая за девочками. Ей нужно несколько минут на раздумья, но в итоге она все равно задаст свой вопрос. Клэри изучила свою мать достаточно хорошо: та, как всегда, попытается говорить подчеркнуто беззаботно, и у нее, как всегда, ничего не получится.

Наконец вопрос звучит, но нацелен он на Энни, и та замирает с вилкой на полпути ко рту:

– Есть какие-нибудь новости о Корделле Льюисе?

– Нет, – отвечает Энни, опустив глаза в тарелку. Клэри бросает взгляд на Фэй, но та на нее не смотрит. Она слишком занята Энни.

– Тебя ведь не донимает его адвокат?

Клэри видит, как Энни едва заметно вздрагивает, и знает, что эта деталь не укрылась и от Фэй. Все, что скажет Энни дальше, будет ложью.

– Нет, – повторяет она.

– Что ж, рада слышать. Ты ведь помнишь, что говорил прокурор. Нужно держать рот на замке, и пусть все идет своим чередом.

– Верно, – не спорит Энни. – Я знаю. – Она бросает на Клэри умоляющий взгляд. *«Пожалуйста, пусть она сменит тему!»* – просят ее глаза. Клэри знает: каждую секунду ее молчания Энни расценивает как предательство. Но знает она и другое: если ее мать начала говорить, ее уже не остановишь. А еще – что вопросы у Фэй совсем не случайные. Либо она точно знает, что Энни побывала у адвоката, либо имеет веские основания так полагать.

– Но вообще-то, я и правда плохо себя чувствую из-за этой истории, – неожиданно добавляет Энни, удивляя Клэри. – Мне кажется, я должна высказаться. – Видно, что она хочет сказать больше, но заставляет себя замолчать. Клэри подозревает, что кухня опасается потерять контроль над разговором.

О том, что Энни грызет чувство вины из-за Корделла Льюиса, знают все. И Клэри прекрасно ее понимает. Она представляет, как Энни должна чувствовать себя, зная, что показания, которые она дала в трехлетнем возрасте, стали роковыми для Льюиса. Город даже не удосужился поискать другого подозреваемого. Без показаний Энни они могли бы повернуть в совсем ином направлении, присмотреться к кому-то еще. Но в маленьких городках свои понятия о правосудии, и не важно, виновен ли Корделл Льюис. Людям нужен козел отпущения. Кто-то обязан заплатить за убийство молодой и красивой матери-одиночки.

– Если его освободят, ты сможешь анонимно послать ему подарочный купон какого-нибудь ресторана, – вклинивается в разговор Клэри, пытаясь быть полезной.

Энни кривится.

– Ну а что? – парирует Клэри. – По-моему, неплохая идея.

Фэй взглядом пригвозждает Клэри к стулу:

– Никто в нашей семье ничего не будет дарить семье этого человека. – Фэй переводит взгляд на застывшую Энни. – Ты ничего им не должна. Если он и не делал того, за что его посадили, это ошибка судебной системы. Не твоя.

Клэри не уверена, что это стопроцентная правда. Она считает, что ее матери стоит признать свою роль в деле Льюиса. Фэй выступала одним из самых ярых его обличителей и настаивала на том, чтобы его отдали под суд. Хотя Клэри было тогда всего четыре года и она мало что помнила, позже они с Энни перечитали целую кипу старых газет. Когда они были подростками, Клэри активно помогала Энни искать любую информацию о

человеке, осужденном за убийство ее матери. Льюис всегда утверждал, что невиновен, и вот теперь весь городок говорит о том, что у него неплохие шансы выйти на свободу.

– Момент для всего этого они, конечно, выбрали неподходящий, – говорит Клэри, стараясь выразить участие.

Энни бросает на нее озадаченный взгляд.

– Я имею в виду свадьбу и все такое, – объясняет Клэри.

– А, да... – Энни пожимает плечами с таким видом, как будто этот факт не имеет для нее значения, хотя, конечно, это не так. Кто хочет думать о подобных вещах накануне собственной свадьбы?

– Ладно, хватит об этом, – объявляет Фэй и встает, всем своим видом выражая, что разговор окончен. – У меня для тебя кое-что есть.

– Что же? – спрашивает Энни.

– Сюрприз, – улыбается она. – Жди здесь.

Пока Фэй отходит за подарком, Клэри и Энни в унисон выпускают стон облегчения, и напряжение идет на спад. Фэй возвращается, все еще с улыбкой на губах, садится и кладет что-то перед Энни. Под ее пальцами Клэри видит нечто, напоминающее тряпочку, и гадает, что же затеяла ее мать.

– Давно хотела передать тебе это, – говорит Фэй, и ее улыбка становится смущенной. Она убирает руки, и Энни, осторожно приподняв кусок ткани, осматривает его со всех сторон.

– Что-то старое, что-то новое, что-то взятое взаймы... и что-то голубое... – говорит Фэй, хотя это вовсе не объяснение. Несколько дней назад Клэри застала Фэй в мансарде – та лихорадочно что-то искала, бормоча себе под нос. Но разве это старье стоило таких усилий?

– Это принадлежало бабушке? – спрашивает Энни. Она всегда завидовала кухне из-за серебряной заколки бабушки – матери Фэй. Так как Клэри была старше, именно она получила заколку на свое шестнадцатилетие. Ей украшение не особенно нравилось – такие вещи не в ее стиле, – но, увидев, с каким обожанием смотрит на него Энни, она тут же притворилась, что без ума от обновки. Иногда Энни «одалживала» заколку, не спросив у кузины, тогда они ссорились, и Фэй грозилась забрать чертову заколку назад и положить конец всему. И так постоянно.

– Это принадлежало твоей матери, – говорит Фэй с благоговением.

Теперь Клэри понимает. После своей безвременной кончины ее тетя – убитая мать Энни – Лидия превратилась в голове Фэй в кого-то вроде божества.

– Милая вещица, – говорит Энни, хотя все знают, что она лжет.

Клэри кивает, но тут же добавляет:

– А что это вообще такое?

Они с Энни смеются. Фэй строго смотрит на них и берется за объяснения:

– Этот аксессуар принадлежит нашей семье уже несколько поколений. Невесты всегда брали его к алтарю. Это носовой платок.

Она делает Энни знак вернуть платок и берет его так, чтобы обе девочки могли видеть, что кружевная окантовка растянулась и отошла от ткани.

– Уверена, мисс Минни может это исправить, – заявляет Клэри.

– Уверена, мисс Минни слепа, как летучая мышь, – парирует Энни, желая, чтобы вышло смешно, но получается грубо, и Клэри чувствует необходимость встать на защиту мисс Минни.

Она вступается за старушку:

– Да, но она до сих пор прекрасно плетет кружева. Она занималась этим так долго, что отлично справляется и на ощупь. – Клэри вспоминает, что Энни предложила помочь с мисс Минни, пока она будет искать Мику. – Ты можешь отдать его ей завтра.

Энни непонимающе смотрит на нее несколько секунд, а потом вспоминает свое обещание:

– Да, конечно. Конечно, могу. Как удачно!

Энни изо всех сил изображает радостное волнение, и Клэри понимает, что кухне, как и ей самой, не терпится скорее покончить с этим вынужденным семейным единением. Энни берет у Фэй платок, расстилает его на столе и аккуратно ощупывает, словно касается чего-то и правда ценного.

– Что-то голубое... – с трепетом и грустью произносит она.

Все они умолкают на минуту, думая – Клэри точно это знает – о тете Лидии. В их маленькой семье случаются моменты, когда они ощущают ее присутствие так явственно, словно она сидит с ними за одним столом. Так было всегда, и Клэри раздумывает, изменится ли все после свадьбы. Когда Энни покинет их, последует ли Лидия за ней? Клэри не знает, по кому она будет скучать больше.

Энни

Когда Клэри отправляется на поиски Мики, а Фэй – в салон, Энни заканчивает письмо Тайсону Барнсу. Стараясь не обращать внимания на

громкий стук своего сердца, она нажимает кнопку мыши и отправляет послание в киберпространство. Теперь пути назад нет.

Она вспоминает вчерашний день – день, когда навестила маму, чтобы рассказать той о своем решении. Она поведала ей о разговоре с адвокатом и о том, что – с ее помощью или без оной – Корделл Льюис все равно выйдет на свободу. Она призналась, что Тайсон Барнс хочет, чтобы она написала письмо, в котором отказывается от своих показаний, данных много лет назад. Адвокат пообещал зачитать его на финальных слушаниях по делу Льюиса через несколько дней, пусть даже это формальность и никак не повлияет на ход процесса.

Она объяснила, что все, что ее сдерживает, – это опасения Фэй и собственная гордость. Публично отказаться от показаний – значит открыто признаться в том, что она разрушила жизнь невинного человека. Энни не хочет, чтобы люди думали о ней так, и предложение Барнса поможет ей этого избежать. Она просто напишет короткое письмо и вернет Льюису право распоряжаться собственной жизнью – по крайней мере, тем, что от нее осталось.

Она зачитала текст письма вслух, надеясь, что здесь, где все и произошло, к ней придут правильные слова. «Так ведь, мам?» – заручилась она поддержкой у пустоты.

Уважаемый мистер Барнс!

Я пишу это письмо, зная, что оно будет зачитано, когда меня не будет рядом. Хотя я и не смогу озвучить свои замечания на слушаниях, которые должны обеспечить свободу Корделлу Льюису, я хотела бы оказать этому процессу свое содействие. Как человек, чьи показания сыграли ключевую роль в вынесении приговора, я хотела бы заявить, что теперь, спустя много лет, мои свидетельства не кажутся мне убедительными и надежными. Когда мою мать убили, мне было всего три года. К тому же я спала, когда все случилось. В свою очередь, мистер Льюис вполне убедительно объяснил, почему я решила, что именно он нанес вред моей матери.

Теперь, когда я уже достаточно взрослая, чтобы говорить от себя, я считаю своим долгом высказаться в поддержку мистера Льюиса и за его освобождение и оправдание по делу об убийстве, которого он не совершал. Я искренне сожалею, что содействовала этой судебной ошибке, и хочу сделать все, что в моих силах, чтобы ее исправить.

Я понимаю, что на месте преступления была обнаружена ДНК другого человека, но что полиция никогда не использовала этот факт как

доказательство невиновности мистера Льюиса. В интересах моей матери я призываю суд проанализировать эту ДНК как можно скорее и выяснить, мог ли кто-то другой убить ее в ту ужасную ночь двадцать три года назад. Город Ладлоу имеет полное право знать, есть ли среди его граждан убийца. А я имею право знать, кто в действительности отнял жизнь моей матери.

*С уважением,
Энн Элизабет Тафт*

– Ну, как тебе? – обратилась она к облакам, кронам деревьев, ко всему, что открылось ее взгляду, когда она подняла глаза к небу. Но ответа не последовало – как и всегда. Тайсон Барнс хотел ответов, а может, просто создать себе имя. Он прощупывал почву в поисках перспективного дела и наконец нашел то, что искал, – Льюиса, сестра которого не переставая строчила адвокату слезные письма с просьбами о помощи. Он понимал, что такую историю медиа уж точно не упустят и тем самым привлекут внимание к нему и его карьере. Но, взявшись за дело, он невольно привлек внимание и к Энни – причем в самое неподходящее время. Ей требовалось так мало для счастья: выйти замуж, заняться своим будущим, перестать быть «той бедняжкой, мать которой убили». Она потратила всю свою жизнь, пытаясь доказать людям, что она – полноценная личность. Но и теперь они видели в ней лишь жертву.

Энни топнула ногой, как делала еще трехлетним ребенком, и сжала кулаки.

– Только бы я могла вспомнить! – воскликнула она. – Только бы я могла вспомнить и все исправить! Кто был прав: я, обвиняя во всем дядю Корда, или он, утверждая, что я запуталась? Кто еще заходил в палатку в тот вечер? Как бы я хотела, чтобы ты могла мне ответить! Чтобы сказала, что я поступила правильно, написав это письмо. А если нет – чтобы простила меня.

Случайный прохожий подумал бы, что Энни разговаривает сама с собой. Но ей на это наплевать. Им недоступны истинные причины ее визитов на место гибели мамы. Им не понять, что именно здесь они в последний раз были вместе. Сладость и горечь ходят рука об руку, и вот Энни снова оказывается тут, все чаще и чаще в последние дни. Люди злятся на нее за вчерашнее исчезновение, но как объяснить им, насколько велика ее потребность ощущать связь с матерью – путь даже таким странным способом? Они считают, что знают, как тяжело ей пришлось, но это не так. Они понятия не имеют, каково это – раз за разом приходить на место

смерти своей мамы, называя это «побыть рядом».

Она смотрит на часы. Время идти за мисс Минни. В верхней части экрана ее ноутбука – уведомление:

Сообщение отправлено.

Кнопки отмены нет, как нет и пути назад. Энни сделала то, что обещала. И надеется, что поступила правильно.

* * *

Кондиционер в машине включен на полную, и они с мисс Минни готовы ехать. Старушка пристегнута рядом на пассажирском сиденье, а ее руки судорожно сжимают старый платок – тот самый, что когда-то принадлежал матери Энни. Мисс Минни тербит кружевную окантовку с того момента, как вещь попала к ней, но Энни не останавливает ее, опасаясь вывести пожилую женщину из душевного равновесия. Если платок успокаивает ее, то пусть хоть разорвет его на мелкие кусочки. К тому же старая тряпка не значит для Энни ровным счетом ничего, и она отнесла ее Минни, только чтобы успокоить Фэй. Забавно, сколько сантиментов в людях пробуждает свадьба. Впрочем, они не обошли стороной и саму Энни. Лицо Кенни на мгновение всплывает перед ее мысленным взором, но она моргает, прогоняя его. Сейчас у нее нет на это времени.

Краем глаза Энни рассматривает свою пассажирку, наблюдает за неуклюжими движениями артритных пальцев. Сомнительно, что бабуля действительно способна плести кружево такими руками. Но Клэри уверена в обратном, а значит, это должно быть правдой. Лицо мисс Минни обращено к окну, и она смотрит в него, насупившись, как сердитый ребенок. Очевидно, что она просто терпит присутствие Энни, но такая замена ей не по вкусу.

– Ну что, мисс Минни, – говорит Энни самым жизнерадостным голосом, на который только способна. – Куда отправимся на прогулку?

Мисс Минни поворачивается и смотрит на Энни своими мутными глазами. Клэри говорит, что Минни нужна операция по излечению катаракты, но в ее возрасте последствия такой операции опаснее слепоты. Энни интересно, что старушка сможет разглядеть во время их поездки. В машине стоит тишина, пока Минни пристально изучает своего водителя.

– Как, ты сказала, тебя зовут, дорогая? – скрежещет мисс Минни.

Энни удивляется. До сего момента Минни была нема как рыба.

– Энни. Энни Тафт.

Минни ничего не отвечает, лишь настороженно смотрит на нее, словно не веря услышанному.

– Я кузина Клэри, – объясняет Энни.

Минни остается безучастна.

Энни делает еще одну попытку:

– Помните Фэй? Она ухаживает за вашей прической. – Говоря это, Энни неосознанно ощупывает собственные волосы. Она отрастила их к свадьбе, но подстрижется, как только та останется позади. По мнению Энни, длинные волосы летом – плохая идея. Все равно что теплый шарф в жару. Она уже предупредила Скотта, обожающего ее длинные локоны, что планирует подстричься, но тот все еще надеется.

– Ну зачем тебе это, милая? – всегда спрашивает он с искренним удивлением. – Они такие красивые.

– Легко тебе говорить, – всегда парирует она, намекая на его короткую стрижку.

– Мною занимается Глиннис, – упрямится Минни, прикасаясь к своим тонким белым волосам. У нее типичная для старушки прическа: вымытая, уложенная и окаменевшая от лака конструкция, которую можно носить целую неделю. Энни не понимает, как это работает, – а ведь было бы так удобно делать укладку всего раз в неделю. Энни тратит ужасно много времени на волосы. Вероятно, потому, что росла в семье парикмахера.

Энни знает, что прической Минни занимается вовсе не Глиннис, но не спорит. Она просто включает задний ход и аккуратно выезжает на дорогу. На этот счет Клэри дала ей четкие инструкции: «Ты, конечно, спросишь Минни, куда бы она хотела поехать, но, вне зависимости от ее ответа, ты повезешь ее тем же маршрутом, что и всегда». Энни знает маршрут наизусть – Клэри попросила ее пересказать его ей примерно четыреста пятьдесят два раза этим утром: едешь по Пеппертаун-роуд, пока не упруешься в Милл-Понд-Драйв, затем, не сворачивая, двигаешься по Милл-Понд (мимо входа в национальный парк Иден-Хилл – правда, не того, каким Энни обычно пользуется), пока не доберешься до Пожарного переулка. Переулок, по словам Клэри, был когда-то настоящей дорогой, проходящей за пожарной станцией, пока город не принял решение переместить станцию в другое место. Теперь переулок огибает пару церквей и спортивных площадок, и вот ты уже снова в Пеппертауне.

– Ты просто огибаешь пригород по длинной окружности, – объяснила

ей Клэри. – Ничего сложного.

– Конечно, – заверила ее Энни. Но теперь, когда мисс Минни в ожидании сидит рядом, ее обуревают сомнения. Ее беспокоит не поездка как таковая – Энни живет в городе всю свою жизнь и знает дороги как свои пять пальцев, – а непредсказуемая, выжившая из ума старушка рядом с ней. Интересно, чувствовала ли Клэри что-то подобное? А может, чувствует до сих пор? Она пытается вообразить худшие варианты развития событий: Минни впадает в безумие и беснуется в автомобиле, пока они не попадают в аварию. Минни при смерти. Минни выбрасывается из машины на полном ходу.

Энни тянется к кнопке слева от себя и нажимает ее, чтобы убедиться, что все двери надежно заблокированы. Она вспоминает слова Клэри: «В какой-то момент Минни начнет рассказывать тебе историю – всегда одну и ту же. Я слышала ее столько раз, что могла бы уже рассказать вместо нее. Зато болтовня помогает скоротать время и, кажется, успокаивает мисс Минни. Так что дай ей закончить. Если она вдруг замолчит, а так иногда бывает, я просто задаю ей какой-нибудь наводящий вопрос. Это возвращает ее к реальности, помогает вспомнить, что ее слушают. Ей нравится, когда ты интересуешься ее делами».

Энни решает рискнуть.

– Клэри сказала, вы любите поговорить, – обращается она к затылку мисс Минни. Старушка так пристально глазеет в окно, будто не видела местные пейзажи уже тысячи раз, и ее везут в новое, удивительное место. Вот бы они оказались в Англии или в африканской саванне, а не в старом скучном Ладлоу. Энни так хотелось бы увидеть Ладлоу новыми глазами. Интересно, будет ли она чувствовать себя так же, когда заедет погостить? Станет ли Ладлоу чем-то новым и неизведанным? Будет ли она когда-нибудь скучать по городку?

Какое-то время Энни слушает шуршание шин по асфальту и мерный шум двигателя, убаюканная их монотонностью. Клэри не готовила ее к сценарию, в котором Минни молчит. Она была уверена, что та разговорится. Энни задевает, что Минни устраивает ей пытку тишиной, предпочитая изливать душу Клэри. Знакомый дух соперничества нарастает в ней. Она не позволит кухне выйти победительницей.

Энни пытается подстегнуть Минни:

– Клэри говорит, что этот маршрут напоминает вам об особенном дне вашей жизни...

Энни видит, как напрягаются плечи Минни, но та по-прежнему не произносит ни слова.

– Может, послушаем музыку? – с энтузиазмом предлагает Энни. Она включает приемник, и из колонок вырывается оглушительный рэп. Минни начинает трясти головой куда быстрее, чем Энни могла бы себе вообразить. Ее лицо искривляется в ужасе и панике.

– Простите. Простите меня, – говорит Энни и быстро переключает приемник на новостной канал, который заставляет себя слушать каждое утро, чтобы быть в курсе мировых новостей. Скотту нравится, когда она *информирована* – так он это называет, хотя Энни подозревает, что, зная она меньше о том, что творится в мире, спалось бы ей куда лучше. И тем не менее осведомленность о новостях помогает ей поддерживать беседу. Это доставляет Скотту удовольствие, а она хочет доставлять ему удовольствие, что бы кто ни думал. Ей снова вспоминается лицо Кенни, но Энни тут же отгоняет видение.

Ведущий что-то бубнит, и какое-то время водитель и пассажирка позволяют ему это делать. Энни подозревает, что, возможно, так все и закончится. Да, это будет не привычная для мисс Минни прогулка, но не самая плохая. Конечно, Энни придется сказать Клэри, что не все пошло как планировалось, а потом выслушать ее ворчание из-за нарушенного графика Минни. Но это уже не ее дело. В конце концов, она просто хочет покончить с этой скучной обязателькой. Энни не понимает, зачем вообще взялась за это. Всему есть предел, благими намерениями вымощена дорога в ад и все такое прочее. Лучше бы Клэри найти эту чертову птицу.

– А теперь к местным новостям, – говорит радиоведущий. – Главное событие дня – предполагаемое освобождение Корделла Льюиса, который будет ожидать нового суда уже свободным человеком, спасибо усилиям адвоката Тайсона Барнса. Льюис провел в тюрьме двадцать три года за убийство Лидии Тафт, жительницы Ладлоу, которая была найдена мертвой после того, как ее дочь обнаружили блуждающей по национальному парку Иден-Хилл. Имя ее дочери... – Энни быстро выключает приемник, и в этот момент они как раз проезжают вход в парк.

Когда радио замолкает, Энни замечает, что Минни оторвалась от окна и повернулась в ее сторону. Продолжая смотреть на дорогу, Энни гадает, чем она могла привлечь внимание старой женщины. Тем, что внезапно выключила радио? Или тем, что провезла их мимо того места, о котором говорили в передаче? А может, тем, что как раз собирались назвать ее имя? Энни надеется, что не последний вариант. У Минни деменция. Вряд ли ей под силу сложить два и два. Наверное, она просто наслаждалась монотонным бормотанием ведущего и не хотела, чтобы его прерывали.

Энни бросает взгляд на Минни, которая, тоже глядя вперед, снова

принимается теребить платок. Впервые с момента, как они сели в машину, их взгляды устремлены в одном направлении. Энни ждет, пока ее дыхание придет в норму. Радио вывело ее из равновесия. Если там продолжают говорить о Корделле Льюисе, она просто перестанет слушать новости, чего бы там ни подумал Скотт. У нее нет никакого желания знать, что люди болтают о ней. Она лишь хочет выйти замуж и уехать из города, оставив все позади.

Еще миля проходит в тишине, после чего Энни делает глубокий вдох и в последний раз пытается спасти поездку и не подвести Клэри. Она снова обращается к Минни:

– Клэри говорила, вы любите поболтать о бейсболе. И о своем муже. – Она бросает взгляд на Минни, чтобы убедиться, что та ее слышит.

Минни поворачивается и смотрит на Энни, ее голова болтается на тонкой шее, как у куклы чревовещателя.

– Мой муж – это мое дело, милая, – вдруг выплевывает она, и ее мутные глаза загораются злобой. – Держись от него подальше, поняла?

У Энни перехватывает дыхание, когда она понимает, что мисс Минни смотрит на нее без малейшего намека на узнавание. Пожилая женщина тяжело откидывается на пассажирскую дверь. Ее губы двигаются так, будто она говорит, но изо рта не вылетает ни звука. Энни может лишь гадать, что та пытается сказать.

Это просто старуха, успокаивает она себя. Не будь душой. Глупо бояться Минни. Возьми ситуацию в свои руки, пока бабулька окончательно не вышла из себя.

Пытаясь успокоить свою пассажирку, Энни говорит:

– Все хорошо, Минни. Это Энни, Энни Тафт. Кузина Клэри, помните? – Она с досадой осознает, что, произнося это, тычет в себя пальцем, и опускает руку.

– Вы ведь знаете, кто я? – спрашивает она, надеясь, что помутнение Минни пройдет и она сможет без происшествий доставить ее домой, уложить на диван, включить исторический канал и поставить ей на колени поднос с кашкой, которую та употребляет на обед, – все точно по инструкции Клэри. Энни, конечно, расскажет обо всем случившемся кузине, и если это нормальное для мисс Минни поведение, значит, Клэри заслуживает каждого цента, который платит ей Глиннис.

Минни сощуривается на Энни и прижимает платок к груди, как делают дети, когда у них пытаются забрать игрушку.

– О, я отлично знаю, кто ты, – отвечает она.

Ее взгляд устремлен сквозь Энни, и та никак не может понять, как

Минни может что-то знать, если не видит ее.

Кенни

Она звонит, потому что знает, что его девушки нет в городе. Она делает так всегда с той самой волшебной ночи еще в школе, когда Клэри и Фэй уехали в Вирджинию на похороны кого-то из родственников и оставили Энни одну в пустом доме. Тогда она тоже позвонила ему, так как боялась темноты и одиночества, и, наврав что-то матери, он отправился к ней. В ту ночь их отношения радикально изменились – по крайней мере, для него. Он не уверен, почувствовала ли Энни то же, что и он, и ему никогда не хватает храбрости спросить. Так или иначе, но с тех пор он у нее на крючке и она может делать с ним все, что заблагорассудится.

Он медлит, размышляя, стоит ли вообще отвечать на звонок или, может, дать ей хорошенько прочувствовать, что ее ждет, когда она выйдет замуж за другого парня и их разговоры прекратятся навсегда. Но потом ему становится жалко тех считанных недель, что у них еще остались, и он берет трубку за мгновение до того, как звонок переключится на голосовую почту.

– Я могу приехать? – спрашивает она запыхавшимся голосом.

Он закатывает глаза к потолку, ища там ответ на вопрос, который мучает его еще со школы: что делать с Энни?

– Ты здесь? – беспокоится она.

Кенни подавляет вздох.

– Да. – Он смотрит в экран телефона. – Поздновато для гостей.

Впрочем, это всего лишь отговорка, и они оба это знают.

– Ну, пожа-а-а-алуйста. – Энни и не думает сдерживать капризные интонации.

Кенни очень хочется спросить: «Ну и где же твой жених? Почему бы тебе не отправиться к нему?» Но он знает, что если она звонит ему, значит, Скотт, вероятно, уехал. Ее жених часто бывает в отъезде, что, собственно, и дает им возможность видеться. Разъезды его девушки плюс разъезды ее парня – именно то, что позволяет их тайным отношениям длиться намного дольше, чем следовало бы. Но они приняли решение: как только она выйдет замуж, все будет кончено. Мысль об этом причиняет Кенни куда больше боли, чем должна бы, с учетом того, сколько времени он потратил, чтобы свыкнуться с самой идеей. Энни помолвлена уже год. Он вспоминает тот вечер, когда она пришла к нему с кольцом на пальце, старательно притворяясь, что ничего не изменилось, хотя оба знали, что

изменилось все. «Надеюсь, ты собиралась мне что-то сказать? Или я должен был догадаться сам?» – спросил он ее. Энни прикрыла кольцо рукой и приняла виноватый вид. «Я не была уверена, как лучше», – ответила она тогда.

– Ну хорошо, приезжай, – говорит Кенни в трубку и тяжело вздыхает, словно происходящее его удручает.

– Спасибо, – отвечает она, и в ее голосе он слышит неприкрытое облегчение. Иногда, вместо того чтобы позаботиться о себе, он волнуется за нее. Он волнуется, как она будет жить без его поддержки. Конечно, расставание ударит в первую очередь по нему – тут он не сомневается, – но и ей придется несладко. Энни тоже будет скучать, пусть пока и не понимает этого.

Через восемь минут она стучит, и он открывает дверь в свою квартирку, одну из четырех в маленьком здании в самом сердце города. Он предлагал Энни переехать в одну из соседних квартир, когда та некоторое время назад пустовала, но она отказалась. Он не понимал почему, пока не узнал о помолвке. Какой смысл съезжать куда-то от Фэй, если впереди совместная жизнь со Скоттом. Впрочем, истинная причина такого решения, как он подозревал, крылась в другом. Энни просто не хотела жить одна.

Энни осматривается по сторонам (никогда не знаешь, чьи глаза могут наблюдать за тобой в этом маленьком городке) и проскальзывает внутрь.

– Как ты быстро, – замечает он.

– Я гоню на полную, когда расстроена, – отвечает она. – Обними меня.

Она обвивает его руками, и он застывает. Он планировал держать ее на расстоянии, но Энни всегда найдет способ нарушить его границы.

– Что случилось? – спрашивает он и делает шаг назад, отстраняясь от нее.

Энни начинает рассказывать историю о старой леди, за которой присматривает Клэри: как она сама взяла ее на прогулку, чтобы помочь кухне, и как старуха смотрела на нее, и как это ее напугало. Но на самом деле Энни, конечно, расстроена не из-за этого. Он знает, что это просто прелюдия перед настоящим разговором по душам. Начало истории – лишь стартовая точка, та часть, рассказывая которую она чувствует себя наиболее защищенной. А уже после она переходит к тому, что беспокоит ее на самом деле. Нужно просто немного подождать.

– И кое-что еще... – говорит она, и он весь обращается в слух. Эта фраза – индикатор того, что сейчас пойдет речь о реальной причине прихода Энни. – *Я сделала что-то, чего, наверное, мне не стоило делать.*

Он медленно кивает, думая о том, что стал бы миллионером, если бы

получал по двадцать долларов каждый раз, когда он слышал это от нее.

– Что ты сделала? – спрашивает он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более равнодушно, даже скучающе.

Они играют в эти игры каждый раз. Она притворяется, что у нее, кроме него, никого нет, а он – что ему плевать.

– Я отправила письмо адвокату Корделла Льюиса. Письмо в поддержку его освобождения.

Ее слова напоминают, что Энни все еще способна его удивлять. И это наполняет его глупой надеждой.

– Но ведь все отговаривали тебя делать это.

Она складывает руки на груди и смотрит на него.

– Все, кроме тебя, – напоминает она.

– Но меня ты и не спрашивала.

– С каких пор мне надо спрашивать? – парирует она, и они оба смеются.

Они все еще топчутся в коридоре, и Кенни жестом предлагает им сесть на диван. Он думает, что бы сказала его девушка, узнав, что они сидят здесь наедине. К счастью, та пребывает в счастливом неведении – Энни взяла с Кенни слово, что он ничего не расскажет ей о них. «Это не ее дело», – надулась она, а он был счастлив услышать ревность в ее словах и потому согласился. Тот факт, что он все еще умудряется скрывать Энни от своей девушки, бесконечно изумляет его. Но он уже кое-чему научился: нельзя сохранить тайну, не работая над этим постоянно, каждый день. К тому же это не так трудно, как все говорят. Конечно, иногда просыпается чувство вины, но от него легко избавиться, если просто отвлечься.

– И что ты испытываешь теперь, когда уже отправила его? – спрашивает он, хотя и не уверен, что хочет это знать.

Действия адвоката, решившего бороться за освобождение убийцы матери Энни, вызывают у него смешанные чувства. Он вспоминает бесчисленные разговоры, в которых Энни изливала ему душу насчет этого человека, его наказания, ее роли в этом. «Тебе было всего три года. Если кто и несет ответственность за несправедливое обвинение, то это взрослые», – повторял он ей столько раз, что уже сбился со счета. «Если оно и правда несправедливое», – всегда добавляет он. Потому что он не уверен в невиновности Льюиса. Да, никаких других подозреваемых в деле не было. Но с другой стороны, горожане не стали долго думать, на кого поднять вилы, и пошли туда, куда им указывала Энни. Никто даже не удосужился рассмотреть другие варианты. Никто не искал других подозреваемых.

Энни задумывается на мгновение, затем сглатывает и начинает объяснять:

– В палатке была другая ДНК. Мужская ДНК. Когда Тайсон начал изучать это дело, он покопался и обнаружил, что записи о ДНК имелись в полицейских бланках, но никогда не принимались в качестве доказательства и не передавались адвокату. Он доказал, что они намеренно скрыли эту улику, и теперь подает апелляцию, ссылаясь на так называемое правило Брейди^[3]. – Она смотрит на Кенни. – Другими словами, даже без моей поддержки его выпустили бы на свободу.

Кенни испытывает необъяснимую ревность по поводу того, с какой легкостью Энни называет адвоката по имени – словно теперь они лучшие друзья. Его воображение рисует парня, похожего на банкира, в нелепом костюме из индийского льна, который Энни, вероятно, находит очаровательным. Энни сидит вплотную к нему, пока он травит ей байки из своей юридической практики, а потом их руки случайно встречаются и задерживаются на секунду дольше, чем позволяют приличия. Теперь ему кажется, что именно он, этот Тайсон Барнс, оккупировавший газеты с тех пор, как взялся за свой сомнительный крестовый поход, и сорвет свадьбу Энни. Тогда как у него, Кенни, кишка тонка.

– Так. – Он прочищает горло и пытается собраться с мыслями. – Ну ведь это хорошая новость, верно?

– Я просто хочу, чтобы моя совесть была чиста, – отвечает она.

Энни подбирает под себя ноги, и он как прикованный следит за движениями ее икр, но делает над собой усилие и отводит взгляд. Друзья. Просто друзья. Даже лучшие друзья. Тайные лучшие друзья, как любит она повторять. Ему принадлежит целая ее сторона – сторона, которой нет ни у кого, которую она открывает только ему. В каком-то смысле он дает ей больше, чем может дать ее собственный муж. У них есть нечто, что доступно только им двоим, и ему нужно научиться довольствоваться этим. Но чем ближе свадьба, тем больше Энни отдаляется от него, а скоро он потеряет ее навсегда. И Кенни не уверен, что сможет справиться с потерей.

Он поднимает брови. «Ну, если так ты чувствуешь себя лучше...» – говорит он, позволяя своим словам зависнуть в воздухе. Энни страдает от чувства вины столько, сколько он ее знает, и он хочет, чтобы она освободилась от этого. Он хочет, чтобы она освободилась от множества вещей. Например, от Скотта и его кольца.

Она вздыхает и откидывается на диванные подушки, серьезно глядя на него своими до боли знакомыми голубыми глазами.

– Но что, если я ошибаюсь? Что, если время перепутало все карты и я

была права, когда мне было три? Что, если я помогаю освободить человека, который убил мою маму?

Он разглядывает свои руки, лежащие на коленях.

– Ты правда так думаешь? – спрашивает он ее.

– Я не знаю, что мне думать! – кричит она и пугает его.

Он поднимает на нее взгляд, и тут она резко прижимается к нему, вдавливая в подлокотник дивана.

– Я все равно уже сделала это, – говорит она, зарывшись лицом ему в грудь. – Письмо уже у них.

Он ощущает ее близость, чувствует, как она дышит – каждый вдох и выдох, – пока ждет его ответа. Он знает, что она жаждет, чтобы он ее успокоил, но не спешит отвечать, раздумывая. Он не собирается читать ей лекции, как делает это Фэй, или подшучивать, как Клэри. И он не будет брать на себя ответственность, как Скотт. Но что тогда ему остается?

– Пожалуйста, скажи, что я поступила правильно, – просит она, все еще пряча лицо у него на груди, и как бы он хотел, чтобы этот момент продолжался вечно.

Он обвивает ее руками и целует в затылок, слезы наполняют его глаза. Он рад, что она не видит его таким.

– Не могу, – грустно отвечает он. – Никто не может.

– Я знаю, – говорит она тихо. – Но ведь я могу побыть здесь немного?

И он отвечает «да», как делает каждый раз. Она может оставаться здесь столько, сколько захочет.

28 мая. Четыре дня до свадьбы

Лорел

Она стоит недалеко от тюремных ворот, ожидая, когда покажется Корделл Льюис. Людей не так много, как она ожидала, – с учетом того, какой фурор новость об освобождении убийцы произвела в городе. Полчища журналистов, толпы родственников и друзей с плакатами «Добро пожаловать на свободу!», а может, даже протестующие с собственными лозунгами – вот кого Лорел рассчитывала здесь найти. Но что она получила? Заседание клуба зануд.

Она видит журналиста из Гринвилла и еще одного из Спартанберга. Эти двое образовали неуклюжий союз, хотя наверняка вгрызлись бы друг другу в глотку при первой возможности поговорить с Льюисом по душам. Стоят и ведут самый нелюбезный обмен любезностями – плоскими односложными ответами, убивая время и пытаясь хоть как-то отвлечься от жары. Ожидание затягивается, и Лорел представляет, как, покончив с работой, отправится в бассейн, где, возможно, даже закажет себе «Том Коллинз» или маргариту из бара. Она потратила львиную долю своей взрослой жизни, притворяясь, что ее семья стеснена в средствах и ей все время приходится отказывать себе в том, что легко получают другие девочки с юга. Сегодня она возьмет свое – пусть даже и на несколько часов.

Если, конечно, ей удастся взять быка за рога, как говорит бабушка Минни. Это ее любимое выражение. «Ну-ка, Глиннис, не пора ли нам взять быка за рога», – говорила Минни Портер, или, как все называют ее, мисс Минни, – и это означало, что пришло время действовать.

Думая о бабушке, Лорел ощущает легкий укол вины. Она навестила ее всего один раз с тех пор, как приехала. Она твердила сама себе, что все дело в работе, но правда была в другом. Она просто не хотела видеть бабушку такой, какой она стала. Были времена, когда Минни Портер правила этим городом и лишь одним своим словом могла решить судьбу любого из его жителей. Теперь же она унылая слабоумная старуха, которая целыми днями пялится в телевизор, пока не засыпает прямо перед экраном, широко раскрыв рот и пуская слюни. Каждый день Клэри Уилкинс – чокнутая – катает ее бабушку одним и тем же маршрутом, а потом кормит ужином. Наверное, Лорел следовало бы чувствовать себя виноватой из-за

того, что Клэри за деньги выполняет вещи, которые ее семья должна делать бесплатно. Но, в конце концов, у всех у них своя жизнь, а Клэри не помешает подработка.

Лорел ловит себя на мыслях о Клэри, и ее передергивает. Странно думать о ней, когда убийца ее тети вот-вот должен показаться из тюремных ворот. Она ненадолго задумывается, что семья Лидии Тафт сказала бы обо всем происходящем. Ей позарез нужно поговорить с кем-то из них и выяснить это. Пусть Энни и не перезвонила ей с тех пор, как саботировала встречу в ресторане, Лорел все равно не отступит. От нее не так-то легко отделаться.

Лорел качает головой и носком туфли выбивает кусок гравия из асфальта, который раскалился настолько, что воздух вокруг колеблется от жара. Да, она определенно отправится в бассейн после того, как сдаст статью Деймону. Брр... Деймон. Даже в родном городе ей приходится когтями выцарапывать место под солнцем. Нужно скорее разделаться с этой книгой об Энни, ее матери и освобождении Корделла Льюиса и убраться отсюда снова. Желательно поскорее. И желательно навсегда.

К ней направляется какой-то мужчина, и Лорел узнает его. Она немного нервничает: Лорел уважает и боится адвокатов, потому что они обладают чем-то, чего нет у нее, – особой глубиной понимания правды и справедливости, природным талантом, как склонность к спорту или блестящий ум. Лорел нравится писать новости, но она не хотела бы писать законы. Ответственность пугает ее – чего только стоит причина, по которой они собрались здесь. Целая жизнь – в руках одного-единственного человека, и как она подаст новость об этом, совершенно не важно. А вот от работы Тайсона Барнса зависит все.

Того же, судя по всему, абсолютно не тяготит груз ответственности. Он улыбается и указывает на нее.

– Я вас знаю, – говорит он доброжелательно, и Лорел почти физически ощущает на своей спине руку матери – руку, подталкивающую ее к Барнсу. *Он был бы идеален*, произносит в ее голове голос Глиннис, но она заставляет мать замолчать и растягивает губы в улыбке.

– Неужели? – спрашивает она, чувствуя, что ее собеседник может клюнуть на флирт. Ради хорошего комментария для книги она пойдет до конца.

– Вы новый репортер «Вестника», – отвечает Барнс. – Я знаю вашего отца.

Лорел закатывает глаза.

– Все знают моего отца.

Он поднимает брови и, напустив на себя комично серьезный вид, изрекает:

– Вы – представитель весьма выдающейся династии.

Против собственной воли она смеется.

– Сомнительная честь. «Выдающаяся династия» из Ладлоу. Звучит как оксюморон. – Его взгляд сверлит закрытые ворота, которые в любую минуту могут распахнуться и отправить в новую жизнь Корделла Льюиса. Она внимательно разглядывает лицо адвоката, пытаясь обнаружить на нем признаки тревоги. Но тот выглядит спокойно, и Лорел задается вопросом, доступна ли Тайсону Барнсу простая человеческая неуверенность. – Впрочем, раз вы здесь, значит, я пришла в правильное место.

Он делает глубокий вдох, и она замечает на его лице слабый проблеск сомнения. Но он тут же исчезает.

Адвокат поворачивается к ней:

– Да. Большое событие. Мы потратили уйму времени.

– И вы правда ни разу не усомнились в его невиновности?

На этот раз – никаких признаков сомнений.

– Нет. Ни единой.

– И насчет его сегодняшнего освобождения вы тоже не сомневаетесь?

Тайсон скашивает на нее глаза:

– Это пойдет в печать или останется между нами?

Осмелев, Лорел отвечает:

– Пойдет в печать.

Она притворяется, что ищет ручку, чтобы делать пометки, но на самом деле это ей ни к чему. Она и так отлично запомнит их разговор.

Барнс задумчиво наклоняет голову, решая, в какую форму лучше облечь свои слова.

– Нет. Ни секунды. Сегодня вершится справедливость. Отложенное правосудие – тоже правосудие. И он заслуживает его. – Глаза Барнса снова устремляются к воротам, словно призывая Корделла Льюиса появиться, и адвокат добавляет: – Он – тоже жертва.

– Жертва чего? – Лорел слышит вызов в собственном голосе.

– Системы правосудия в маленьком городке, – быстро отвечает Тайсон. – Невежественная полиция, готовая повесить убийство на кого угодно, не утруждая себя тщательным выполнением своего долга. Да, возможно, Льюис был первым подозреваемым, но не должен был стать единственным. Они никогда не копали глубже, а следовало бы.

Его щеки наливаются румянцем, и Лорел понимает, что Барнс жаждет чего-то большего, чем слава и скандальность. Похоже, он действительно

верит в то, что делает.

– Что ж, сегодня вы восстановите справедливость, – говорит она.

Он кивает, соглашаясь, и она снова замечает в его глазах едва заметный огонек сомнения.

– Надеюсь на это, – отвечает Барнс.

– А вот и он, – слышит она слова репортера из Гринвилла, обращенные к оператору, и они одновременно бросаются в одном направлении.

Эти слова мгновенно приводят Тайсона в движение. Он забывает о существовании Лорел и спешит вперед, чтобы перехватить своего клиента, пока до него не добралась толпа. Лорел завороченно наблюдает за происходящим с безопасного расстояния, едва не забыв достать фотоаппарат и заснять сцену, которая разворачивается перед ней.

Годы тюрьмы здорово изменили Корделла Льюиса, который, судя по изученным Лорел старым снимкам, был когда-то высоким и крупным мужчиной. Теперь он выглядит слабым и сморщенным, щурится в ярком солнечном свете, изучая лица собравшихся в надежде различить знакомые. Его взгляд скользит в ее направлении, и, прежде чем он отводит его – туда, откуда кто-то зовет его по имени, – их глаза на мгновение встречаются. Она чувствует, как мурашки бегут по спине. Неужели это глаза убийцы, зверя, вырвавшегося на свободу стараниями пронырливого адвоката-умника? Или же ей довелось взглянуть в лицо отчаявшегося, сломленного человека, пронесшего через всю свою жизнь груз чужой вины?

Энни

У нее нет привычки приходить сюда вечерами. Обычно она приходит днем. Ее не должно было быть здесь сегодня, но все-таки она тут, одинокая и испуганная. Крупные капли летнего дождя падают на землю, барабанят по голове, затекают в глаза. Все сложилось совсем не так, как должно было. Она представляла этот вечер совсем другим. *Последний раз*, думала Энни. *Последний невинный момент вместе. Впереди новая жизнь.*

Она оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что никто не видит, как она стоит здесь, на полянке в национальном парке Иден-Хилл, в двух шагах от места, на котором, как рассказал Хэл Йорк, ранним утром двадцать три года назад нашли холодное и окоченевшее тело ее матери.

– Мамочка уснула, – пожаловалась тогда трехлетняя Энни Хэлу. – Я очень хотела есть, но она так и не приготовила мне завтрак.

Хэл Йорк сказал, что нашел печенье, обертку которого маленькая Энни

безуспешно терзала перед тем, как отправилась за помощью. Хэл признался, что именно оно ужаснуло его больше всего – растерзанное, но так и не открытое, смятое, раскрошившееся под неловкими ручками голодного ребенка. Это печенье сказало Хэлу все, что ему нужно было знать. Это печенье заставило его отправиться на поиски монстра, убившего молодую мать-одиночку, а затем бросившего ее крохотную дочку в холодном темном лесу.

– Я думаю, что сделала ужасную ошибку, мам, – говорит Энни. – Я все испортила. Корделл Льюис вышел на свободу сегодня утром, и, кажется, я видела, как днем в городе он наблюдал за мной. Тогда я пошла поговорить с Кенни, потому что после разговоров с ним мне всегда становится легче. Спокойнее. И я могу сказать ему что угодно, зная, что он не бросится что-то исправлять или контролировать. Он просто слушает, понимаешь?

Ее голос срывается, и она не знает отчего: оттого ли, что сегодня Кенни слушал ее не так внимательно, как обычно, или же потому, что их встречам больше не суждено повториться. Теперь его не будет рядом – таковы правила, которые они установили, но время вышло гораздо быстрее, чем она рассчитывала. «Ушла эпоха», – сказал Кенни сегодня, пытаясь пошутить, но получилось не смешно.

– Но сегодня он не хотел меня слушать, – продолжает она. – Он не хотел говорить о Корделле Льюисе или, как он выразился, о моих «беспричинных опасениях». Он сказал, что хочет... большего. – Энни делает паузу, вспоминая слова Кенни, вспоминая ту ночь много лет назад, что они провели вместе. Думала ли она когда-нибудь о ней? Изменилось ли что-то для нее? Потому что для него изменилось.

– Почему парням всегда требуется нечто большее? – спрашивает она свою мать. – Вот поэтому мне так нужно разговаривать именно с тобой – не с Фэй, не с Клэри, не со Скоттом и даже не с Кенни. Мне нужна моя мать! Я хочу советоваться с тобой насчет отношений, спрашивать, за кого мне выйти замуж – за парня, который знает, что я хожу сюда, или же за того, кому никогда об этом не говорила? – Она прерывается и напрягает слух, услышав чьи-то шаги. Она думает, что здесь может появиться Кенни – он просто не так хорошо знает дорогу, как она, особенно когда темно и идет дождь.

Но что, если это не Кенни? Что, если теперь, когда он на свободе, Корделл Льюис решит вернуться на место преступления? Что, если он обнаружит ее здесь и придет в ярость? Она старается подавить в себе «беспричинные опасения» и делает несколько глубоких вдохов.

– Кенни должен был быть моим другом, так почему сегодня он все

разрушил? Почему они всегда давят на нас? – Внезапная догадка заставляет ее осечься. – Это ведь то, что случилось и с тобой, мам? Кто-то хотел от тебя большего, чем ты могла дать, и это вывело его из себя? – Она склоняет голову, как в молитве, но на самом деле просто пытается собраться, сфокусироваться. Она снова смотрит вверх, в ту точку, где, как она воображает, сидит ее мать и наблюдает за ней.

– Думаю, он был просто взбешен. Так что я убежала. Мне было больно, я была зла, но еще я испугалась. Я никогда не видела его таким.

– Э-Э-Э-ЭННИ-И-И-И! – Она слышит, как Кенни зовет ее, но его голос едва различим в шуме дождя. Он зовет снова, и еще раз, уже приближаясь. Она понимает, что это Кенни, но чем ближе он к ней, тем больше у нее сомнений. Вдруг это Корделл Льюис? Или даже Скотт? Ее сердце выпрыгивает из груди, и она не уверена, что сможет бежать. Но она должна. Ей нужно найти безопасное место и укрыться там, пока он – кем бы он ни был – не сдастся и не уйдет. Она не может говорить с Кенни – не сейчас, не после того, что он сказал. Она никогда не видела его таким злым, и он напугал ее. Она спрячется на какое-то время, а потом пойдет домой, придумав правдоподобную отговорку для Фэй. Башня из лжи все растет. Она врала Трейси, врала Скотту, врала Фэй и Клэри. Врала самой себе. Но ложь – плохой строительный материал. И когда-нибудь стены рухнут, похоронив ее под собой.

– Теперь мне пора идти, мама. Но я вернусь. – Она уже бежит прочь, но оборачивается. – Кто знает, может, в следующий раз, придя сюда, я уже буду старой замужней дамой.

Она улыбается, поворачивается и убегает.

29 мая. Три дня до свадьбы

Фэй

Она как раз заканчивает с клиенткой, когда замечает, что в зоне ожидания крутится Лорел Хейнс. Фэй отводит взгляд, пока Хейнс ее не заметила, от всей души надеясь, что та зашла просто сделать прическу. У нее нет никакого настроения пререкаться с этой девицей сейчас, когда она не имеет понятия, куда запропастилась Энни и как объяснить ее отсутствие Лорел, если та спросит. Она бросает еще один взгляд на Лорел. Когда она спросит.

И, конечно, как только клиентка отправляется оплачивать заказ, Лорел тут же возникает перед Фэй, подметающей волосы с пола.

– Привет, эм... миссис Уилкинс, – на свой страх и риск начинает та. Она стоит у Фэй прямо под боком, раздражающе близко. Фэй чувствует, как от нее буквально разит целеустремленностью, словно выпивкой от пьянчуги.

Фэй поднимает глаза и смотрит на Лорел, сравнивая ее нынешнюю с той девочкой, что когда-то училась с Энни в одной школе. Лорел заставляла свою мать, Глиннис, возить ее стричься аж в Гринвилл, так как «у стилистов в Ладлоу не из того места руки растут». Фэй могла заткнуть за пояс большинство гринвиллских парикмахеров, но Лорел никогда не давала ей шанса показать свое мастерство. Трудно не затаить обиду.

– Ты хотела записаться? Если да, то это там, – говорит Фэй и указывает на Келси, сидящую за стойкой регистрации и, как всегда, болтающую по телефону. Сколько бы раз она ни просила эту девицу не трепаться в рабочее время, все без толку. Келси заменила Клэри, когда стало ясно, что дочь не пойдет по стопам своей матери. Клэри могли не нравиться правила Фэй, но она, хоть и неохотно, подчинялась им.

– Келси! – рявкает Фэй на весь салон. Лорел подпрыгивает на месте от неожиданности. Когда Келси поднимает глаза, выражение на лице Фэй заставляет ее опустить телефон. Он буквально вываливается у нее из рук.

– Нет... Я... – Лорел бледнеет и осекается, чем вызывает у Фэй серьезные сомнения в ее квалификации как репортера. Глиннис говорила Фэй, что ее дочери пришлось «расстаться» с несколькими газетами, вынужденными «пойти на сокращение». Глиннис считала, что виноваты

воротилы-газетчики, но, возможно, дело было как раз в Лорел. Фэй изучающе смотрит на нее и вспоминает, какой пробивной та была в школе. Вряд ли она так уж сильно изменилась за прошедшие годы. Газетный бизнес переживает кризис, и возможно, Лорел правда просто не повезло.

Так или иначе, Лорел вернулась в город и теперь работает репортером «Вестника Ладлоу», городской газеты, принадлежащей одному из самых неприятных Фэй жителей города – Теду Коллинзу. Когда она впервые объявилась в Ладлоу, Тед пригласил ее выпить, чтобы якобы отметить приезд. Фэй, будучи в шоке от горя, приняла его приглашение, затем залпом проглотила два напитка на голодный желудок и так опьянела, что выложила ему все об убийстве Лидии, наивно полагая, что он друг и заслуживает доверия. Естественно, все, что она рассказала, на следующий же день оказалось на первой полосе. Вот почему, напоминала она себе позднее, ей ни в коем случае нельзя пить. С тех пор они с Тедом Коллинзом и двумя словами не обмолвились.

– Не могли бы вы ответить на некоторые вопросы, касающиеся предстоящей свадьбы Энни? – просит Лорел. На этот раз она говорит более уверенно, но Фэй все равно различает нотки нервозности в голосе девушки и решает этим воспользоваться.

– Думаю, эти вопросы тебе стоит задать самой Энни, как ты считаешь? – Фэй перестает подметать и принимает воинственную позу, не обращая внимания на веник в руке. – Почему бы тебе не поговорить напрямую с ней?

– В этом-то и проблема. Я не могу с ней связаться.

– Добро пожаловать в клуб, – язвит про себя Фэй, но ничего не говорит. Вместо этого она поднимает брови. – Полагаю, тебе нужно продолжать попытки, – заявляет она. Ей говорили, что она может выглядеть угрожающе, и Фэй надеется, что сейчас как раз такой случай. – Уверена, в конце концов у тебя получится.

– Да, но газета должна выпустить материал завтра, – возражает Лорел. – И мне нужен лишь небольшой комментарий. – Она смотрит на Фэй, выпрямляет спину и отважно выдерживает ее взгляд. Фэй наблюдает за тем, как молодая женщина наконец набирается решимости: – Эта свадьба важна для города. Я имею в виду, Трэвис Дав возвращается, чтобы провести церемонию, и, кроме того, город любит Энни.

Фэй слышит, как меняется голос Лорел, когда та говорит, что город любит Энни. Ведь это правда. Взяв под крыло сироту, пытаюсь помочь ей жить дальше, обрести нормальную жизнь, горожане, безусловно, прикипели к Энни после смерти ее матери. Ладлоу не из тех городов, где

убийства в порядке вещей, но трагедия Лидии изменила это навсегда. Теперь городу просто необходимо, чтобы история закончилась хеппи-эндом, и они возлагают большие надежды на свадьбу. Энни – золушка, город – ее добрая крестная, мечтающая сопроводить свою подопечную в объятия прекрасного принца. А вот Лорел – идеальная кандидатура на роль завистливой золушкиной сестрицы, которую силой вынудили вести летопись этого благословенного события.

– Скажу так, – говорит Фэй. – Если – и тут я имею в виду *когда* — я поговорю с ней, я попрошу ее тотчас же с тобой связаться и лично удостоверюсь, что она поняла всю срочность. – Фэй сладко улыбается Лорел, и ей становится немного жаль девушку. Наверное, тяжело возвращаться в родной город полной неудачницей и работать в захолустной газете, когда так мечтала о карьере в «Нью-Йорк таймс». Фэй лучше других понимает, как хорошо жизнь умеет удивлять – и разочаровывать.

«Ну а теперь у меня клиентка, и она уже ждет», – резюмирует Фэй и указывает на зону ожидания, где Майра Макгерт сидит с нетронутым номером «*Сазерн Ливин*» на коленях и смотрит на них. Она машет Майре, давая Лорел понять, что разговор окончен и у нее нет иного выхода, кроме как покинуть салон.

Майра ужасно чувствует себя из-за смерти Уилли, но комментарии о состоянии ее волос Фэй оставляет при себе. Она просто суетится над ней, а затем слушает рассказ о том, как голубь Клэри вернулся в палатку и в последний раз взглянул на нее, прежде чем улететь, – словно сам Уилли сказал последнее «прощай». Фэй вникает Майре и ловит себя на том, что смаргивает слезы. Она гадает, та ли эта птица, что не вернулась, – Клэри так и не сказала ей. Ее дочь, видимо, отчаялась найти голубя. А может, думает Фэй, птица и правда улетела на небеса с Уилли и решила не возвращаться.

– Извини, что твержу об этом без остановки, – говорит Майра. – Уверена, ты уже слышала все от Клэри. – Слезы вот-вот выкатятся из глаз Майры, так что Фэй украдкой протягивает ей салфетку.

– Ничего я не слышала, – отвечает Фэй, глядя на волосы Майры и избегая встречаться с ней взглядом. – Ты же знаешь этих детей.

– Ну, я просто так рада, что она выпустила голубей. Это... было... незабываемо. У твоей девочки талант, говорю тебе.

Фэй никогда не думала, что увлечение Клэри птицами – талант. Она просто заплатила за голубятню, похвалила себя за это и забыла. Ничто не напоминало ей о существовании птиц – разве что редкие обрывки разговоров или звук закрывающейся задней двери, означающий, что Клэри

вышла во двор. Ей следовало больше расспрашивать о них, больше интересоваться. Может, у ее дочери правда талант, а она этого и не замечала.

Каким-то образом, благослови ее бог, Майра понимает, что пора сменить тему.

– Ну, как продвигается подготовка к свадьбе? Сколько уже осталось – пара дней? Поверить не могу, что ты проводишь их на работе.

– Ну, ты же знаешь, мои постоянные клиенты просто убьют меня, если я не выкрою на них время. И к тому же сегодня мой последний день. Завтра у нас обед для подружек невесты, послезавтра репетиция, а в субботу уже само торжество.

– Ты молодец, что держишься так долго. Мне тоже довелось побывать матерью невесты, хотя это и было много лет назад. Свадьбы стали куда хлопотнее, чем в те времена, когда моя Робин выходила замуж.

Фэй не поправляет Майру и не объясняет ей, что она не мать невесты. Она просто соглашается со словами клиентки о том, как много теперь хлопот, а потом рассказывает, сколько всего взяла на себя Энни, не упоминая снова, что та как сквозь землю провалилась. От мыслей об этом у Фэй поднимается давление. Какая бесчувственность!

На ресепшне звонит телефон, и Фэй надеется, что когда она закончит с Майрой, окажется, что это Энни наконец-то вышла на связь.

– Волнуешься за невесту? – спрашивает Майра, словно прочитав мысли Фэй.

– Да нет, – врет Фэй новоиспеченной вдове. – Энни ждет не дождется. Это счастливейший день в ее жизни. – А правда состоит в том, что ее племянница сама не своя с тех пор, как началась шумиха вокруг Корделла Льюиса, дочь Глиннис почувяла сенсацию, а сама Энни пропала в очередной раз. Фэй уверена, что, если прямо сейчас она решит наведаться в парк, туда, где погибла Лидия, она найдет там свою племянницу. Но она не делает этого. Хотя Энни и думает, что ее секрет никому не известен, Фэй знает, что та предпочитает ходить туда, а не на кладбище, чтобы почувствовать близость с матерью. Фэй это знает, но никогда не вмешивается. Однако если Энни не появится в ближайшее время, ей придется.

– Насчет переезда тоже нет сомнений? Это большая возможность для нее, – интересуется Майра. Фэй не имеет ни малейшего желания обсуждать эту тему, но Майра только что потеряла мужа, а значит, Фэй придется проявить любезность.

– Мы много об этом говорили. Она утверждает, что уверена. – Фэй

слышит излишний энтузиазм в своем голосе, словно Майра не единственный человек, которого она пытается в чем-то убедить. Правда же состоит в том, что Энни пререкалась с ней при каждой попытке обсудить переезд и сразу же переводила тему. – Энни думает, что новая жизнь в новом городе пойдет ей на пользу.

– Могу представить, с учетом того, что этот человек теперь свободно разгуливает по улицам. – Майра понижает голос – тема вины или невиновности Корделла Льюиса в последние дни не сходит с языка у горожан, и ей хватает такта не вовлекать в разговор клиентов. – Что я хочу сказать, так это то, что в другом месте ей и вправду будет безопаснее.

– Да. – И это все, что говорит Фэй. Закончив с прической Майры, она поворачивает ее в кресле лицом к зеркалу, чтобы та могла полюбоваться своим отражением.

– Ух ты! Так я выгляжу куда лучше! – радуется Майра, но тень тут же омрачает ее лицо, а рот кривится. – Разве теперь есть для кого?.. – тихо добавляет она. Фэй снова вспоминает о голубе Клэри, который вернулся взглянуть на Майру в последний раз.

– Для себя, – говорит она, слегка сжав плечо Майры. Она подмигивает ей в зеркале перед тем, как отправить расплачиваться, и устремляется к телефону, чтобы узнать, кто звонил. Увы, это не Энни, а Скотт. Фэй нажимает «повторный набор» так быстро, как только может.

– Скотт? Энни рядом? – спрашивает она, едва тот берет трубку. И только услышав нотки отчаяния в собственном голосе, Фэй наконец осознает, *насколько* она взволнована, хоть все утро и пыталась убедить себя в обратном.

– Н-нет, – отвечает Скотт. – Я, э-э, и сам хотел узнать, не с вами ли она. – Скотт разговаривает иначе, чем обычно. Напряженно. Неуверенно. Совсем непохоже на привычную ей манеру делового человека, держащего все под контролем.

– Скотт, – говорит Фэй, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и размеренно, а не взвивался к пугающе высоким громким ноткам. У нее в салоне клиенты, и каждый из них будет просто счастлив заполучить свежую, сочную сплетню. Она поворачивается к ним спиной и продолжает: – Когда ты в последний раз связывался с Энни?

– Это было... вчера днем? Или вечером? Перед тем как она отправилась к Трейси. Она сказала, что, возможно, не сможет отвечать на звонки, так как ей хочется устроить что-то вроде девичника.

То же самое Энни сказала и Фэй, и Клэри. Фэй показалось, что Клэри в обиде из-за того, что ее не пригласили, но она не стала поднимать с

дочерью эту тему.

– Думаете, тем вечером она не пошла к Трейси? – спрашивает Скотт без малейшей обеспокоенности за Энни, но с едва сдерживаемой ревностью в голосе. – Думаете, она была где-то еще?

Это именно то, о чем думает Фэй, но, конечно, она ничего не говорит Скотту. Нет смысла разжигать его ревность, и к тому разве для нее есть причины? Скотт – идеальный мужчина, именно так сама Энни описала своего жениха, прежде чем привести его домой в первый раз. Фэй все еще отлично помнит, как они оба стояли, держась за руки, и Энни с восхищением смотрела на него. Уже тогда они выглядели так, будто позируют для фигурки на свадебном торте.

– Я просто решил, что вы можете быть в курсе. Думаю, если бы она и сказала кому-то правду, это были бы вы, – продолжает он.

Фэй чувствует себя польщенной, хоть и знает, что это неправда.

– Если вы что-то знаете, Фэй, пожалуйста, скажите мне, – просит он.

– Ничего, – вздыхает она. – Хотела бы знать, но не знаю. – Она пытается придумать, что лучше сказать Скотту. Что-нибудь... полезное. – Думаю, сейчас тебе надо сделать вот что: позвони ее друзьям по работе или просто девушкам из ее окружения – кому-то из тех, с кем я не очень хорошо знакома. Ну, кто тебе придет на ум... Хорошо?

– Конечно, обязательно, – отзывается Скотт.

– А я позвоню Трейси. И Клэри, – добавляет она, потому что не знает, что еще сказать. А потом думает кое о ком, кому ей также следует позвонить. Этого человека она хотела бы видеть немедленно – он всегда знает, как ободрить ее. – И Хэлу Йорку, – говорит Фэй скорее себе, чем ему.

– Шерифу? – уточняет Скотт слегка визгливо, отчего становится похож на мальчишку, у которого ломается голос. – Думаете, это необходимо?

– Мы старые друзья, – отвечает Фэй. – И он всегда знает, что делать.

По крайней мере, она надеется, что это так.

Лорел

Вне себя от злости на Фэй Уилкинс, которая так бесцеремонно от нее избавилась, Лорел возвращается по Мейн-стрит в редакцию «Вестника». Прежде чем войти внутрь, она на мгновение замирает перед офисом. Унылый одноэтажный прямоугольник бежевого цвета больше похож на здание какой-нибудь правительственной конторы, нежели на редакцию. Если бы не вывеска городской газеты, никто бы и не догадался. Когда

Лорел пришла на свое первое «собеседование» (хотя вопрос о ее трудоустройстве был урегулирован родителями и Тедом Коллинзом еще задолго до того, как она приехала в город), она надеялась, что безвкусный фасад скрывает кипящую жизнь, как в тех редакциях, где ей довелось работать раньше. Вместо этого ее ждал малочисленный забитый коллектив и прогорклый запах убежавшего кофе.

И все же Лорел делает все, что от нее зависит, чтобы улучшить репутацию «Вестника» и превратить его в настоящую газету. Она завела страничку на Фейсбуке, блог в Твиттере и продолжает держать нос по ветру в поисках хоть каких-то стоящих новостей в этом городе. Не важно, что максимум, которого ей удалось достигнуть в попытках создать вирусный контент, – это более тысячи просмотров видео про Дьюи, офисного кота, и несколько сотен репостов ее статьи о горожанке Перле Бост, недавно отметившей свое 114-летие и ставшей старейшей жительницей Северной Каролины.

Она бросает взгляд на свою машину, размышляя, как теперь поступить. Деймон не хочет, чтобы она возвращалась. Он желает, чтобы она поговорила по душам с теткой Энни Тафт, записала результат и выслала ему. А последнее, чего хочет она сама, – это зайти внутрь и признаться Деймону Коллинзу, что не справилась даже с такой примитивной задачей.

Она до сих пор поверить не может, что Деймон Коллинз стал ее начальником. Она вспоминает дни, которые они проводили у бассейна загородного клуба, ей тринадцать, Деймону – двенадцать. Родители сидели у воды, пили коктейли, сплетничали и не обращали ни малейшего внимания на своих детей. Она не была настроена плавать и поэтому лежала на шезлонге, полностью одетая, читала книгу и потягивала «Ширли Темпл». Когда она поднялась, чтобы сходить в туалет, Деймон толкнул ее, и она упала в бассейн. Лорел была вся в белом, и одежда стала прозрачной, когда она, насквозь мокрая, выбралась из бассейна. На ней был один из первых в ее жизни лифчиков, и теперь он просвечивал сквозь промокшие вещи. Деймон показывал на нее пальцем и гоготал, а никто ничего ему за это не сделал. Теперь от Лорел требовалось забыть все это и изображать раболепие.

Хотя отец и поставил Деймона во главе газеты, чтобы тому было чем заняться (то есть сделал почти то же, что и родители Лорел, настоявшие, чтобы она пошла работать в местную газету сразу после своего возвращения), реальной властью тот не обладал. На самом деле всем здесь управлял его отец, раздающий приказы из гольф-карта того самого

загородного клуба, где Деймон столкнул ее в бассейн. Деймон же остался таким, каким был, – избалованный, самодовольный засранец, ни капли не заинтересованный в своей работе. Лорел считает, что он просто играет в игру, задабривая отца и выжидая время, когда можно будет сделать следующий шаг, хотя каким этот шаг будет, неясно. Так или иначе, а Деймона, кажется, не волнует ничто в этом мире, кроме желания вернуть веселые деньки в студенческом братстве. Которые были, по его словам, *просто отпадными*.

Лорел решает все-таки довести дело до конца, рассказав Деймону, как Фэй заткнула ей рот, и направляется ко входу в здание. Она распахивает дверь – чересчур резко – и проходит прямо к кабинету Деймона, единственному помещению с собственной дверью. Деймон всегда оставляет ее нараспашку, так что она просто может зайти внутрь и покончить с этим. Она сдвигает солнечные очки на лоб, чтобы он мог видеть ее глаза, но он даже не удостоивает ее взглядом.

– Вообще-то, я тут занят, Хейнс, – говорит он, уставившись в экран ноутбука. Она смотрит, чем он там занят. Фейсбук. Понятно. И, безусловно, это не страничка «Вестника». Он на странице бара, что тоже понятно – когда Деймон не на работе и не спит, он торчит в баре. Этот человек мог бы многое сделать в своей жизни, но решил ограничиться элементарным минимумом. Насколько Лорел может судить, у Деймона даже нет мечты. Сама она, напротив, мечтает о тысяче вещей. И ее фантазии выходят далеко за границы захолустного городка и паршивой газетенки. Да, сейчас она в Ладлоу, но просто потому, что решила заскочить сюда ненадолго, поведать близких. Так она себе говорит.

– Просто хотела ввести тебя в курс дела. Фэй Уилкинс дала мне от ворот поворот.

Деймон бросает на нее косой взгляд, но остается спокойным.

– Удивлен, что ты не смогла мило похлопать глазками и вытянуть все, что тебе нужно.

– Она выставила меня так быстро, что я не успела даже моргнуть, – парирует Лорел, игнорируя его попытки флиртовать с ней. Кажется, как и его родители, Деймон начисто забыл, как они ненавидели друг друга в детстве.

Деймон снова утыкается в компьютер.

– Все, что я от тебя слышу, это разговоры о том, как ты мечтаешь делать крутые журналистские расследования, получить Пулитцера и прочее дерьмо. И при этом ты позволяешь какой-то парикмахерше указывать тебе на дверь. Если продолжишь в том же духе, перспективы у тебя незавидные.

Она порывается возразить, но понимает, что он прав. И правота Деймона злит ее куда больше, чем необходимость писать материал о реакции города на пресловутую свадьбу. Чего она на самом деле хочет, так это написать об освобождении Корделла Льюиса – это куда занимательнее, чем какая-то женитьба. Если бы ей только удалось поговорить с Энни, наладить с ней отношения, она смогла бы написать целую книгу, о которой размышляла недавно.

– Думаю, стоит подойти к этой истории с другой стороны, – советует Деймон. – Поговорить с кем-то кроме тети. – Он отрывается от экрана ровно настолько, чтобы подмигнуть ей, и она задумывается, можно ли расценивать это как сексуальное домогательство. Мужчина-начальник, подмигивающий женщине-подчиненной, это явно за гранью служебной этики. Но кому она может пожаловаться? Непохоже, чтобы «Вестник» кишел специалистами по управлению персоналом.

– Как скажешь, – говорит она, разворачивается на каблуках и выходит, втайне надеясь, что он окликнет ее, но он этого не делает. Она садится за рабочий стол, кладет руки на его прохладную поверхность и дает себе минутку, чтобы собраться с мыслями. Она докажет, что может справиться с порученным ей заданием. И вероятно, в процессе получит информацию для своей книги.

Она заходит в Фейсбук со своего компьютера и поворачивает экран так, чтобы никто не видел, чем она занимается, даже если это банальный поиск в интернете. Не то чтобы кому-то было до этого дело... Деймон валяет дурака у себя в кабинете, а кроме него здесь только администратор Маргарет и рекламщик Гэри, наличие которого в газете города, где ни рекламодатели, ни объявления не менялись с 1983 года, выглядит как дурацкая шутка.

Лорел вздыхает и за неимением лучшей идеи набирает «Энни» и «Ладлоу, Южная Каролина» в строке поисковика, ожидая, пока подгрузится имя девушки и ее улыбающееся лицо. Личная информация Энни скрыта настройками приватности, так что это все, к чему у Лорел есть доступ. Она уже отправила Энни запрос на дружбу, но та на него так и не ответила. На фоне всего происходящего ее настороженность в адрес старых знакомых из медиа, пытающихся набиться в друзья в реальной жизни или онлайн, выглядит вполне объяснимой. Лорел может сколько угодно злиться, что Энни избегает репортеров, но на ее месте она, скорее всего, вела бы себя точно так же.

Лорел изучает фото Энни и пытается сосредоточиться на поиске того, с кем бы еще поговорить. Но, глядя на улыбающееся лицо, она невольно

думает совсем о другом – а именно о том, как, должно быть, нелегко, когда кто-то решает разворотить осиное гнездо аккурат перед твоей свадьбой, и счастливейшие дни твоей жизни омрачает новость об освобождении человека, который мог быть – а мог и не быть – убийцей твоей матери. Лорел выросла бок о бок с Энни, а теперь, просматривая последние новости, она еще глубже погружается в эту историю.

Лорел находит свежие заметки и просматривает одну за другой, пытаюсь вникнуть в суть произошедшего и, возможно, найти между событиями неочевидную связь. Энни было три, когда ее мать, молодая женщина по имени Лидия Тафт, была убита. Энни обнаружили ковыляющей по дорожке национального парка Иден-Хилл, голодную, грязную и в пижаме, хотя время близилось к обеду. Позже полиция нашла холодное тело ее матери в палатке неподалеку со следами удушения. Конечно, нельзя допрашивать трехлетних детей и тем более полагаться на их показания, но развитая не по годам девочка говорила так четко и уверенно, что ее слова приняли со всей серьезностью. Энни рассказала историю о пикнике с дядей Кордом – так, как позже выяснила полиция, она называла бойфренда матери Корделла Льюиса. Рассказала она и о том, что пара то разрывала отношения, то снова сходилась, причем очередная ссора произошла аккурат перед убийством Лидии, и это тут же вызвало подозрения у стражей закона.

В итоге полиция занялась Льюисом и никогда не рассматривала других подозреваемых. Несмотря на слова лучшей подруги Лидии Тафт, Сюзан Рид, о том, что Лидия признавалась ей в связи с женатым мужчиной и опасалась, что его супруга начинает что-то подозревать, – никакого дополнительного расследования проведено не было, да и значения оно уже не имело. Под нажимом Фэй Уилкинс и молодого офицера Хэла Йорка – теперь он шериф Ладлоу – власти состряпали дело против Корделла Льюиса, добряка-великана, который даже не потребовал адвоката на допросе – чего бояться, если ты не виноват? А показания Энни, утверждающей, что это точно дядя Корд повел их на пикник и точно дядя Корд сделал больно мамочке (зернистую видеозапись одного из таких «криминальных шоу» с маленькой девочкой в малиновом платьице с завязанными в хвостик светлыми волосами Лорел видела своими глазами), стали последним гвоздем в крышку гроба Льюиса.

При этом у Льюиса было свое объяснение случившегося. Чуть ранее вечером он забежал к Лидии поставить палатку, рассказывал он. Льюис не собирался оставаться на ночь – ночь была особенным временем для Лидии и ее дочери, мальчикам вход воспрещен. Однако он помог им обустроиться,

убедившись – какая ирония, – что дамы будут в безопасности. Потом они с Лидией немного подурачились, пощекотали друг друга, поборолась в шутку, и он, возможно, слегка не рассчитав свои силы, схватил Лидию чересчур крепко, потому что та вскрикнула. Это напугало Энни, и в итоге девочка сказала, что он сделал больно маме, хотя ничего подобного у него и в мыслях не было. Льюис до последнего настаивал на этой истории, как и его адвокат, которого, взявшись наконец за ум, он все-таки попросил.

Но у него уже не было ни единого шанса. Машина правосудия, возможно, и сработала быстро, но нанесла удар вслепую. Толпа с факелами и вилами была удовлетворена, и этого оказалось достаточно. Лорел читала выдержки из разговоров с семьей Льюиса, людьми, которые любили и поддерживали его все эти двадцать лет, во всеуслышание отстаивая его невиновность даже тогда, когда другие поносили и сторонились их. В конце концов именно они убедили Комиссию по защите несправедливо осужденных взяться за это дело.

Льюис провел в заключении уже двадцать три года, когда адвокат Комиссии Тайсон Барнс предстал перед судьей, заявив, что обвинение не приняло во внимание тот факт, что ДНК, найденное на месте преступления, не совпадает с ДНК обвиняемого. На прошлой неделе при поддержке дочери жертвы приговор был отменен, и вчера Корделл Льюис вышел на свободу. Хотя пересмотр дела и не исключен, новый окружной прокурор признал, что этого скорее всего не произойдет. Так что остаток жизни Корделла Льюиса теперь по праву принадлежит ему.

И здесь свадьба Энни становится чем-то большим, чем повод для заурядного материала в газете. Мозг Лорел пытается воедино связать прошлое Энни и будущее, которое открывает ей свадьба. Из этого вполне можно сделать что-то стоящее. Интуиция ее не обманывает, хотя она еще и не написала ни слова. Лорел чувствует притяжение, магнетизм этой истории и всем существом тянется к его первоисточнику. Она узнает это чувство – мурашки по шее, прямо там, где заканчивается линия волос, узнает ощущение, когда сердце выпрыгивает из груди в стремлении к чему-то еще, к чему-то *большему*. Она уже и забыла это чувство – чистую, ничем не разбавленную страсть к истории. Все, что она знает сейчас, – то, что она не позволит Фэй Уилкинс помешать ей докопаться до сути.

Лорел быстро прикидывает: кто еще близок Энни Тафт; с кем еще она могла бы поговорить? Энни не отвечает на ее звонки и вряд ли уже ответит. Она открывает профиль Энни и снова видит миниатюрную фотографию, на которой та стоит рядом с мужчиной. Ее жених. Лорел находит имя в своих записях: Скотт Хэнсон. Она прокручивает страницу наверх и вбивает его

имя в поисковой строке Фейсбука. Она знает, что он живет в Гринвилле, так что вводит и это тоже, чтобы сузить поиск. Социальная сеть выдает несколько результатов, и она пристально вглядывается в крохотные лица, надеясь обнаружить среди них лицо с фотографии Энни. Наконец она находит человека, похожего на мужчину с картинки у Энни в профиле, и понимает, что это тот, кто ей нужен.

Настройки приватности Скотта не так строги, как у Энни. Она смотрит его страничку «Обо мне» и размышляет, написать ли ему в Фейсбуке или попробовать связаться другим способом. Она оглядывает почти пустой офис, затем возвращается к странице, переводя взгляд с улыбающихся лиц Скотта и Энни на небольшой блок информации о себе, что он позволил миру увидеть. Она уже почти готова дать идее с сообщением шанс, когда видит кое-что в его списке групп – название очень знакомого студенческого братства.

Она оглядывается на кабинет Деймона и видит на его открытой двери безвкусное изображение оранжевого тигра – очевидный знак, что она на правильном пути. Она встает и обходит столы, кофемашину, принтеры, движимая азартом, и одновременно злится на Деймона за то, что тот сам не предложил связаться со Скоттом Хэнсоном. Они наверняка знакомы, состояли в одном братстве и все такое прочее. Лорел решительно заходит в кабинет второй раз за день и начинает говорить прежде, чем Деймон успеет дать на это разрешение:

– Почему ты не сказал мне, что жених Энни – член твоего братства?

Он поднимает голову от ноутбука, одновременно поворачивая его так, чтобы Лорел не могла рассмотреть экран. Вероятно, это порно. Или одна из его тупых видеоигр. Деймон великовозрастный ребенок, но сейчас он действительно может помочь ей с ее историей. С историей, которой сам поручил ей заняться.

– Слушай, ты дал мне это задание и отправил говорить с тетей, даже не предложив других вариантов. Которые были бы куда удобнее. И как долго я, по-твоему, должна была трепыхаться?

Деймон зеваает – ему это все явно уже наскучило.

– Да, технически он мой «собрат», но он старше меня, так что нельзя сказать, что мы были хорошими друзьями. Я знаю его, но *не знаю*. У меня нет его номера, и мы не кореша. – Привычка использовать слово «кореша» делает его похожим на имбецила. Но, что хуже, – у Деймона действительно есть *кореша*, и он даже этим гордится.

Подбочинившись, она парирует:

– Держу пари, у тебя есть его имейл. Или ты можешь его достать.

Выражение его лица дает ей понять, что стрела достигла цели.

– Пришли его мне.

– Не думаю, что мне следует это делать, – сомневается он. – Просьба коллеги не повод посягать на чужую приватность.

Он говорит так, будто читает по памяти из заученного списка правил. Но ее взгляд говорит ему: «Я на это не куплюсь».

– Тем более не сейчас, – продолжает он протестовать. – Парень женится когда? Через три дня?

Она прищуривается и игнорирует вопрос.

– То есть ты считаешь, что докучать тете невесты, которая ей практически как мать, – это нормально, но позвонить ее жениху – нечто из ряда вон выходящее? – Видеозапись трехлетней Энни, разговаривающей с полицией, и Фэй за ее плечами тут же включается в голове у Лорел. – Мне необходимо поговорить с кем-то, кто связан с этой свадьбой. Так что... – ее взгляд останавливается на заключенной в рамку карикатуре из газеты, висящей за спиной Деймона, – тигр ест куриную косточку, – ...тебе нужно бросить мне кость.

Деймон захлопывает крышку компьютера чуть сильнее, чем следовало бы, у него пропало настроение для виртуальных боев или нарисованных голых женщин. Он достает телефон и начинает нажимать на кнопки. Она терпеливо ждет, надеясь, что он делает именно то, чего она от него хочет, а не просто демонстративно игнорирует ее присутствие. За пределами кабинета, в опенспейсе, где находится ее рабочее место, звучит сигнал телефона, уведомляя о новом сообщении.

– Я ничего не делал, – сообщает Деймон. – Хорошо?

– О чем ты? – с готовностью включается она в игру. – И, кстати, если уж на то пошло, репортер никогда не раскрывает свои источники.

– Что-то подсказывает мне, что вычислить этот будет не так уж и сложно.

Она задерживается в дверях поблагодарить Деймона.

– Отличное расследование, Хейнс, – отзывается тот.

Лорел улыбается ему и идет к телефону, радуясь одобрению начальника и надеясь, что оно поможет ей почувствовать себя хоть чуточку лучше.

Фэй

Когда приезжает Хэл, она пьет в одиночестве. Он осторожно

приближается к ней – так, как можно приближаться к вооруженному преступнику. Когда он поднимает руку, чтобы указать на открытую бутылку шампанского на журнальном столике напротив нее, его движения напоминают движения робота – четкие и просчитанные.

– Празднуешь что-то? – спрашивает он, и его лицо озаряется слабой улыбкой.

Фэй пожимает плечами.

– Это единственный алкоголь, который был в доме.

Фэй – не любительница выпить. Ее родители были алкоголиками, и она боится стать такой же. Но Энни пропала за три дня до свадьбы, и это все сильнее тревожит ее. Она не может перестать думать о том, что на этот раз ее исчезновение – нечто большее, нечто ужасное. Если когда-то и нужно расслабиться, то сейчас, и, обнаружив бутылку в холодильнике, Фэй в отчаянии хлопает пробкой, не особенно задумываясь. Одна из клиенток подарила ей вино несколько дней назад в честь свадьбы Энни. Там его и планировалось откупорить, и теперь Фэй задается вопросом, не навлекла ли она на себя дурной глаз, открыв бутылку заранее.

Хэл садится рядом с ней, но так, чтобы между ними без труда мог поместиться еще один человек. У них так всегда – они в прямом смысле сохраняют дистанцию. Это не тема для обсуждения, просто так уж все устроено. Фэй смотрит на Хэла, поднимает бокал и вздергивает брови. Он качает головой и указывает на свой значок. Он здесь по служебным делам, расследует потенциальный случай исчезновения человека. Он здесь не как друг, но, конечно, они всегда будут друзьями – именно это они обещали друг другу много лет назад.

Ей бы хотелось, чтобы он выпил с ней бокал-другой. Хотя бы просто затем, чтобы ей не приходилось пить в одиночестве. Она думает о том, как все это будет выглядеть для Клэри, когда та придет: ее мать и шериф, развалившись на диване, набираются шампанским в четыре часа пополудни. Впрочем, она не уверена, что это покажется чем-то странным ее дочери. Она знает Хэла Йорка с детства, он их старый приятель, друг семьи и первый человек, с которым Фэй встретилась, когда приехала в Ладлоу за Энни. Тогда ей было, если задуматься, ровно столько же, сколько Энни сейчас, – двадцать шесть лет.

Фэй до сих пор в деталях помнит эту картину – трехлетнюю Энни, обхватившую ручонками Хэла, вцепившуюся в него, как маленькая обезьянка, и отказывающуюся отпускать, когда он пытается передать ее Фэй. Они неуклюже стояли там с ребенком между ними, и Фэй чувствовала себя так, словно они семья, а Энни – их дочь. Фэй делает еще один глоток

шампанского, и ее снова охватывает неприятное предчувствие. Энни все еще незримо здесь, в том самом промежутке между нею и Хэлом.

– Я хочу, чтобы ты перво-наперво поговорил с Корделлом Льюисом, – инструктирует его она.

– Пока я не собираюсь этого делать, – отвечает он. – Это было бы преждевременно. Парень только что вышел из тюрьмы, где сидел по обвинению в преступлении, которого он, очевидно, не совершал. И если я примусь ломиться к нему в дом с громкими заявлениями, его пронырливый адвокат тут же схватит меня за задницу.

Она поднимает брови, глядя на него поверх бокала. Ее не остановят ни Хэл, ни пронырливый адвокат Корделла Льюиса.

– В тюрьму за преступление, которого он, очевидно, не совершал, его отпустила Энни. Думаю, это резонная причина допросить Льюиса, учитывая, что теперь она пропала.

– Она не пропала, – не соглашается Хэл. – Это также преждевременный вывод. Мы будем искать ее, а когда найдем, то поймем, что у нее были веские причины для отсутствия.

– Тогда, может, ты объяснишь мне, почему никто не может с ней связаться? – Ее голос звучит оглушительно в мертвой тишине дома.

Хэл глубоко вздыхает и пробует другую тактику:

– Когда с ней последний раз кто-то разговаривал?

– Вчера, – понуро отвечает Фэй, ненавидя слово, которое произносит. – И ее телефон... – она осекается, – ...выключен. Когда я звоню, он сразу переключается на голосовую почту. – На Рождество в прошлом году Фэй подарила Энни и Клэри по пауэрбанку, чтобы они не списывали проигнорированные звонки на севшую батарею. Впрочем, ничего особенно не изменилось.

– И ты не сильно волновалась, когда она не пришла домой прошлым вечером?

Фэй многозначительно качает головой.

– Она сказала, что переночует у Трейси. Они собирались сделать друг другу педикюр и посмотреть «Отца невесты»^[4]. – Фэй чувствует себя так, словно говорит об Энни-подростке, а не о взрослой девушке.

– Но Трейси сказала, что Энни у нее не появлялась?

Фэй качает головой и опускает бокал.

– Думаю, она мне соврала.

– Но с чего бы ей это делать? Ты связалась со Скоттом?

– Конечно, я с ним связалась! – отвечает Фэй раздраженно. – На самом деле он сам мне позвонил. Он тоже был уверен, что она у Трейси.

– Когда Скотт в последний раз говорил с ней?

– Он сказал, что вчера вечером. Я не стала настаивать, чтобы он вспомнил точное время. Она рассказала ему ту же байку – о педикюре и «Отце невесты». Он ответил, что обычно проверяет местоположение Энни, но не в тот вечер. Он написал ей несколько эсэмэс, но не получил ответа и решил, что она просто хочет немного отдохнуть с подружкой, прежде чем начнется свадебная кутерьма.

Лицо Хэла принимает его фирменное «детективное» выражение.

– И ты не находишь странным, что он проверяет ее местоположение?

– Наверное, нет. – Она пожимает плечами. – Кто их разберет? Сейчас все следят друг за другом и считают совершенно нормальным знать о каждом шаге своей половины. Когда мы росли, считалось, что «Любовь – это когда не нужно говорить “прости”»^[5]. А теперь «Любовь – это всегда быть на связи». Разве ты сам не отслеживаешь, куда ходит твоя жена?

Он награждает ее красноречивым взглядом: уж ей-то должно быть хорошо известно, что он не имеет такой привычки.

– Мне все равно, что они считают это нормой. Лично я нахожу это странным, – говорит Хэл, по обыкновению уклоняясь от разговора о своей жене. – И с какой стати ему проверять ее местоположение? Если только у него нет сомнений насчет того, где она находится...

– Прошлым вечером он, очевидно, ей поверил. И смотри, к чему это привело. – Фэй качает головой. – Он сказал, что беспокоился насчет нее. Из-за выхода Корделла Льюиса на свободу и всего остального. Я уже говорила тебе...

Хэл прерывает ее, пока она снова не начала твердить о Корделле Льюисе.

– Я просто не понимаю, зачем ей лгать, – недоумевает он, а Фэй вспоминает обо всей лжи, которую они сами наговорили за эти годы другим и себе. Иногда, думает она, лгать нужно.

– Вероятно, незачем, – отвечает Фэй скорее себе, чем ему. – Просто обычные причуды, помноженные на свадебный мандраж. – Она смотрит на Хэла. – Может, она боится? – Взглядом она умоляет его согласиться с ней, но он колеблется, и в этой нерешительности кроются все ее самые жуткие страхи.

Он тянется через пустое пространство между ними и кладет свою большую руку на ее обнаженную ногу. Его кожа в контакте с ее – это табу, это нарушает правила, которые они установили для себя много лет назад. Но сейчас Фэй плевать на правила. Она накрывает его руку своей, чувствуя жар, исходящий от его кожи. Она сглатывает, заставляя себя улыбнуться.

Она не будет устраивать драму. Она не будет впадать в истерику. Она не будет предполагать худшее.

– Мы найдем ее, – говорит она Хэлу, своему лучшему другу и мужчине, которого любит гораздо дольше, чем сама может себе признаться.

– Да, – отвечает он, глядя на нее искренним, добрым взглядом, и от этого она любит его еще больше. Она знает, что это неправильно, но не может отпустить его. Фэй тянется, чтобы подлить себе еще немного шампанского, а затем поднимает бокал в тосте за надежду.

Клэри

В первый раз с тех пор, как пропал Мика, она не спешит в голубятню сразу после работы, чтобы проверить, не вернулся ли он. Она просто идет к дому, мысленно готовясь ко всем тем обязанностям, которые мать взвалит на нее, как только увидит. Она не отвечала на ее звонки и уверена, что теперь ей придется расплачиваться. Чем ближе свадьба – тем больше суматохи, ведь это день, которого они так ждали. Или которого боялись – смотря о ком речь.

Зайдя в дом, она видит свою мать, устроившуюся на диване. В ее руках – вот так сюрприз – бокал шампанского. Фэй подсакивает прежде, чем понимает, что перед ней Клэри, а не Энни.

– Она не с тобой? – спрашивает она, вытягивая шею и заглядывая за спину Клэри в надежде, что дверь отворится еще раз.

– С какой стати ей быть со мной? – отвечает Клэри, пытаясь убрать презрительные нотки из голоса, но раздражение все еще там, расположилось в ее мозгу, как у себя дома, рядом с гневом, кипящим в ней после разговора с кузиной.

– Этого можно было бы избежать, знаешь ли, – сказала она Энни, прежде чем бросить трубку. – Пастор Мелтон наверняка провел бы прекрасную церемонию. Но нет, тебе обязательно потребовалось пригласить Трэвиса Суперзвезду!

Энни ответила Клэри твердо, но ласково, как если бы она была терпеливым родителем, а ее кузина – несносным упрямым ребенком. Клэри ненавидела, когда она так делала.

– Трэвис и я старые друзья, – объяснила Энни, как будто Клэри ничего не знала, как будто Трэвис и Клэри не были друзьями еще задолго до того, как Энни вообще снизошла до общения с ним.

– Он очень популярный священник, и это честь, что он согласился

вернуться и провести церемонию для нас. К тому же у него больше миллиона подписчиков в Инстаграме... – добавила Энни, и на этой фразе нервы Клэри не выдержали и она бросила трубку, поставив таким образом жирный восклицательный знак в конце предложения Энни.

Фэй щелкает пальцами перед лицом Клэри, возвращая ее в реальность.

– Клэри! – говорит она. – Ты меня вообще не слушаешь! У нас тут кризисная ситуация!

– А когда у нас ее нет, мам? – спрашивает Клэри, тяжело вздыхая. Она смертельно устала от этой свадьбы, а ведь та еще даже не состоялась. Она бросает сумочку на столик в коридоре, идет на кухню в задней части дома и указывает на бокал, который все еще держит Фэй. – А еще есть? – Ее мать обычно не держит в доме алкоголь, так что она намерена воспользоваться ситуацией на полную. Ей бы не помешало выпить.

– Клэри! – Фэй едва не переходит на крик. – Сейчас не время шутить!

Клэри слышит в голосе матери отчаяние, а ведь это тот голос, которым легко можно было бы записывать предупреждения в духе «Уважаемые пассажиры! Мы входим в зону турбулентности! Убедитесь, что ремни пристегнуты и вы знаете, где находятся кислородные маски». Услышанное настораживает девушку, и она останавливается, глядя на мать.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Никто не может ее найти, – отвечает Фэй. – Все, что мы знаем, – никто не может связаться с ней со вчерашнего вечера. – Именно вчерашним вечером Клэри бросила трубку в разговоре с Энни.

– Трейси, – говорит она, вспоминая, что сказала ей Энни. – Она с Трейси. – Клэри была рада, что кухня отвяжется от нее хоть на несколько часов.

Фэй хмуро качает головой.

– Она соврала, – ее голос звучит смертельно уставшим.

– Соврала? – переспрашивает Клэри. – Ради всего святого, с какой стати ей?..

Фэй трясет головой энергичнее.

– Мы понятия не имеем.

Клэри прищуривается на мать:

– Кто это – мы?

Фэй пожимает плечами:

– Трейси, Скотт, Хэл.

– Ты звонила Хэлу Йорку? – спрашивает Клэри, оглядываясь по сторонам, как будто Хэл еще здесь, а она каким-то образом могла его не заметить.

– Конечно, я звонила! – восклицает Фэй. Она размахивает бокалом с шампанским, и Клэри опасается, как бы его содержимое не оказалось на полу. – Энни пропала, а этот подонок вышел из тюрьмы, и скоро свадьба, и... Что мне оставалось делать?!

Клэри чувствует, что пора взять ситуацию под свой контроль.

– Мам, – говорит она как можно спокойнее. – Уверена, с ней все в порядке. Ей просто нужно время для себя. Впереди большое событие, нужно подготовиться.

Сказав это, Клэри удивляется сама себе. Ее голос звучит так мягко и успокаивающе – а ведь она не из спокойных.

– Хэл собирается поговорить с Корделлом Льюисом? – спрашивает Клэри.

– Он сказал, что пока не станет и что нет никаких оснований подозревать его, – хмыкает Фэй. – Он сказал, что было бы весьма глупо со стороны Льюиса делать что-то подобное, едва выйдя из тюрьмы. Но, сдается мне, он просто сорвался. – Она бросает красноречивый взгляд на Клэри. – Люди имеют свойство срываться, сама знаешь.

Клэри изучает выражение лица Фэй и размышляет, насколько ее мать сама близка к срыву. Когда они найдут Энни, она выскажет ей, как эгоистично с ее стороны было заставить их пройти через все это. Она могла бы просто позвонить, и это избавило бы многих от лишнего стресса и драмы. Может, Энни наказывает ее таким образом за брошенную трубку? Но это было бы слишком даже для нее.

– Что сказал Скотт? – спрашивает Клэри, полагая, что, наверное, ей тоже стоит переговорить с ним, даже если Фэй уже это сделала. Возможно, есть нечто, о чем он не стал бы рассказывать Фэй. Конечно, она Энни не мать, но самый близкий человек, который у нее есть, а люди всегда скрывают что-то от близких. Может, они с Энни провели вместе ночь и та соврала об этом. А теперь, может, и Скотт тоже врет. Хороший ли из него лжец? Клэри не знает. В ее представлении Скотт – картонная фигурка мужчины, помещенная рядом с Энни ровно в том месте, где указано: «Жениха поставить здесь». Только Энни пришло время выходить замуж, как чудесным образом нарисовался Скотт. Но Клэри никогда не задавала слишком много вопросов, хотя, наверное, стоило бы. Немного здорового интереса – и она не стояла бы здесь, почесывая в затылке и имея весьма смутное представление о том, кто такой Скотт Хэнсон.

Фэй снова качает головой.

– Он растерян не меньше нашего.

Клэри напрягает память, пытаясь припомнить, что из сказанного Энни

ранее могло бы дать хоть какой-то ключ к разгадке ее исчезновения. Она думает о молчании, воцарившемся между ними, когда она положила трубку. Обычно Энни ждала несколько часов и перезванивала под предлогом того, что хочет подождать ей еще немного, но на самом деле чтобы убедиться, что конфликт исчерпан. Она не выносила, когда между ними возникали разногласия. В отличие от Клэри, которая могла позволить их размолвкам длиться сколько угодно, Энни всегда бросалась все исправлять. Она просто не могла быть не в ладах с кухней слишком долго, а потому происходящее сейчас кажется Клэри тревожным знаком.

– Скотт сказал, что если бы она и собиралась кому-то что-то сказать, то это была бы я. – Фэй закатывает глаза. – Но, как я уже отметила, он растерян. И никто из вас, девочки, тоже не сказал мне ни слова.

Фэй права, но Клэри оставляет эти соображения при себе и говорит:

– Мам, в последнее время она была не в своей тарелке. И это не первый раз, когда она исчезает. Я имею в виду, в тот день, когда пропал Мика, ее тоже никто не видел. И она так и не потрудилась объяснить никому, что все это значит. – Думая о дне исчезновения Мики, она вспоминает, как Энни вызвалась отвезти на прогулку мисс Минни вместо нее, чтобы она могла поискать птицу, и это заставляет Клэри чувствовать себя еще хуже из-за брошенной трубки. Пусть даже Энни пыталась заставить ее поговорить с бывшим, чего она не собиралась делать ни при каких обстоятельствах.

– Может, – говорит она Фэй ободряюще, – у нее есть тайный любовник и она подумывает отменить свадьбу.

Фэй легонько толкает ее:

– Клэри, перестань.

– Ну а ты подумай, мам. Она не обедает с нами половину времени. Она избегает смотреть прямо в глаза. Она таинственно исчезает, ничего не объясняя. Думаю, моя версия имеет право на жизнь.

– Она просто занята свадьбой, а это занятие может поглотить тебя целиком. Тебе не понять.

– Господи, ну спасибо, мам.

– О, милая, я не то хотела сказать. Прости. – Она тянется к Клэри свободной рукой, пока другая по-прежнему сжимает бокал с шампанским.

– Все в порядке, – отвечает Клэри, хотя фраза, сказанная матерью, сильно задела ее – по большей части потому, что попала в цель. Да, Клэри не понимает и начинает подозревать, что не поймет никогда. Но все это не важно, говорит она себе. Ей не нужен мужчина, чтобы быть счастливой. Она не диснеевская принцесса, которую нужно спасать. Она сильная,

независимая женщина, которая может позаботиться о себе сама.

– Суть в том, – говорит Фэй, – что если бы она и собиралась кому-то что-то сказать, то это была бы ты.

Клэри обдумывает эти слова. Энни хорошо известны секреты Клэри, но может ли Клэри похвастаться тем же? Она чувствует на себе взгляд Фэй и находит быстрый ответ, который, как она надеется, хоть немного успокоит нервы матери.

– Сомневаюсь, что у Энни есть какие-то секреты, мам. Она как открытая книга, ее все любят. Она смогла справиться с тяжелым прошлым. А теперь она выходит замуж.

На лице Фэй отражается сомнение.

– Да! Через три дня Энни выйдет замуж! – Клэри протягивает руку к бокалу, забирает его у матери и опрокидывает в себя остатки шампанского. Пусть оно нагрелось и выдохлось, пока Фэй нервно сжимала бокал, Клэри выпивает все до последней капли.

Кенни

Полторы мили, отделяющие его дом от бара, Кенни идет пешком. Нет, не идет – *плетется*, так будет точнее. Кенни изо всех сил старается протрезветь и надеется, что прогулка поможет. Его девушка будет дома, когда он вернется в квартиру: она прислала сообщение, что возвращается из поездки, и поинтересовалась, чем они займутся за ужином. Ей не терпится увидеть его, но она просто не ведает, что ее ждет. Когда он наконец заявится домой, она будет вне себя. Ей понадобится лишь один взгляд, чтобы понять, что он пьян. И, поняв это, она непременно поинтересуется, с чего бы он решил набраться в среду вечером – в рабочий день. Для его девушки рабочие дни священны.

Он не может сказать ей, что это из-за Энни, из-за того, что произошло прошлым вечером. Сегодня после работы он должен был отправиться домой, но понял, что не в силах оставаться там, один на один с воспоминаниями и сожалениями. Неожиданно для себя Кенни оказался за столиком бара с открытым ноутбуком, словно зашел туда поработать, но вместо этого он пил пиво кружку за кружкой. Он просто сидел там и думал. И пил. Но конечно, он не собирается признаваться в этом своей девушке. Он дал обещание, Энни его тайный лучший друг – даже после всего, что произошло, – и он не вправе болтать.

Он плетется в одиночестве по знакомым улицам Ладлоу, злясь, что

спустя столько лет он все еще здесь. Это не его город, он родился не здесь, и это отличает его от остальных жителей городка. Но он живет тут с седьмого класса, с тех пор как его родители развелись и они с мамой переехали. Это достаточно долго, чтобы называть Ладлоу своим домом.

Он вспоминает те времена, когда он был моложе, вспоминает все мечты и планы. У него большое будущее, говорил ему школьный психолог. Он мог бы пойти в колледж, он достаточно умен для этого. Это не хвастовство, а просто факт, такой же, как то, что у него темные волосы, карие глаза и обмен веществ, который позволяет ему есть все, что он хочет, и не набирать вес. После колледжа он мог бы отправиться куда-нибудь, где никто его не знает, где никто не будет делать выводов на его счет, как делают местные жители.

Но он не сделал ничего. Остался там, где и был. Кенни пинает пучок травы, растущий из трещины в тротуаре, ненавидя его за то, что тот растет здесь, на тротуаре этого города. Но из-за пива его шатает, и он спотыкается.

Вытянув руки, он пытается удержать равновесие, но пальцы лишь беспомощно хватают воздух. Его кренит вбок, но каким-то чудом он остается на ногах. Кенни переводит дух, упершись руками в колени и изучая трещины в дорожном покрытии. *Наступи на эту льдину – и сломаешь маме спину.* Вот оно, вот в чем причина. Вот почему он не хочет уезжать из города, даже если Энни в нем больше не будет.

Нет, он не сломает матери спину, он разобьет ей сердце. И он не может себе позволить так поступить. Мать – все, что у него осталось, а значит, он не уедет. Он меняет в ее доме перегоревшие лампочки, потому что не хочет, чтобы она сама забиралась на стремянку. Он водит ее ужинать сэндвичами в «Брукс Барбекю» раз в неделю. Он приходит точно к завтраку рождественским утром и дарит ей бутоньерку, которую она потом с гордостью надевает на День матери в церковь. Он следит за состоянием ее машины. И он сидит рядом с ней в церкви по воскресеньям, пока ее стареющие подруги кудахчут, какой он хороший сын и как бы они мечтали иметь столь же внимательных детей.

Тот факт, что он нашел девушку, которая приняла его особые взаимоотношения с матерью, он расценивает не иначе как чудо. Милую девушку с хорошей работой, тоже в айти, так что у них много общего. Девушку, которая и правда понимает, чем он занимается, а не просто вежливо кивает, когда он пытается объяснить проблему, возникшую у него при скачивании информации из серверной базы данных. Девушку, которую не выводит из себя его молчание, которая не заставляет его постоянно докладывать, как он себя чувствует. Девушку, которая знает, каково это –

испытывать неловкость при общении с окружающими, потому что иногда неловко ей самой. Девушку, которая полагает, что его сыновья преданность сейчас – гарантия супружеской преданности в будущем. И все же он так и не сделал ей предложение, так и не «надел колечко», как поется в той песне^[6].

Не сделал того, что Энни собирается сделать.

Его мысли возвращаются к событиям прошлого вечера, пусть даже он убил целый день, пытаясь выбросить это из головы. Он вспоминает выражение ее лица – то, что превращает ее в такую же пустышку, как остальные, – ничего общего с девушкой, которую он любит. Ярость, спонтанная и неконтролируемая, закипает у него внутри, но Энни распознает ее тут же, в тот самый момент, как он сам ее почувствовал. Распознает и бросается прочь.

Теперь она не отвечает на его звонки. До свадьбы остались считанные дни, и скоро они уже не смогут быть тайными лучшими друзьями, он боится, что прошлый вечер действительно стал концом всего, что их многолетняя дружба оборвалась раньше, чем он рассчитывал. Как же он заблуждался, считая, что у него в запасе больше времени. Ловушка, в которую рано или поздно попадают все.

Приближается машина, и он поднимает глаза, чувствуя себя пойманным, виноватым – старое чувство, от которого он пытался убежать всю свою взрослую жизнь. Вот только он недостаточно быстр и никогда не был.

Кенни моргает, наблюдая, как мимо медленно проезжает фургон Хэла Йорка. Йорк замечает его, и Кенни прилагает все усилия, чтобы держаться прямо и уверенно смотреть шерифу в глаза, пока тот не минует его. «Просто смотри людям в глаза, – просила его Энни. – Я знаю, что ты стеснительный, но другие этого не знают. Они думают, что ты что-то скрываешь». «Сделаешь? Сможешь сделать это для меня?» – она взяла с него обещание, что он попытается. Энни всегда просила его о трудных вещах. А теперь просит сделать самое тяжелое в его жизни – отпустить ее.

Когда фургон Хэла исчезает из вида, Кенни продолжает путь, думая, что, возможно, ему пора предложить своей девушке вместе уехать из города. Он не может больше оставаться здесь, наблюдая за празднованием, за гостями, слушая все эти разговоры вокруг. Он размышляет, куда бы они могли поехать. В какое-нибудь милое и романтическое место вроде Чарльстона, с достаточным количеством соблазнов, которые отвлекли бы их обоих. У него хватит денег, чтобы поехать почти куда угодно, он аккуратен в расходах – копит на жизнь, которой у него никогда не будет.

Уже давно пришло время отпустить эту жизнь и попробовать новую. Он скажет своей девушке, что это отличный выход. Потому что так и есть. Он уйдет от всего этого. Уйдет и изо всех сил постарается не оглядываться назад.

Его девушка ни о чем не подозревает и потому сразу же попадает на удочку. Она даже не замечает, что он пил, – возможно, появление Хэла Йорка здорово отрезвило его. Она хлопает в ладоши, крепко целует его и говорит, что он самый чудесный в мире парень, а она самая счастливая девушка. Он соглашается с ней, несмотря на то что ее слова и близко не похожи на правду. Вместо этого он достает им обоим по пиву, и они вдвоем садятся на диван, к компьютеру, чтобы выбрать, куда поехать. Он чувствует радость и облегчение. Он вытаскивает их из этого места, пока не стало слишком поздно. А в выходные с его матерью все будет в порядке. В это воскресенье она может сходить в церковь с кем-нибудь еще. В конце концов, это ее не убьет.

Они действительно решают отправиться в Чарльстон, который, конечно, недостаточно далеко от Ладлоу, но у них нет времени рассматривать другие варианты, так как его девушке нужно вернуться вовремя и успеть подготовиться к рабочей неделе. Он наклоняется и целует ее, когда она напоминает ему об этом, потому что она такая ответственная, такая серьезная и хорошая. Не то что Энни с ее заскоками и легкомыслием, вечно предлагающая самые абсурдные идеи и ожидающая, что он бросится горячо их одобрять. «Поехали в Гринвилл гулять вдоль реки», – выдает внезапно она и рассчитывает, что он тут же подскочит и, забросив все свои дела, кинется выполнять ее прихоти. Да, Энни очень нравилось гулять вдоль той реки. Но теперь этого всего не будет.

– Поехали сегодня вечером, – предлагает он и легонько кусает ее за ухо, зная, что это сводит ее с ума, а сейчас он хочет именно вскружить ей голову и заставить потерять равновесие. Он позаботится о том, чтобы она была занята, сделает для нее все, чего только ее сердечко ни пожелает. Он позаботится, чтобы время для них обоих пролетело как сон.

Но она отстраняется и выключает компьютер.

– Ты же знаешь, я не могу этого сделать, – говорит она, отчитывая его как ребенка. – Завтра мне нужно работать. И к тому же я только вернулась. В моей почте шестьдесят четыре непрочитанных письма, а еще два отчета, которые нужно написать перед отъездом. Самое раннее, когда я смогу куда-то отправиться, – завтра вечером. – Она целует его в щеку. – Зато утром мы сможем вдвоем поработать из дома.

Кенни проводит руками вдоль бедер, вытирая взмокшие ладони о

шорты. Он взвинчен, его одолевает тревога. Он делает большой глоток пива и чувствует, как глаза его девушки пристально наблюдают за ним. Он пытается вести себя нормально. Он опускает пиво и выдавливает из себя улыбку.

– Без проблем, – соглашается он. – Уедем завтра вечером. Как насчет четырех? Устроим классный длинный уик-энд.

Она улыбается в ответ, и он видит, что ее сомнения рассеялись и все снова в порядке. Волна облегчения окатывает его. Они покинут город меньше чем через двадцать четыре часа, и он наконец выкинет Энни Тафт из своей головы.

Лорел

Жених Энни Тафт еще не ответил, а значит, есть время заняться материалами об убийстве ее матери. Лорел изучает статьи «Вестника Ладлоу», написанные спустя дни и месяцы после трагедии, внимательно просматривая по несколько раз каждую. Она так увлечена, что теряет счет времени, и когда приходит в себя, обнаруживает, что, кроме нее, в офисе никого не осталось, а солнце клонится к закату. Наслаждаясь тишиной и полумраком, Лорел ужинает несвежим попкорном, а когда небо окончательно темнеет, уходит, отчаявшись получить ответ от Скотта Хэнсона. Она надеется, что ее родители уже легли спать, но вернувшись домой, Лорел обнаруживает свою мать за кухонным столом – та раскладывает пасьянс.

Эта картина наполняет Лорел одновременно тоской и страхом. Ей жалко мать, жизнь которой выглядит такой одинокой, такой *solitaire*^[7], несмотря на то что она замужем, несмотря на ее социальное положение и активную работу в различных комитетах. Но сильнее этой тоски страх Лорел – страх, что собственная жизнь станет точно такой же и что в этом-то и состоит единственная цель ее матери с тех пор, как она вернулась домой. Глиннис твердит и твердит ей о том, сколько в городе мужчин, которые могли бы составить подходящую пару Лорел, о друзьях друзей, чьи сыновья живут в Гринвилле и не против познакомиться с умной, привлекательной молодой женщиной из Ладлоу. Лорел могла бы остаться в газете, осесть в городке – что, в конце концов, тут плохого?

Все. Все в этой затее плохо, думает Лорел, но ничего не говорит. Она просто меняет тему, спрашивает, как там бабушка, или делает вид, что ей интересен один из посвященных домашним питомцам проектов Глиннис,

чего обычно хватает, чтобы отвлечь ее мать на какое-то время.

Увидев дочь, Глиннис кладет карты на стол и тянется к сегодняшней газете, сложенной рядом. Она берет ее и тыкает пальцем в заголовок статьи Лорел – о реакции горожан на освобождение Корделла Льюиса, где написано, что город разделился на тех, кто считает освобождение справедливым, и тех, кто считает Льюиса заслуживающим куда худшей кары, чем получил. Ей пришлось буквально угрожать увольнением, если Деймон не даст воплотить в жизнь эту идею. Ладлоу не любит привлекать внимание к местным конфликтам и скандалам. И все же Лорел опросила людей на улице и получила удовольствие, собирая комментарии и готовя выводы. Сначала она использовала диктофон, но, когда третий человек назвал ее «надутой» и «претенциозной», она убрала его в сумочку, взяла ручку и блокнот и принялась кропотливо заполнять страницы высказываниями дорогих горожан.

– Думаю, они слишком жеманничают с такими, как он, – сказал ей один мужчина. Он стоял у бара, когда она наугад выбрала его, и выглядел добрым и учтивым, однако его ответы оказались далеки как от доброты, так и от учтивости. Лорел поинтересовалась, как его зовут, будучи уверенной, что он пожелает остаться неизвестным, однако мужчина, напротив, гордо назвал ей свое имя и даже произнес его по буквам, чтобы удостовериться, что она все расслышала правильно.

Деймон неохотно согласился пустить статью в тираж этим утром, а потом огоршил ее задачей написать статью о свадьбе. Лорел прекрасно понимала, что это его способ поставить ее на место, напомнить, почему она здесь, тонко намекнуть, что не так уж она и хороша, в конце концов. Она ничего не могла поделать с мыслями о том, что Деймон тайно наслаждается ее падением, что ему нравится наблюдать за ее крахом, сидя в первом ряду. Раньше она рассказывала всем, кто соглашался слушать, что однажды она отправится путешествовать, брать интервью у звезд и знаменитостей. Она болтала об этом направо и налево, и, господи, почему никто, ни единый человек не посоветовал ей заткнуться? Почему никто не сказал ей, что у жизни всегда в запасе изысканный способ ткнуть тебя лицом в осколки собственной мечты, так что лучше держать эту мечту при себе. Ну или приготовиться в свои двадцать шесть стать посмешищем для всего города.

Так или иначе, теперь уже поздно пытаться что-то исправить. Остается только надеяться, что люди со временем забудут о ее глупых фантазиях. Сама она уже забыла. И, если бы Глиннис не пристроила ее на эту работу, проводила бы все дни у бассейна в загородном клубе, читая и размышляя, какой могла бы быть ее новая мечта. Мечта взрослой Лорел – забудьте ту

девчонку с головой, набитой несусветной чушью. Может быть, она даже сделает то, чего хочет от нее ее мать: найдет богатого парня, выйдет замуж, заведет детей и будет играть в бридж. Интересно, люди все еще играют в бридж? Наверное, лучше выбрать теннис – намеренно она видела в клубе нескольких женщин в белых юбках, гоняющих желтый мячик. Не важно, что у нее самой никогда не было склонности к спорту и мечтала она брать интервью у спортсменов, а не вступать в их ряды.

Глиннис поднимает палец вверх и, улыбаясь, кивает в сторону газеты.

– Молодец, милая! – говорит она, ее глаза широко раскрыты и сияют. Лорел знает, что Глиннис нет равным счетом никакого дела до новостей, если только это не сочный слух о ком-нибудь из женщин, кого она причисляет к своим подругам. Глиннис только притворяется, что ее волнуют успехи дочери.

Оценив лицедейство матери по достоинству, Лорел легонько треплет ее по плечу и целует в макушку.

– Спасибо, мам, – говорит она, а потом подчеркнуто громко зевает. – Я без сил. Пожалуй, пойду сразу в постель. – И выходит из комнаты, прежде чем Глиннис успеет что-либо ответить.

Несмотря на то что Лорел оценила попытку матери поддержать ее, обсуждать с ней содержимое статьи сейчас выше ее сил. Мать думала, что поступает правильно, устраивая Лорел работать в газету, а ей не хватило мужества сказать кое-что – то, что она уяснила, еще когда варилась в большой журналистике: она просто не создана для этой профессии. Она посредственность. Ты можешь мечтать о чем угодно, но если у тебя нет таланта, мечты вряд ли к чему-то приведут.

– Тебя не уволили, – все время исправляла ее Глиннис. – Тебя отпустили.

– Это одно и то же, мам, – возражала Лорел, чувствуя, как сжимается горло, и изо всех сил сдерживая подступающие слезы. – Если бы они действительно считали, что я достойна остаться, они бы не дали мне уйти.

Но Глиннис делала вид, что не слышит дочери, и принималась разглагольствовать о том, какая это хорошая возможность – работать в «Вестнике».

– Это твоя стезя, милая, – говорила она, явно гордясь собой. Она обрушила эту новость на Лорел, как только та вернулась в родительский дом, и по ее тону Лорел поняла все, что нужно было знать об условиях грядущего совместного проживания. А именно – ей, в ее двадцать шесть, разрешают вернуться домой. Но расплачиваться за это она будет, работая на Коллинзов. Да, еще их сын станет ее боссом, но этот пункт не был озвучен

до того самого дня, пока Лорел не вышла на работу. Она стояла там в платье, которое купила ей мать для ее дебюта, и с ланчем, который также упаковала ей мать, чувствуя себя воспитанницей детсада для особо одаренных взрослых. Деймон не преминул сразу же поиздеваться над ней по этому поводу, продемонстрировав, что он все тот же мерзкий мальчишка, каким был в детстве.

– Да-а-ай посмотреть, – прицепился он и попытался выхватить пакет с ланчем, но она ловко увернулась, отметив, что ее реакция, натренированная выходками Дэймона еще в детстве, пока при ней. Однако тот продолжал глумиться: – Ну, что там у тебя? Что она упаковала? Могу поклясться, она срезала корочки. Ну-у-у же-е-е! Ну срезала или нет?

Потерпев фиаско, он сменил тактику и притворился обиженным на то, что Глиннис не приготовила ланч и ему. А Лорел поймала себя на том, что изо всех сил борется с желанием с визгом выбежать из здания, из города, из штата Южная Каролина.

Когда Лорел была маленькой девочкой, она думала, что люди живут там, где решили жить, и работают там, где решили работать. Она считала, что самое сложное – это решить, и недоумевала, почему некоторые люди приняли, мягко говоря, не самые удачные решения. Она говорила во всеуслышанье, что решила уехать из Ладлоу, когда вырастет. Она решила повидать мир. Как будто одного решения было достаточно.

Она пересекает кабинет, проходя мимо своего отца, который тут же принимает недовольный вид – она заслонила ему телевизор. Она бормочет: «Привет, пап» – и слышит его ворчание в ответ, пока поднимается по лестнице, и ноги все дальше уносят ее из унылого мирка родительского быта в убежище собственной спальни. Она проскальзывает внутрь, протягивает руку к выключателю и закрывает за собой дверь. Золотистый свет старомодного светильника заливает стены в комнате, открывая обзору коллекцию газетных вырезок – плотная бумага пожелтела и истончилась от времени. У нее есть передовицы о терактах 11 сентября, стрельбе в начальной школе «Сэнди-Хук», выборах Обамы, убийстве Усамы Бин Ладена, смертях Принца и Майкла Джексона. Есть и не такие масштабные истории – те, что имеют значение только для жителей ее городка и для нее самой: год, когда футбольная команда ее школы выиграла чемпионат штата, одноклассница, погибшая в автомобильной аварии одним дождливым вечером.

Она открыла в себе страсть к новостям в восьмилетнем возрасте, когда училась в третьем классе. У одноклассника Лорел обнаружили рак, и ему требовалась трансплантация костного мозга. Ученики ее класса в полном

составе решили пройти обследование, чтобы узнать, не подойдет ли кто-то из них на роль донора. Эта история разрослась до новости, сначала попав в местные газеты, потом в издания покрупнее, после чего о ней заговорила вся страна. Еще сами о том не подозревая, дети из третьего класса миссис Уайли стали примером для всей страны. О них писали все газеты: от Нью-Джерси на северо-востоке до Санта-Фе на юго-западе. Телеканалы брали у них интервью, эффектно перемежая съемки здоровых детей, бегающих и играющих на площадке, с кадрами из жизни больного мальчика: как он с трудом перемещается по больничному коридору, сжимая передвижную капельницу, как измучено раком его бледное тело.

Но не внимание медиа навсегда изменило Лорел. Это случилось позже, когда женщина из Мантео, Северная Каролина, прочитала о больном мальчике в новостях, загорелась пройти обследование и внезапно подошла на роль донора. Дэнни, который вернулся в школу на следующий год, до сих пор жив, – Лорел не так давно встретила его в аптеке. Он сказал ей, что женится и что получил работу электрика.

Ее телефон вибрирует в кармане, и она достает его в растерянности – никто не звонит ей так поздно. У нее совсем нет друзей здесь, в Ладлоу, – честно сказать, она и не старалась их завести. Подружившись с кем-то, она признает, что застряла в городе навсегда, а ей важно поддерживать иллюзию, что ее присутствие в городе – не более чем короткая остановка. Да, конечно. Ну прямо как отрубленная рука Черного Рыцаря в «Монти Пайтон» была не более чем царапиной.

Ее лицо искажает гримаса, когда она видит на экране телефона номер Деймона. Звонить ей так поздно – ужасно непрофессионально. Она выскажет ему все, что о нем думает, если это очередная глупость. Вероятно, он пьян и позвонил ей по ошибке. Видимо, хочет переспать с кем-нибудь, ищет подружку на ночь и набрал имя Лорел вместо какой-нибудь Лоры или Лорен. Хоть она и считает его студентом-переростком, кем он, собственно, и является, он явно имеет успех у девушек, судя по ленте его Инстаграма. Впрочем, не то чтобы Лорел это волновало. Единственная причина, по которой она вообще смотрела его Инстаграм, – ее работа с соцсетями, призванная наконец вытащить «Вестник» из болота восьмидесятых в прогрессивный двадцать первый век. Да, Лорел пришлось отметить его в посте однажды и добавить в друзья газеты просто на всякий случай.

– Да? – она берет трубку прежде, чем телефон переключится на голосовую почту.

– Лорел? – уточняет Деймон. Оказывается, он знает, кому звонит.

– Да, – отвечает Лорел заинтригованно, гадая о реальной причине звонка.

– Извини, что звоню так поздно, – его голос звучит совсем повзрослому. – Но хотел поделиться с тобой слухом, который слышал. Подумал, может, тебе захочется разузнать, что к чему.

– Окей... – отвечает она. – Слово «слух» разжигает ее интерес. Но если он состоит в том, что библиотека переносит распродажу книг на другой день, она швырнет телефон в стену.

– На улицах поговаривают, что ты не одна, кто не может связаться с Энни Тафт. Никто не может.

Она раздумывает об этом и о том, как Фэй разговаривала с ней сегодня: как изможденно она выглядела и как недружелюбно себя вела. Может, дело было не в том, что ей не понравилась журналистка, расспрашивающая о свадьбе. Может, Фэй беспокоилась о своей племяннице, потому что не могла найти ее.

– Советую тебе завтра разнюхать, что к чему, посмотреть, удастся ли что-нибудь прояснить. Если Энни Тафт действительно пропала, у нас есть все условия для того, чтобы сделать шикарный материал.

– Может, она просто сбежавшая невеста, – говорит Лорел, пытаясь найти происходящему разумное объяснение. Она слышала, что такое случается. Черт, да они об этом целый фильм сняли. Она представляет Джулию Робертс, мчащуюся на лошади в свадебном платье, но в ее воображении место голливудской звезды на лошади занимает Энни – Энни, дерзко совершающая побег. Но что могло бы подтолкнуть ее к бегству, если, по всеобщему убеждению, она выходит замуж за великолепного парня и их ждет прекрасная свадьба. С другой стороны, что-то, а одну вещь Лорел усвоила уже давно: ничто вокруг не является тем, чем кажется.

Несколько секунд Деймон раздумывает над ее словами, а потом говорит:

– Может, так, а может, тут кроется кое-что еще.

Лорел прикидывает, имеет ли смысл писать об Энни как о сбежавшей невесте. Ясно, что эта история не тянет на материал для передовицы. Другое дело – если бы побег был неким образом связан с выходом из тюрьмы Корделла Льюиса. В голове Лорел вспыхивает заголовок: «Невеста отменяет свадьбу после освобождения подозреваемого в убийстве».

– Да, наверное, – соглашается она. – Завтра первым же делом займусь этим.

– Договорились, – резюмирует Деймон. – И еще раз извини за поздний звонок. Я просто не мог выкинуть мысли об этом из головы и подумал, что

ты, наверное, тоже заинтересуешься. Ну, знаешь, чтобы было время продумать тактику, прежде чем бросаться в атаку утром. – Он смеется, но это уже не смех противного злобного мальчишки. Это смех делового партнера, с которым она проводит большую часть своего времени, если уж быть совсем честной. – Уж я-то знаю, кто ты такая, – добавляет он.

– Да, – отвечает она. – Не сомневаюсь. – И ее оглушает осознание того, что так и есть. Внезапно она чувствует себя уязвимой и неуверенной в себе, как будто он в комнате вместе с ней и может видеть вырезки из газет и растекшуюся тушь у нее под глазами. – Спасибо, что рассказал мне все, – благодарит его она, желая поскорее положить трубку и прекратить беседу, заставляющую ее чувствовать себя совсем не так, как во время обычных переговоров. Лорел хочет, чтобы все снова стало как раньше, как этим вечером в офисе, когда она распекала его из-за жениха Энни. Который, к слову, так и не ответил на ее сообщение. А впрочем, минутку...

– А откуда ты все это узнал? – спрашивает она Деймона. – Кто тебе сказал, что никто не может найти Энни?

– Я прислушался к твоему совету и решил воспользоваться братской любовью, – отвечает он со смешком, и хотя в нем определенно что-то есть от противного мальчишки, Лорел радуется, что наконец этому нашлось полезное применение.

– Что ж, хорошо, что с тобой он пообщался – в отличие от меня, – говорит она мрачно.

– Потому что я сказал ему, что не нужно. Он очень расстроен, и я сказал, что все тебе передам. Так что теперь ты официально проинформирована. А еще он добавил, что будет держать нас в курсе.

– Нас?

– Я подумал, что мы работаем над этим вместе, раз уж я тоже оказался причастен.

«Ну прекрасно», – думает Лорел, но произносит только:

– О-о-о.

– О, смотри не лопни от счастья!

– Нет-нет, все в порядке, просто я привыкла работать одна.

– Будет весело, – говорит Деймон. – Вот увидишь. Ну что, встретимся, партнер?

– Да, – отвечает она с наигранным воодушевлением, но не в силах удержаться от гримасы при слове «партнер». И во что она только ввязалась?..

Она просыпается от звука приглушенных голосов, доносящихся из кабинета, и понимает, что уснула в ожидании возвращения матери – та ездила по окрестностям в поисках Энни.

– Я больше не могу сидеть сложа руки, – заявила Фэй, взяла ключи и ушла.

Было слишком поздно и слишком темно, чтобы эта затея имела хоть какой-то смысл, но она не дала Клэри времени подумать. Кроме того, Клэри ее понимала: когда пропал Мика, она искала его в темноте, надеясь, что серебряные перышки, украшающие его крылья, будут так ярко светиться, что она заметит их даже чернильной ночью. Но этого, конечно, не случилось.

Спустя полчаса после ухода матери Клэри проверила голубей, а затем прилегла, ожидая возвращения Фэй. И заснула.

Теперь, сонная и растерянная, она садится на кровати, окидывает взглядом темную спальню и берет телефон, чтобы посмотреть, который час. В ее душе теплится надежда увидеть пропущенный звонок или сообщение от Энни, надежда, что все закончится. Но сейчас 23:13, от Энни ни весточки, а странные голоса в кабинете не умолкают. Она понимает, что до развязки еще далеко.

Дурные мысли одолевают ее. Она думает о том, что этот раз не похож на все другие, когда ее кузина исчезала, что Энни не зайдет больше в дверь, не бросит ключи, не скинет туфли и не провозгласит: «Эй, я дома!» – слова, которые на самом деле означают: *вы можете перестать искать меня, потому что теперь я здесь*. Клэри боится, что на этот раз, как и Мика, Энни не вернется.

Она прилагает все усилия, чтобы прогнать мрачные мысли из своей головы, вылезает из постели и крадется к кабинету, пытаясь распознать голоса. Один мужской, другой женский. Она выглядывает из-за угла, чтобы подтвердить свои догадки. Да, так и есть: в комнате Скотт, ее мать и Трейси Дуглас, лучшая подруга Энни. Клэри знает, что, должно быть, ужасно выглядит спрpsonья, но ей все равно, так что она заходит в комнату.

– Ох, Клэри, – говорит ее мать. Она начинает вставать, но Клэри жестом усаживает ее назад. Она видит изнеможение на лице матери. Бедная женщина уже давно перешагнула за границу того, что люди называют «усталостью». Она подходит к месту, где сидит Фэй, плюхается рядом, кладет голову матери на плечо, а та обнимает ее рукой. Фэй редко

проявляет чувства, и потому Клэри научилась наслаждаться ими по максимуму. В этом плане она до сих пор как ребенок, постоянно ищущий маминой ласки. Но Фэй сдержанна и скупа на эмоции и никогда не любила сюсюкаться. Фэй – это просто Фэй. Клэри принимает это, но иногда мечтает, чтобы было иначе.

– Почему вы не разбудили меня, когда пришли? – спрашивает она, слыша в собственном голосе обвинительные нотки. Она не участвует в их разговоре, она уже позади, уже за бортом. Она смотрит на Трейси, на мгновение ощутив старую ревность – и вспомнив негласное соперничество между ними за внимание Энни, потом вдруг резко оборвавшееся. Видимо, они просто переросли его.

Фэй прижимает губы к виску Клэри, что вполне сойдет за поцелуй, и поднимается.

– Зачем будить, если нечего сказать? Мы просто гадаем на кофейной гуще, – говорит она, направляясь в сторону кухни. – Я делаю кофе: кто хочет?

Скотт и Трейси поднимают руки, хотя Фэй стоит к ним спиной и не может видеть их жеста. Клэри замечает, как они переглядываются и улыбаются синхронному промаху, в унисон говорят: «Я», а затем снова улыбаются, глядя друг на друга. Клэри сдерживается, чтобы не закатить глаза при виде этой слащавой картины. Она встает и следует за матерью на кухню, чтобы помочь приготовить кофе, хотя той вряд ли нужна помощь в выполнении этой элементарной задачи.

– Если бы я не знала, как обстоят дела, я бы решила, что Трейси втюрилась в Скотта как школьница, – замечает Клэри.

Фэй молча пожимает плечами.

– Меня это не удивляет. Трейси всегда было нужно то, что доставалось Энни.

– Да, думаю, ты права. Но все-таки... – Она замирает в неловкости и отступает в сторону, когда мать оттесняет ее. В их кухне не разбежишься, и Фэй всегда ворчит на этот счет. – Что-нибудь слышно от Хэла? – спрашивает она, просто чтобы заполнить тишину, пока Фэй засыпает кофе в кофемашину.

Фэй прекращает свое занятие и спрашивает:

– Будешь?

Она поднимает ложку, чтобы показать, что имеет в виду.

У Клэри нет желания пить кофе посреди ночи. Она хочет вернуться в спальню и забыться сном. Но она подозревает, что этого не случится. По крайней мере, пока здесь Трейси и Скотт. И нет Энни. Было бы грубо и

нетактично просто лечь в постель. Так что она пожимает плечами:

– Конечно.

Фэй смотрит ей в глаза.

– Хэл расследует ситуацию, – говорит она сухо, давая Клэри понять, что это все, что ей нужно знать. Ничего не изменилось. Нужно набраться терпения.

– А что Скотт здесь делает? – спрашивает Клэри, не потому, что против его присутствия, а скорее из-за необъяснимой злости на него, как будто если бы не он, всего бы этого не случилось.

– Ему нужна была поддержка, – пожимает плечами Фэй. – Вряд ли можно винить его в этом. – Она показывает на холодильник на другом конце комнаты. – Достань сливки, на случай если кто-то захочет.

Клэри направляется к холодильнику и покорно открывает его. Чавкающий звук уплотнителя эхом разносится по кухне. Она заглядывает в холодильник и видит там миндальное молоко – миндальное молоко Энни. Она единственная пьет его, и обычно все заканчивается тем, что они выкидывают полный пакет, когда кто-нибудь из них соображает проверить срок годности и видит, что тот давно истек. Клэри смаргивает слезы и закрывает холодильник, забыв, зачем его открывала.

Она думает о просьбе Энни. Они стояли на этой самой кухне, когда та впервые заговорила о Трэвисе. Фэй оставила их мыть посуду. «Не проси меня этого делать, – сказала тогда Клэри своей кухне. – Это нечестно». Она задумывается, не пропала ли Энни только затем, чтобы вынудить ее признаться. Но если бы это было так, то почему бы ей и правда не выложить все Трэвису? Если бы это вернуло им Энни. Что ни говори, а ее кухня умела обстригать все так, чтобы люди поступали, как ей того угодно. Например, чтобы Клэри по собственной воле бросилась выполнять единственную вещь в мире, которую никогда не собиралась делать.

Впрочем, несмотря на свою склонность к драме, даже Энни не зашла бы так далеко.

– Клэри? – Голос Фэй выводит ее из забытья. – Сливки? – Она слышит, как за ее спиной Фэй включает кран и наполняет кофейник. Вот как, думает Клэри, звучит кризис.

Она открывает холодильник во второй раз, достает сливки и ставит рядом с сахарницей. В ответ кофемашина шипит и клокочет, смешивая воду и кофе. Она чувствует запах напитка, когда он ударяет о дно кофейника, мечтая, чтобы сейчас было утро и все шло своим чередом. Позади нее Фэй стучит дверцами шкафчиков, доставая все новые и новые кружки.

– Намечается вечеринка? – саркастично замечает Клэри. Просто чтобы

не сидеть без дела, она убирает лишние, оставив только четыре штуки.

Фэй за ее спиной снова достает убранные чашки и решительно возвращает их на стол.

– Я знаю, что делаю, – говорит она.

Клэри осматривает столешницу, чувствуя, как пульс набирает скорость, словно ее сердце уже знает ответ на вопрос, который пока не знает мозг.

– Кого еще ты ждешь, мама? – спрашивает она, слыша, как дрожит собственный голос.

Вместо ответа звучит стук во входную дверь, и Клэри слышит, как Трейси срывается с места, чтобы открыть ее, словно находится у себя дома.

– Ты пригласила сюда *его*? – поворачивается Клэри к матери. – Когда ты успела?

Фэй смотрит мимо нее, считая невидимые крошки со стола, и кивает.

– Он недавно звонил, потому что тоже не мог связаться с Энни. Я объяснила, что случилось, и он предложил заехать.

Она слышит его голос в соседней комнате, голос, знакомый до боли – словно она видела его только вчера. Но прошло много лет с тех пор, как они разговаривали последний раз. Еще один голос, женский, вторит его словам. Клэри понижает собственную речь до шепота:

– Его жена тоже здесь?

Фэй поднимает голову:

– Ну конечно. Что ему нужно было сделать – бросить ее? – Фэй говорит тихо, но твердо – хорошо знакомые Клэри интонации, четко дающие понять, кто из них дочь, а кто мать.

Клэри быстро осматривает себя. На ней спортивный костюм и футболка, которую она, вероятно, носит еще с тех пор, как они встречались. Ее единственное утешение – в том, что она, по крайней мере, надела лифчик. Она слышит смех Трэвиса Дава, и этот звук для нее как соль на свежую рану. Над чем вообще можно смеяться в такой момент? Клэри собирается бросить взгляд на свое отражение в микроволновой печи, но тогда ее мать все увидит и поймет, что творится сейчас в ее мозгу. Да и кому какое дело, что Трэвис подумает (или не подумает) о ней? И все же она проводит рукой по волосам, а потом под глазами, чтобы избавиться от туши, которая наверняка размазалась, пока она спала.

Ей хочется умереть – здесь и сейчас. Она умрет, и у Трэвиса не останется никаких шансов спасти ее душу. Она думает об их последнем разговоре и о тех его словах, которые лишили ее дара речи, хотя ей было что сказать. С тех пор она так и молчит. В ее памяти всплывают слова

Энни: *ты должна рассказать ему о том, что случилось.* Но Энни здесь нет, никто не может подтолкнуть ее к этому шагу, и на мгновение Клэри даже радуется, что сестра пропала. Во всем, что произошло между нею и Трэвисом – и что разрушило их отношения, – виновата именно Энни.

Именно Энни была тем человеком, который пригласил его тогда в христианский лагерь. Прошло очень много времени, прежде чем она смогла простить Энни за ее «добродетель», за то, что она фактически разрушила их отношения, втянув в них Бога. Положа руку на сердце Клэри тоже собиралась поехать, но заболела, и по причинам, которые нельзя назвать иначе как роковыми, Трэвис решил отправиться без нее: «Ты проваляешься в постели всю неделю, а церковь уже дала мне стипендию, так что... я, наверное, все-таки съезжу».

В те времена родители Трэвиса постоянно ругались, и Клэри знала, что он ищет повод сбежать. Так что она простила ему саму поездку. Но она никак не ожидала, что он вернется домой совсем другим человеком. Он даже выглядел по-другому, когда пришел назад: мягкий, спокойный, без намека на ту дикую, неукротимую энергию, которая переполняла его раньше.

Он рассказал ей о покое, который обрел, и о том, что ей тоже следует попробовать. Но он не понимал, что ей не нужен покой. Ей был нужен хаос, ей были нужны ошибки. Ее тянуло к ним, она жаждала их. По крайней мере, тогда. Она снова задумалась, в тысячный раз, как бы сложилась ее жизнь, не заболела ли она в ту судьбоносную неделю.

– Пора покончить с этим, – говорит Фэй приглушенно, но достаточно громко, чтобы Клэри могла ее услышать. Она совсем легонько пихает дочь, но и этого хватает, чтобы подтолкнуть ее вперед.

Как же Клэри хотелось бы, чтобы Энни была сейчас здесь, потому что тогда здесь не было бы Трэвиса – уж точно не посреди ночи. Он нежил бы дома, в постели, со своей любимой женой. Именно так и должны были обстоять дела, именно к такому раскладу она была готова. Да, пусть эти мысли и причиняли ей боль, но то, что происходит сейчас, намного хуже. *Где же ты, Энни? Почему ты позволила этому случиться?*

Головы Давов синхронно поворачиваются, когда они с Фэй заходят в комнату. Глаза Трэвиса, равно как и глаза его жены, устремлены только на Фэй, будто Клэри и не существует.

– Фэй, – приветствует хозяйку дома Трэвис и делает шаг вперед, прежде чем замечает, что Клэри тоже здесь. Он моргает ровно один раз, а потом снова переключает внимание на Фэй, протягивая ладони, чтобы накрыть ими ее руки. Его глаза полны участия, и Клэри, которая знает его

лучше, чем кто-либо другой в этой комнате, видит, что участие это искреннее.

Его жена вклинивается в пространство между ними, собственническим движением обхватывая локоть супруга. Клэри ни в чем ее не винит, ведь та наверняка слышала истории об их невероятном бунтарском романе, о страстной первой любви. Конечно, теперь ей требуется обозначить границы в присутствии соперницы. Одно движение красноречивее тысячи слов: *отныне он мой*.

Жена Трэвиса, по-видимому, считает, что Клэри до сих пор тоскует по своему бывшему бойфренду. Да и сама Клэри не раз задумывалась, проснутся ли в ней прежние чувства, когда она увидит Трэвиса. Она ожидала, что наверняка что-то будет: чувство утраты, сожаления, боль. Но, видимо, дело в том, что все ее мысли заняты только Энни, а может, в том, что время лечит. Или в том, что Трэвис, стоящий сейчас перед ней, даже близко не похож на мальчишку, которого она знала когда-то.

Так или иначе, глядя на него теперь, Клэри знает одно: Трэвиса она больше не хочет. Все, что ей сейчас нужно, – пережить эти выходные, желательно не раскрывая секрета, который она хранила последние восемь лет. Она думает: если бы Энни была сейчас здесь, раскрыла бы она ее тайну во всеуслышание? Озвучила бы все сама или поняла бы, что теперь между ними все в порядке, а значит, не стоит ворошить прошлое?

– Я очень сожалею насчет Энни, – говорит жена Трэвиса высоким приятным голосом. Она слишком мила для Трэвиса, слишком хороша – Клэри достаточно и пары секунд, чтобы это понять. – Мы молились без перерыва с тех пор, как услышали.

– Да, – соглашается Трэвис, вспоминая свою роль. Как бы абсурдно это ни звучало, Трэвис Дав – их духовный лидер.

Клэри хочется рассмеяться, но ее отвлекают его следующие слова:

– Давайте помолимся вместе. – С широко распахнутыми и полными ожидания глазами он поднимает руки – так, словно хочет кого-то схватить.

Фэй ошарашена этим предложением. Она бросает быстрый взгляд на Клэри – так, чтобы никто не заметил. Фэй знает, что молитва – это плохая идея. Клэри, произносящая молитву, – это уже странно, но Клэри, которая молится вместе с Трэвисом Давом, – полная катастрофа.

– Вообще-то, – находит Фэй выход из положения, – я только что приготовила кофе. Может, сначала выпьем по чашечке? – И Клэри так благодарна матери за эти слова, что мысленно клянется мыть посуду всю неделю, даже не пикнув.

Все выражают свое одобрение и направляются в сторону кухни.

Трэвис похлопывает Скотта по плечу и, как предполагает Клэри, заводит свою пасторскую шарманку: слово теплое, слово утешительное, слово, вселяющее надежду, и так далее. Она не может сказать наверняка, так как тихо двигается по периметру комнаты в надежде улизнуть. Она выскользнет наружу и укроется в голубятне до тех пор, пока Трэвис не уйдет. Она читала, что голуби так чисты, что даже самому Сатане не под силу обернуться этой птицей. Когда она размышляет в таком ключе, чувствует себя в безопасности рядом с голубями.

Клэри ждет, пока все зайдут в кухню, а потом пятится прочь из комнаты. Она слышит шелест голосов, звон серебряных ложечек, ударяющихся о стенки чашек, думает о своей кружке, одиноко стоящей на столе, пока они все наливают себе кофе. Впрочем, она все равно не хотела кофе. Она ничего из этого не хотела.

30 мая. Ланч с подружками невесты. Два дня до свадьбы

Фэй

Фэй просыпается слишком рано и сразу не может понять, где находится. Мгновение ее память соблазнительно пуста, но затем лавина вчерашних событий обрушивается на нее, и она вспоминает все сразу – пропажу Энни, поиски Энни, кофе для гостей под покровом ночи. Фэй надеялась, что кофе помешает ей заснуть, но усталость взяла свое, и по крайней мере на несколько часов она сдалась ей.

Теперь Фэй садится на постели и берет в руки телефон в надежде, что ее ждут хорошие новости – в идеале от самой Энни. Но все по-прежнему: нет ни сообщений, ни пропущенных вызовов. За время сна ничего не изменилось. Что же, решает Фэй, когда Энни вернется, она позаботится о том, чтобы та сполна ответила за свой поступок. Хоть раз в жизни Фэй выскажет этой девчонке все, что думает, – она зашла слишком далеко, пропала слишком надолго. И Фэй абсолютно все равно, что заставило Энни это сделать, – не существует ни единой причины, чтобы заставлять близких людей *так* страдать.

Конечно, следуя своему привычному сценарию, Энни захлопает глазами и притворится, что не имеет понятия, сколько беспокойства она им доставила. И, конечно же, высказав все, что думает, Фэй простит племянницу, как делала уже не единожды. Например, когда Энни на спор утыкала вилками^[8] газон пастора Мелтона (в этом, как подозревает Фэй, и заключается реальная причина приглашения на церемонию Трэвиса, а вовсе не его суперпопулярность в соцсетях – Энни такие вещи никогда не интересовали). Или когда Энни пустила слух, что Фэй всем врет про курсы косметологов, а на самом деле выучилась дома сама. Помнится, Фэй потребовалась целая неделя, чтобы убедить клиенток, что дипломы, развешанные по стенам, – настоящие, а не нарисованные на их домашнем компьютере, как уверяла Энни. Та старалась выглядеть виновато, когда Фэй причитала, что слухи могли сделать с ее бизнесом, но было заметно, что она изо всех сил сдерживает улыбку.

Иногда девочка настолько походила на Лидию, что это казалось

сверхъестественным. Закрыв глаза, Фэй до сих пор могла четко увидеть молодую Лидию, болтающую ногами, сидя у кабинета директора в их школе. Они с компанией других детей зажгли бомбочки-вонючки в каждом коридоре школы одновременно, наполнив здание настолько невыносимым смрадом, что некоторые ученики, страдая от тошноты, вынуждены были отпроситься домой пораньше. Лидия приняла наказание, не сдав никого из своих подельников.

Фэй улыбается воспоминаниям. Сама она тоже входила в число участвовавших в розыгрыше. Она избежала наказания, в то время как Лидия отбывала повинность сначала в школе, потом в церкви, а когда заканчивала там, получала еще и дома. Однажды Фэй попыталась помочь ей, но Лидия сказала: «Нет, они все сразу поймут» – и взглядом отправила Фэй заниматься своими делами и не болтаться под ногами.

– Ты сможешь помочь мне позже, – добавила она тогда.

– Уж теперь-то точно смогу, – говорит теперь Фэй в пустоту.

Она направляется в кухню, чтобы сварить еще кофе, и находит Трейси и Скотта спящими на диване в кабинете. Она останавливается и кивает, вспомнив, что, обессилив от усталости и беспокойства, она сама предложила Трейси и Скотту остаться у них, пока не появятся новости от Энни. Она принесла им запасные подушки и одеяла, заверив, что их присутствие не причинит никому беспокойства. О чем она только думала? Теперь ей придется тащиться за продуктами.

Со вздохом она идет одеваться и причесываться. Она не утруждает себя макияжем. Она не оставляет записки для Клэри и ее гостей. Скорее всего, когда кто-нибудь проснется, она уже вернется домой. У них почти закончились сливки после этой ночи, и в придачу иссякли запасы еды. В собственном доме, пусть даже превратившемся из шумного места встречи свадебных гостей в юдоль скорби, ей волей-неволей приходится взять на себя роль хозяйки. Если она отправится в магазин достаточно рано, то сможет ускользнуть и вернуться, не натолкнувшись ни на кого из знакомых. По крайней мере, она надеется на это.

Но эта надежда разбивается вдребезги уже в первые пять минут ее пребывания в продуктовом. Она видит Миллисент Крафт в ту же секунду, как Миллисент Крафт видит ее, а это значит, что нет времени спрятаться за соседним стеллажом. Миллисент – это ее клиентка, и она тоже была приглашена на свадьбу Энни через три дня. Посему, если, конечно, машина городских слухов уже разогналась на полную, Миллисент прекрасно знает о случившемся с племянницей Фэй.

Фэй бросает взгляд на лицо Миллисент и понимает: все так и есть.

Машина слухов не просто разогналась, а того и гляди выйдет из строя от перегрузки. Миллисент тем временем заключает Фэй в объятия, распластав ее на своей полной груди и даже покачав, словно младенца, секунду-другую.

– Неужели совсем-совсем никаких новостей? – удрученно спрашивает она.

Фэй прикрывает глаза, слегка покачивая головой.

Миллисент начинает качать головой ей в такт, и ее рот превращается в угрюмую ниточку:

– А мы все молимся и молимся.

– И мы бесконечно признательны вам за молитвы, – деликатно отвечает Фэй. Миллисент нравится ей, она просто не хочет ни с кем обсуждать Энни.

– Как же ты держишься? – интересуется Миллисент, изучая ненакрашенное лицо Фэй. – Выглядишь изможденной.

Это, как знает Фэй, милый южный способ сказать человеку, что тот выглядит ужасно. Фэй уже собирается дать стандартный ответ, что она в порядке, но Миллисент прерывает ее, прежде чем ей удастся открыть рот:

– Уж не знаю, зачем, во имя всего святого, ты сегодня здесь. Ведь ты же знаешь, что любой житель городка будет рад зайти и принести тебе все, что нужно.

Идея осеняет Миллисент только сейчас – Фэй видит это по ее вдруг расширившимся и загоревшимся глазам.

– Знаешь что? Я отправлюсь домой и начну собирать еду, – продолжает на волне вдохновения Миллисент. – Я умею организовывать сбор через компьютер. – Она зачем-то тыкает пальцем в воздух, а ее взгляд бегаёт из стороны в сторону. – Я сообщу женскому кружку и девочкам из клуба садоводов – это для начала. – Она тянется к тележке, которую Фэй вытянула из ряда тележек перед магазином. – И это тебе больше ни к чему.

Однако Фэй плотнее обхватывает пальцами ручку тележки прежде, чем Миллисент успеет забрать ее.

– Вообще-то, мне нужно купить кое-что прямо сейчас, – говорит она. И добавляет: – Но, конечно, мы будем благодарны за помощь с едой.

Она старается улыбаться, убеждает себя, что Миллисент делает доброе дело, даже если обычно Фэй предпочитает сама позаботиться о себе, действовать самостоятельно, а не ждать, пока кто-то сделает что-то за нее.

– Ну, на один повод для беспокойства меньше, верно? – говорит она бодро.

Миллисент тянется к ней и сжимает ее в еще одном коротком объятии.

– Все верно, – говорит она. – Тебе сейчас и так есть о чем побеспокоиться. – Она снова качает головой, грустное выражение возвращается на ее лицо, радость от предвкушения благотворительности пропадает. – Не могу поверить, что Энни вот так взяла и исчезла.

Фэй уже начинает ненавидеть эту фразу – *ис-с-счез-з-з-зла* – змеиное шипение, язык, смакующий свистящую «с». Это заставляет ее незаслуженно злиться на Миллисент, за то, что та шипит, вместо того чтобы нормально произносить слова. Что-то закипает внутри ее.

– Не волнуйся, – чтобы скрыть раздражение, она пытается говорить как можно более дружелюбно. – Мы найдем нашу девочку.

Потрясение отражается на лице Миллисент, и Фэй понимает, что та уже решила для себя: эта история не может закончиться хорошо. Она уже предвкушает трагедию, пробует ее на вкус, словно ветчину на поминках. Пока Миллисент страдает, придумывая более-менее оптимистичный ответ, Фэй, воспользовавшись паузой, проходит вперед, подальше от Миллисент с ее благотворительностью и молитвами. Все это ей ни к чему. А что ей нужно – так это ланч с подружками невесты. Она хочет, чтобы у ее племянницы была прекрасная свадьба, такая, которой Лидия желала бы для своей дочери. На мгновение она чувствует ненависть к сестре, которой здесь нет, ненависть к себе за то, что не смогла просто остаться для Энни обеспокоенной тетусшкой, живущей в другом городе.

Крик ребенка вырывает ее из забытья. Она поднимает глаза и видит мальчика, которого грубо хватает неопрятная женщина – очевидно, его мать. Фэй узнает выражение лица женщины, она догадывается, почему они здесь в такую рань: закончилось молоко для хлопьев, нет хлеба для тостов... Но женщина кричит на мальчика не из-за этого.

– Я же просила тебя не приносить сюда это дерьмо!

Она трясет сына, и тот выпускает из рук блокнот и карандаш. Блокнот падает на пол и раскрывается на странице с рисунками птиц. Одна из страниц отрывается от спирали, а карандаш катится в сторону Фэй и останавливается у ее ног. Она машинально поднимает его и хочет вернуть, но темные глаза мальчика встречаются с ее глазами. Он качает головой и еле слышно произносит «нет».

За спиной Фэй двое мальчишек ухватились друг за друга в поисках поддержки, их лица выражают беспокойство и облегчение одновременно. Они рады, что на этот раз кто-то другой попался под горячую руку матери. Фэй вспоминает, каким утомительным и выматывающим порой бывает материнство, как легко можно выйти из себя от постоянного стресса. Он хочет попросить женщину успокоиться, объяснить ей, что все, на что она

злится сейчас, скоро забудется, что когда-нибудь она будет мысленно возвращаться к подобным моментам и искренне сожалеть о них. Все это яйца выеденного не стоит, хочет сказать она, но одергивает себя – это не ее забота. У нее своих проблем хватает. Так что она кладет карандаш на пол, чтобы мальчик мог поднять его сам, и направляется в отдел с молочными продуктами. Ей нужно купить там сухие сливки на всех, кто окажется у них дома. И она возьмет самую большую упаковку.

Кенни

Утром они спят «ложечками» – точно так, как он любит. Он просыпается раньше и притягивает ее к себе, чувствуя, как ее тело податливо в его руках. Он обнюхивает ее, вдыхает ее запах, думая о том, как ему нравится ощущать ее аромат на простынях. Этого, всегда говорит он себе, вполне достаточно. Это и есть то, что люди называют счастьем. Звонит его мобильный. По рингтону понятно, что это мать, но он не отвечает на звонок, чтобы не разбудить спящую красавицу. Ей нравится, когда он называет ее так, нравится, когда они засыпают в объятиях друг друга.

Лежа так и наблюдая, как она спит, он решает, что сделает ей предложение как можно скорее. Может быть, даже прямо во время поездки в Чарльстон. Они могут наткнуться там на небольшой ювелирный магазинчик, заскочить и выбрать кольцо. Они поддадутся моменту, романтике. И он сделает ей предложение прямо там, в парке у воды, рядом с красивым фонтаном. Он будет говорить ей о будущем и о том, как не представляет себя в этом будущем с кем-то кроме нее.

Но, конечно, это будет ложью.

Потому что, когда он думает о том, что стоит у воды с женщиной, он всегда представляет Энни. Он вспоминает, как они ездили в Фолс-Парк, в местечко, принадлежащее только им двоим, как воображали, что сбежали из Ладлоу, хотя, конечно, были не настолько далеко от городка, чтобы можно было так говорить. Они устраивали пикник и ели на одеяле, потом лежали на спине на берегу, сытые и согрешившие, и разговаривали часами. Он рассказывал ей все, он никогда не говорил так откровенно ни с кем, кроме Энни. И она тоже открывала ему разные вещи, вещи, которыми не делилась больше ни с кем. Он видел настоящую Энни, несовершеннолетнюю, сломленную, борющуюся. С ним ей не нужно было быть идеальной и угодливой. Ей не нужно было притворяться благодарной за все, что сделала

для нее Фэй, или делать вид, что они с Клэри близки, – просто для того, чтобы все видели, насколько она полна признательности. Ему она могла сказать что угодно. И она это делала. Она вслух сожалела о смерти матери, представляла, как сложилась бы ее жизнь, если бы та была жива. С ним она переставала давать правильные ответы и давала честные.

Вместе они мечтали уехать из Ладлоу навсегда, поселиться там, где никто их не знает, где они могли бы стать такими, какими только душа пожелает. Вечером во вторник они отправились на последнюю прогулку – так она это преподнесла, – и он потерял разум. Он умолял ее уехать с ним, набраться наконец храбрости, чтобы они смогли стать теми, кем всегда мечтали стать, вместе совершили решающий рывок к новой жизни, оставив прошлое позади.

Она остановилась и посмотрела на него так, как будто он заговорил на иностранном языке. В тот ужасный момент тишины он страстно желал забрать все свои слова назад. Но они уже были там: отчаянные, безнадежные мольбы.

Он ждал, пока она, моргая, пыталась подыскать правильные слова. Зная Энни, он понимал, что это должны быть самые добрые слова, самый нежный и деликатный путь лишить его надежды.

– Я не могу этого сделать, Кенни, – сказала она наконец. – Ты и сам это знаешь.

Она сказала это нежно, мягко. Но ее слова не были ни нежными, ни мягкими. Это были слова, уничтожившие его, выбившие почву из-под его ног. Он рискнул всем, когда попросил ее, а она стояла и спокойно наблюдала за его падением. Даже сейчас воспоминание об этом злило и ранило его одновременно, ярость и боль в сердце, переплетенные друг с другом тугим узлом.

Иногда он спрашивает себя, не была ли Энни, которую он знал, только одной из граней реальной Энни – эскизом, который она показывала ему и никому больше, но лишь наброском, не полной картиной. Иногда он думал, что Энни всегда и была таким человеком, каким люди хотели ее видеть, демонстрируя им разные версии себя в зависимости от того, кто перед ней, переползая из одной шкуры в другую с бездушной легкостью, которая, если подумать, давно должна была насторожить его. Как бы он ни хотел верить, что перед ним настоящая Энни, он не мог знать, так ли это. А значит, автоматически вставал в один ряд со всеми остальными.

Всего мгновение – и Кенни оказался тем же самым мальчиком, каким был когда-то, – чужаком, аутсайдером. В те времена он был маленьким и испуганным, легкой мишенью. Люди в Ладлоу не доверяли ему, они не

прожили с ним бок о бок всю жизнь. Они смотрели на него как на источник неприятностей, просто потому, что он родился в местечке с другим почтовым индексом и был ребенком матери-одиночки. Так что родители отводили глаза, пока их дети издевались над ним, и всегда в первую очередь винили во всем его – не разбираясь, что произошло на самом деле. Единственным человеком, который защищал его от нападок обидчиков, была Энни. А теперь она сама этот обидчик. Он мог простить всех остальных, потому что они вели себя именно так, как он от них ожидал. Но Энни? Энни совсем другое дело. Ее предательство причиняло такую боль, какую не смогло бы причинить никакое другое.

Телефон снова звонит, и снова лицо его матери появляется на экране. На этой фотографии они с мамой вместе – его девушка сделала фото на одном из ланчей после посещения церкви. На ней у матери улыбка от уха до уха, а Кенни натянуто улыбается одними губами.

С телефоном в руке он выскользывает из кровати и направляется в кухню. К тому времени, как он заходит туда, телефон перестает звонить, так что он наполняет чайник водой и ставит его на конфорку, чтобы заварить чай. В отличие от большинства людей, он не пьет кофе. Ему больше по душе чай, как и его девушке – по крайней мере, теперь. Первое время она, конечно, жаловалась на отсутствие в доме кофе, но в конце концов тоже привыкла. Теперь по утрам они сидят на кухне и прихлебывают чай, как англичане.

Они с Энни раньше часто мечтали о том, что будут жить в Англии. И тогда он всем сердцем верил, что так и будет. Он был уверен, что Энни разделит с ним будущее – так же, как его девушка разделяет сейчас его любовь к чаю. Энни поймет, что они созданы друг для друга, и они будут жить в Англии, их дети будут называть ее «мамочка» и играть в саду вместо заднего дворика.

Он перезванивает матери и выслушивает последние городские сплетни, ожидая, пока вскипит чайник. Слышал ли он, что Энни Тафт пропала? Разве они не знакомы еще со школы? Все думают, что она сбежала с другим мужчиной.

Он молчит и слушает, потому что это единственное, что он может сделать, чтобы закончить разговор, не выдав себя и не вызвав у мамы подозрений. Все, что он знает: Энни его одноклассница и никто больше. Все эти утренние слухи о ее побеге – не более чем пустая болтовня и к жизненно важным новостям явно не относятся. Энни исчезла. Люди обеспокоены. Слухи множатся. Он понимает: на то, чтобы вычислить его связь с ее исчезновением, у копов не уйдет много времени. Рано или поздно

речь пойдет о нем, пальцы единодушно укажут в его направлении, и Энни уже не будет рядом, чтобы вмешаться.

Он вспоминает свои отчаянные мольбы на последней прогулке с Энни, представляет, как люди могут расценить их дружбу, узнав о ней теперь, когда она пропала накануне собственной свадьбы. Он должен действовать первым, думает он. Должен предложить помощь, рассказать, что знает. Но это может кончиться для него плохо. К тому же Энни все равно собиралась оставить его – не этому ли были посвящены все последние недели? Одно долгое, неизбежное «прощай»? Что изменится, если он станет мишенью? Он все равно готовился потерять ее – так или иначе. Да, исчезновение Энни – это грустно, но к нему все и шло. Так что, слушая, как тараторит мать, он решает молчать – по крайней мере, пока его не спросят.

Его мать излагает свои собственные теории по поводу исчезновения Энни, а также теории насчет некоторых ее близких, а он пока вспоминает, что случилось после того, как Энни сказала ему «нет». Запоздалый страх заполняет ему в горло, мешая глотать. Он слушает, пока чайник не начинает свистеть, пока пронзительный звук не заглушает слова его матери и не выводит из неги сна спящую красавицу в соседней комнате.

Клэри

Это Фэй решает, что им вдвоем нужно пойти в загородный клуб и лично объявить там, что ланч для подружек невесты отменяется. Клэри понимает: Фэй надеется, что они закроют глаза на отмену заказа в последнюю минуту, поцокают языками и скажут, что, конечно, они не возьмут с нее ни цента – как можно, в такую минуту! Клэри сомневается в этой затее, но она покорно следует за Фэй, понимая, что легче подчиниться, чем пытаться ее вразумить. Фэй не в настроении прислушиваться к голосу разума.

Клэри заходит сразу за Фэй, исподтишка наблюдая, как две сотрудницы разбирают столы, расставленные для ланча подружек невесты, как будто уже знают, что он не состоится. Фэй и Клэри на секунду останавливаются, чтобы посмотреть, как две женщины складывают длинный раздвижной стол, состоящий из двух половинок. На ближайшей к двери стойке, как и обещалось, стоят две коробки с подходящими случаю украшениями. Фэй заставила Клэри привезти их в загородный клуб Хант-Ран по пути на прогулку с мисс Минни. Она ехала туда со стиснутыми зубами, проклиная на чем свет стоит и Фэй, и Энни. Именно им и надо

было отправляться по этому поручению, но обе, конечно же, были слишком заняты. К тому же всегда есть Клэри! Клэри готова на что угодно!

За коробками Клэри может разглядеть стеклянные банки, которые следовало наполнить полевыми цветами в соответствии с концепцией фермерского рынка, придуманной Энни. Все подружки невесты должны были облачиться в сарафаны в цветочек, а столы предполагалось сервировать свежей местной едой. Глаза Энни светились, когда она излагала свою идею.

Клэри считала, что все это немного глупо, но, с другой стороны, понимала, к чему клонит Энни. Безусловно, все вышло бы ужасно мило и подружки невесты были бы на седьмом небе от восторга. Ведь все, к чему бы ни прикасалась Энни, получалось таким очаровательным. Научись они переводить ее талант делать все миленьким и хорошеньким в деньги, и их семья до конца жизни бы ни в чем не нуждалась.

Клэри вспоминает, как сопровождала Энни и Фэй на встречу со свадебным фотографом.

– В каком *настроении* будем выдерживать фотографии? – с предельно серьезным и внимательным видом спросил фотограф.

– *Настроении?* – шепнула Фэй Клэри и сделала недоуменное лицо.

Убедившись, что Энни и фотограф не смотрят на них, Клэри в ответ закатила глаза, а Фэй улыбнулась. В тот момент они чувствовали себя семьей, матерью и дочерью, командой, как это и должно было быть. Энни не была частью этого тандема, она была другой.

И именно поэтому она ничуть не удивилась вопросу фотографа.

– О, я знаю, некоторые хотят романтические, или сентиментальные фото, или что-то вроде того. Но я не принадлежу к их числу. – Она задумалась на минуту и пожала плечами. – Я милая, – сказала она и сморщила свой маленький носик как бы в доказательство своих слов. – Я слышу это всю свою жизнь. Так что давайте от этого и отталкиваться.

– Да, – сказала Клэри серьезным тоном, хотя на самом деле ей очень хотелось съязвить. – Да, давай обыграем твое обаяние.

В следующий раз, когда никто не смотрел, Энни пригрозила Клэри кулаком, а потом улыбнулась, лицо ее засияло, и это было – нельзя не признать – очаровательно. Они обе прыснули от смеха – ведь что им оставалось, кроме как продолжать любить друг друга?

Клэри чувствует, как ее глаза наполняются слезами, и оглядывает комнату, будто Энни может магическим образом возникнуть из ниоткуда, подмигнуть ей и воскликнуть: «*Попалась! Ты что же, думала, я и правда пропала, глупенькая?*»

«Как бы я хотела, чтобы это была не более чем тщательно спланированная, жестокая шутка, – думает Клэри. – Я бы хотела убить ее за это, но была бы так рада видеть ее живой и здоровой, что тут же забыла бы обо всем!»

Она идет к одной из коробок, тянется забрать ее, но останавливается, краем глаза заметив подарки подружкам невесты внутри – бокалы с инициалами каждой. И этикетки, распечатанные Энни для бутылок шампанского, которые должны были принести сегодня, с надписью: «ЕСЛИ И БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ НЕВЕСТОЙ – ТО ТОЛЬКО С ПОДРУГАМИ ВМЕСТЕ».

Клэри предполагает, что именно они с Фэй и лепили бы сегодня утром в углу комнаты эти чертовы этикетки на бутылки – очередное неблагодарное занятие в череде неблагодарных занятий во имя «свадьбы Энни». Она думает о Трейси, Фэй и о себе самой. Уж не говоря о других девушках на свадебной вечеринке, подругах Энни из школы, из колледжа, с работы. Все они уже готовы быть с Энни вместе, прямо как написано на этикетках. Но вот только Энни здесь нет. Клэри хочет рвать на себе волосы, кричать, делать все что угодно, чтобы сбросить напряжение, которое растет внутри ее с каждой минутой без Энни.

Фэй кладет руку на спину Клэри, и это прикосновение немного успокаивает ее, напоминает, зачем они здесь. Фэй выступает вперед и спрашивает, где управляющий. Всего одного взгляда, брошенного Фэй на сотрудницу, оказывается достаточно, чтобы та выскочила через заднюю дверь в поисках начальника. Такие дела не в ее компетенции. Когда Клэри пытается посмотреть в глаза другой девушке, та опускает взгляд, и Клэри понимает: все уже знают, что Энни пропала и никакого ланча подружек невесты не будет.

Быстро обсудив дела с начальником, Фэй поворачивается к Клэри.

– Нужно забрать эти вещи домой. Поставим их там, – говорит она.

Она произносит это широко раскрыв глаза – такое выражение ее лицо принимает всегда, когда она пытается собраться с остатками оптимизма. Клэри уже видела такое, когда шоколадные пасхальные яйца растаяли в неожиданном жарком воскресенье Пасхи, изуродовав их платья пастельных тонов отвратительными коричневыми пятнами. Она видела его, когда уехала в Шарлотт после окончания школы, но не для того, чтобы посещать колледж. Видела, когда пастор Мелтон позвонил в дверь, держа в руках горсть пластиковых вилок, и поинтересовался, известно ли Энни что-нибудь о них. Клэри знает, что, когда лицо ее матери принимает подобное выражение, ей лучше соглашаться со всем, что та скажет. Так что она

поворачивается к коробкам, подавляя едва заметный вздох.

– Но зачем они там? – спрашивает она вслух, не ожидая ответа.

«Прибереги их к своей свадьбе», – отвечает Энни в ее воображении и подмигивает.

А Клэри парирует: «*Будто я когда-нибудь притронусь к чему-то настолько безвкусному. Серьезно, Энни, банки из-под закаток задают все настроение? Как банально*».

Тогда Энни игриво склоняет голову набок, какое-то время изучает волосы Клэри и наконец спрашивает что-нибудь глупое в духе: «*Ты хоть сама-то знаешь, какого цвета у тебя сейчас волосы?*»

Тогда Фэй качает головой, выдает усталый смешок и говорит: «*Эх вы, девчонки*». И в этой перепалке все правильно, потому что все на своих местах. Энни должна быть здесь, должна быть занозой в заднице Клэри. Без нее Клэри уже и не знает, кто она сама. Она была кухней Энни Тафт, играла эту важную роль лучшую часть своей жизни. И она до сих пор играет ее, усерднее, чем когда бы то ни было. Но уже без Энни.

И потому Клэри тянется поднять коробку со стеклянными банками вместо коробки с этикетками для шампанского. Внезапно Фэй рядом с ней напрягается, и Клэри тут же передается ее напряжение. Она бросает взгляд в направлении двери, куда смотрит Фэй. Молодая женщина, которая выглядит смутно знакомой, заходит в помещение, резко останавливается и смотрит на них. В руках у нее фотоаппарат, и, когда она видит их, она прижимает его к груди, как мать прижимает ребенка, когда боится за него.

Фэй решительно шагает навстречу незваной гостье, и Клэри, заинтригованная, идет за ней. Теперь она понимает, кто это. Лорел Хейнс. Своенравная дочурка ее босса, вернувшаяся домой. Хотя Глиннис много раз упоминала, что она приехала, Клэри видит ее в первый раз. Она знала ее в школе – конечно, все ее знали, она же, в конце концов, Лорел Хейнс, – но они никогда не были подругами. Они с Лорел были совершенно разными людьми, и вряд ли теперь что-то изменилось.

– Убери-ка это! – рявкает Фэй, и Клэри понимает, что это уже не первый раз, когда ее мать сталкивается с Лорел после ее возвращения. Клэри знает, что она работает на «Вестник Ладлоу» – любезный Тед Коллинз платит Глиннис за все те годы, что их семьи дружат. Это бесконечно забавляет Клэри: она помнит выпускную речь Лорел о том, как та мечтает объездить мир, вести журналистские расследования. Похоже, все сложилось не так хорошо, как она ожидала, и Клэри думает, что, возможно, они не такие уж и разные – по крайней мере, жизнь у обеих пошла хуже, чем они мечтали в юности. Теперь Клэри уже практически

сочувствует Лорел, вздумавшей перейти дорогу Фэй в такой день.

– Тебе сегодня здесь не место, – тем временем продолжает Фэй.

– При всем уважении, – отвечает Лорел, – свадьба Энни – важная новость для этого города. А теперь, с ее исчезновением, она важна как никогда. – Она сглатывает слюну и крепко обхватывает фотоаппарат, словно Фэй может попытаться отобрать его. – Это моя работа – сделать о происходящем репортаж. – Голос Лорел дрожит, и она смотрит куда-то в сторону работников загородного клуба, открыто глазеющих на происходящее.

– Думаю, тебе лучше уйти, – говорит Фэй. – И отнестись наконец с уважением к причине, которая нас сюда привела.

– Я просто делаю свою работу, – повторяет Лорел с плаксивыми нотками в голосе.

– Мне абсолютно плевать, что ты делаешь, – говорит Фэй и морщится, словно учуяла вонь. – Единственное, на что мне не плевать сейчас, – это поиски моей племянницы. Но сначала я должна... – Ее голос срывается, и Клэри кладет руку матери на плечо, чтобы выразить поддержку. *Пожалуйста, не сломайся сейчас, мама.*

Фэй переводит взгляд на Клэри и принимает помощь, которую та предлагает. Она поворачивается к Лорел, снова собранная и решительная.

– Сначала я должна собрать украшения для ланча подружек невесты, которому не суждено состояться. Если хочешь о чем-нибудь написать, напиши об этом, – говорит она.

Фэй поворачивается и идет к коробкам, оставляя Клэри сверлить Лорел взглядом – ровно столько, сколько необходимо, чтобы у той сдали нервы. В конце концов журналистка выскакивает из комнаты, по-прежнему сжимая в руках фотоаппарат, а Клэри стоит и ждет, когда ее охватит радость от победы над Хейнс – как она ликовала бы в школьные годы. Но, увы, ей по-прежнему плохо, и все, чего она хочет, – чтобы все стало таким, как раньше. Вот знать бы только, как этого добиться.

Лорел

Лорел останавливается у выхода из небольшого банкетного зала, где должен был состояться ланч подружек невесты Энни. Она размышляет, не стоит ли ей вернуться и настоять на своем. Она не может позволить Фэй обойтись с ней вот так. Деймон был прав: как она вообще собирается вести журналистские расследования, если впадает в ужас при виде какой-то

провинциальной парикмахерши. С другой стороны, Деймон вряд ли понимает, что значит попасть под горячую руку Фэй Уилкинс.

Она слышит голос у себя в голове – самую отвратительную версию своей матери: *«Вот почему ты не вписалась в Миннеаполисе. Вот почему ты не вписываешься нигде. Дай уже матери найти тебе мужа, вступи в загородный клуб и научись наконец играть в теннис»*. Она поворачивается и наблюдает через небольшую стеклянную панель в двери, как Фэй и Клэри поднимают коробки с бокалами для шампанского и стеклянными банками и выходят через заднюю дверь. Ей хотелось бы сфотографировать это. Одно фото лучше тысячи слов, это факт.

– Уверен, сейчас ты скажешь, что просто расследуешь историю пропавшей невесты, – звучит за ее левым плечом знакомый голос. – Но, как мне видится, это не более чем прикрытие, чтобы сунуть носик кое-куда еще. – Голос звучит лениво и самоуверенно, с демонстративной медлительностью – так говорят мужчины, которые нравятся женщинам и знают это.

Лорел оборачивается.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она так, будто ее застали на месте преступления, что, собственно, недалеко от истины.

Он усмехается, указывая на свои безвкусно выглядящие ботинки на шипованной подошве.

– Я играю здесь с отцом каждый четверг. В семь тридцать утра. – Он раскидывает руки так, словно это место принадлежит ему, что, кстати, вполне возможно. – И делаю это уже полжизни.

Деймон подходит ближе к ней, нарушая то, что можно было бы назвать «профессиональными» границами. Он снова усмехается, и она чувствует запах спиртного у него изо рта, внезапно понимая, что гольф – не единственная вещь, которая занимала их с отцом этим утром. Она смотрит по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает за ними. Она не может позволить никому в этом клубе видеть ее и Деймона в подобном двусмысленном положении, иначе есть риск, что все узнает Глиннис и, конечно же, поймет превратно.

– Ищешь смельчака, который тебя спасет? – спрашивает он шутливо, но ей все равно неуютно быть здесь, с ним, вот так.

– Н-нет, – запинается она.

– Почему я тебе так не нравлюсь? – вдруг интересуется он, и она может поклясться, что теперь расстояние между ними еще меньше, хотя, может, это просто его слова придавили ее.

– Нра... нравишься, – выдавливает она, но по его ухмылке ясно: он

прекрасно понимает, что она лжет, но делает вид, что верит. Он несколько раз кивает и пристально смотрит на нее своими ясными зелеными глазами, пока ей не приходится снова отвести взгляд.

– Ну, мне пора идти, – указывает он пальцем куда-то влево. – Папа ждет.

Она молча кивает, ожидая, что он исчезнет. Но он продолжает стоять перед ней.

– Рад, что я вам нравлюсь, Профессор, – говорит он, используя прозвище, которое дал ей в первую рабочую неделю. «Лорел Хейнс, Профессор Журналистики», назвал он ее тогда, снова превратившись в надоедливую мальчишку, которым был в детстве.

Неожиданно он наклоняется вперед и с удивительной быстротой целует ее в щеку легким и теплым поцелуем. Она поднимает глаза, но он уже уходит. Мгновение она наблюдает за его удаляющейся спиной, а потом поднимает руку и накрывает ею место на щеке, которого коснулись его губы. Она напоминает себе, что он пил, а поцелуй, вероятно, был шуткой, которую она не оценила, – прямо как тогда, когда они были детьми. Она наблюдает за тем, как он поворачивает за угол, и звук шипованных подошв его ботинок, стучащих о мраморный пол, затихает. Она собирается уходить, но замечает знак напротив того места, где они стояли, – знак, на который она все время смотрела, но который не видела. Прочитав надпись, она закатывает глаза:

Пожалуйста, снимайте туфли для гольфа в здании клуба.

Кенни

Они уже заканчивают собирать вещи, когда раздается стук в дверь. Его девушка удивленно поднимает брови.

– Ты кого-то ждешь? – спрашивает она.

Кенни замирает с трусами в руке. Он качает головой и тоже поднимает брови, копируя удивленное выражение лица девушки. Он пытается напустить на себя беспечный вид, но сомневается, что у него выходит убедительно – так сильно колотится сердце в его груди. Даже в лучшие дни он не любит незваных гостей, но сегодня они особенно некстати. Стук повторяется – уже настойчивее. В каком-то смысле он ждал этого момента с тех пор, как позвонила его мать. Но он принял решение: признаваться ему не в чем.

– Хочешь, чтобы я открыла? – спрашивает его девушка. Она удивлена визитом, но не напугана им. Она думает, что они отделаются от незваного гостя и продолжают готовиться к поездке. Но что-то подсказывает ему, что все будет не так-то просто. Он пытается придумать хорошее объяснение внезапному визиту – коммивояжер (хотя чего хорошего от них ждать?), ребенок, разыскивающий пропавшую собаку, сосед с просьбой одолжить стакан сахара.

– Я открою, – наконец произносит он, все еще надеясь на лучшее. Он хочет, чтобы за дверью оказался веснушчатый мальчишка, спрашивающий, не видел ли он щенка по имени Пятнышко.

Но вместо этого на пороге его ждут люди в форме и один из них спрашивает, знает ли он Энни Тафт, когда он в последний раз ее видел и не известно ли ему чего-либо о ее местоположении.

Его девушка незаметно подходит к нему, и ее глаза расширяются, когда она видит двух сотрудников полиции.

– Что-то случилось? – спрашивает она. Он хочет сказать ей, чтобы шла назад в квартиру, хочет уберечь ее от того, о чем сейчас будут говорить полицейские. Он всеми силами старается избежать вопросов об Энни, которые она обрушит на него, как только копы уйдут.

– Все... хорошо, – говорит он. – Они просто... ищут кое-кого.

– Мэм, – говорит один из полицейских, переведя взгляд с Кенни на нее. – Вы знаете, кто такая Энни Тафт?

Его девушка выглядит смущенной.

– Энни Тафт? – переспрашивает она. – М-м-м... Нет. – Но, когда она произносит это, ее голос звучит неуверенно. Кенни знает, что она просто не совсем понимает, что происходит, но это обстоятельство придает ей провинившийся вид – вид человека, который лжет.

– Нет, она ее не знает, – отвечает он им, не скрывая раздражения.

– Но зато ее знаете вы, мистер... – Коп бросает взгляд в блокнот, который держит в руках. – Спейси? – Он снова поднимает глаза.

Кенни кивает, подтверждая, что его фамилию назвали правильно. Он всегда ненавидел ее, для детей в школе это было еще одним поводом поиздеваться^[9].

– Я учился с Тафт в школе.

«И она единственная обращалась со мной как с человеком, когда я переехал в этот город», – думает он, но не говорит вслух. В одно мгновение перед его глазами встает Энни-семиклассница. Энни – умная, красивая, популярная. Энни, пережившая трагедию, о которой он знал еще до того, как она впервые заговорила с ним. Он понятия не имел, откуда ему

известно о ней – у него даже не было друзей, которые могли бы ему рассказать. Казалось, ее история просто стала частью городского пейзажа Ладлоу, болталась в воздухе, как воздушный шарик, фланировала из пригорода в город и обратно, чтобы в конечном итоге ее стали узнавать в каждом доме, и Энни, самый-самый лучший его друг и любовь всей его жизни, сделалась такой же естественной составляющей атмосферы в этом городе, как кислород.

Он смотрит на свою девушку.

– Я знаю ее много лет, – объясняет он, как будто никаких копов рядом нет. – Мы были детьми. Она... – Он снова видит Энни, металлические скобы у нее во рту, благодаря которым ее улыбка вскружит еще не одну голову, хотя ему она нравилась и до этого. – Она заступалась за меня, когда я был новичком в городе и дети задирали меня. Они дружили с ней, и, когда однажды она сказала им оставить меня в покое, они ее послушали. Она хорошо поступила тогда. Вот и все.

Он поворачивается к полицейским, и тут до него доходит, что в его руке по-прежнему зажаты трусы. Ему кажется, что из-за этого он выглядит еще более подозрительным, и, подавляя гримасу, он подумывает, не стоит ли просто забросить их в квартиру через плечо. Если он зайдет внутрь, чтобы отнести трусы, для копов это станет предложением войти. Он слышал, что полицейских можно не впускать внутрь без ордера, так что у него нет никакого желания распахивать перед ними дверь со словами «Добро пожаловать, друзья!». Полицейские – как вампиры, не могут войти без приглашения, но как только приглашение получено, они обретают нечеловеческую власть.

– Значит, вы не говорили с ней в последнее время и ничего не слышали о ней? – наступает коп.

Кенни сжимает трусы крепче.

– Нет, – отвечает он. Конечно, позже они поймут, что он соврал, но он не будет говорить правду при своей девушке. Это ящик Пандоры, который он не может себе позволить открыть. Он думает о ее решении поработать из дома этим утром, вместо того чтобы пораньше поехать в Чарльстон. Он думает об этом и жалеет, что согласился.

Полицейские переглядываются. Тот, что стоит перед ним, бросает взгляд через его плечо в квартиру, явно прикидывая, как бы попасть внутрь. Кенни размышляет, какие доказательства его вины они могут собрать. ДНК Энни почти наверняка повсюду, в каждой комнате. Но сейчас, кроме самой Энни, об этом знает только он. И он собирается хранить эту тайну столько, сколько получится.

Другой коп, тот, что слева, протягивает Кенни визитку.

– Что ж, если что-нибудь, что могло бы помочь нам в поисках, придет вам на ум, позвоните по этому номеру, – говорит он.

Полицейские отступают назад, готовясь уйти, и Кенни чувствует, как расслабляется. Неужели он увернулся от пули?

Затем другой полицейский, тот, что впереди, останавливается и добавляет:

– Скоро у нас могут появиться к вам новые вопросы, мистер Спейси. Так что будьте поблизости.

– Но... – Его девушка пытается возразить, сказать полиции, что они собираются уехать из города, но Кенни кладет руку с визиткой ей на плечо, призывая молчать.

– Конечно, – говорит он и изображает, как он надеется, ободряющую улыбку. Кенни знает, в чем дело, знает, что они подозревают его в исчезновении Энни. Но он не дает улыбке поблекнуть, он удерживает губы растянутыми до того самого момента, пока они не сядут в свои машины, все это время думая о том, как же это в духе Энни: не дать ему не единого шанса на счастье без нее.

* * *

Его девушка меряет шагами утоптаный ковер. Кенни наблюдает за ней, потому что больше не за кем. Его квартиру трудно назвать уютным гнездышком, он не уделял ей особого внимания до тех пор, пока подружка не стала проводить здесь больше времени. Ее соседка – библиотекарь, ей требовалась тишина, чтобы читать, и потому она была недовольна каждый раз, когда он приходил к ним в гости, ее раздражали его тяжелые шаги и привычка неосознанно напевать себе под нос. В итоге, хотя они никогда не обсуждали эту тему прямо, его девушка постепенно переехала к нему, покинув квартиру максимально тихо – на радость соседке.

– И ты не видел эту Энни... как долго? – интересуется девушка Кенни, не переставая вышагивать по комнате взад-вперед. Он не уверен, что она вообще ждет ответа – ведь ответ на этот вопрос уже был дан, и не единожды. Однако девушка останавливается, привлекая его внимание, и он ловит ее настороженный взгляд.

– Почему ты не отвечаешь? – спрашивает она настойчиво.

– Потому что я уже ответил, – объясняет он. – Я ответил уже не раз и хочу, чтобы ты мне поверила.

– Но ты никогда ничего мне о ней не рассказывал! – Ее голос становится громче, она гневно взмахивает руками. – Я думала, мы все друг другу рассказываем! – выкрикивает она, и он вздрагивает от этого нового, пронзительного голоса.

– Она просто моя одноклассница. Мы учились вместе, когда я был мальчишкой, – закатывает глаза Кенни. – Ее давно нет в моей жизни, – добавляет он, ощущая удовлетворение от того, каким тоном он произнес эти слова и как правдиво они прозвучали. Кенни нравится чувствовать себя умным и быть таковым.

– Тогда почему здесь полиция? Почему она расспрашивает тебя о ней? – спрашивает она, и это еще один вопрос, который он слышит не в первый раз. Улыбка, которая только начала зарождаться на его лице, тут же гаснет.

– Я же говорил. Она пропала. Они ее ищут. Кто-то, видимо, помнит, что мы дружили, поэтому они опросили меня. Они отчаялись ее найти, вот и все.

Он встает, решив, что с допросом пора заканчивать.

– Поехали в бар, выпьем пива, подышим свежим воздухом, – предлагает он.

Его девушка оглядывает наполовину собранные чемоданы.

– Но мы же собирались в поездку. – Она недовольно морщится.

– Я знаю. Прости. Но ты же слышала, они хотят, чтобы я оставался в городе.

Она прищуривается.

– Разве тебе обязательно их слушать? Ты не под арестом или что-то вроде того. Они не имеют права запрещать тебе путешествовать.

Он раздумывает над этим. На самом деле он с удовольствием убрался бы к чертям из этого города. В конце концов, они с Энни так долго мечтали об этом. Но теперь именно она не дает ему этого сделать.

– Я не могу, – отвечает он, вздыхая и качая головой. – Если я это сделаю, у них создастся впечатление, что я убегаю. И что мне есть что скрывать, хотя это не так.

Она скрещивает руки на груди и, наклонив голову, смотрит на него.

– Честно? – спрашивает она, а он смотрит на ее руки, усыпанные веснушками. Как-то он пересчитал их: двадцать восемь на правом предплечье и тридцать шесть на левом. «Ты асимметрична», – сказал он ей тогда, а она, хихикнув, придвинулась ближе, и он понял, что она – его шанс.

– Честно, – отвечает он, хотя это полное вранье. Но его девушка не

знает этого. Он протягивает ей руку, и она сжимает ее. Он притягивает ее к себе и шепчет ей на ухо, что сожалеет. Он не уточняет, о чем, а она не спрашивает.

Фэй

С другого конца комнаты Фэй замечает, как в дом входит Трейси. Ее глаза широко распахнуты, и она рассматривает собравшуюся внутри толпу. Полиция снова здесь, якобы для того, чтобы отчитаться о ходе поисков и визите, нанесенном Кенни Спейси. На самом деле все это давно позади, и теперь копы по большей части шатаются без дела. Трэвис с женой тут же неподалеку, а Скотт, кажется, и вовсе решил переехать к Фэй. Обычно пустой дом наполнен людьми под завязку, а Фэй, похоже, выпала роль хозяйки самой унылой вечеринки в мире.

Фэй радуется, что утром успела сходить в магазин, хоть ей и пришлось столкнуться с Миллисент. В доме полно кофе со сливками, молодые офицеры поглощают его в таких количествах, что ей остается только удивляться, как они до сих пор не полопались от кофеина. Еще она разложила печенье и несколько сэндвичей с салатом из курицы, но те остались почти нетронутыми. Фэй поглядывает на еду, размышляя, в какой момент будет уместно упаковать ее и убрать на хранение. Она не уверена, как быстро свежая еда превращается в испорченную, но точно знает, что длительное пребывание вне холодильника вряд ли пойдет курице на пользу. Фэй удивляет, что она может думать о таких мелочах в это нелегкое время.

Она как раз направляется в кухню, когда заходит Хэл, берет сэндвич и откусывает добрую половину.

– Всегда любил хорошо приготовленные сэндвичи с салатом из курицы. И когда ты только успела, Фэй? – выражает он свой восторг с набитым ртом.

Фэй не спешит признаваться ему, что купила сэндвичи в продуктовом:

– Вообще-то, я просто смастерила их на скорую руку. Кроме того, лучший в городе салат с курицей готовит твоя жена, так что мой с ним и рядом не стоял.

Повернувшись к Хэлу спиной, Фэй резко сдергивает кухонное полотенце с крючка. Он был обычным патрульным, когда не стало Лидии, патрульным, который мечтал оказаться там, где он сейчас. И дело Лидии помогло осуществить его мечту. Они оба прекрасно понимают это, но никогда не станут обсуждать вслух – ни сейчас, ни когда-либо в будущем.

Когда Фэй зашла в полицейский участок, именно Хэл держал на руках трехлетнюю Энни, завернутую в одеяло, которое выглядело слишком колючим, но не было никакой возможности отнять его у перепуганной малышки. Забрать саму Энни у Хэла тоже оказалось нелегкой задачей – девчушка вцепилась в него так, будто именно он и был ее давно потерянным отцом.

Настоящего отца Энни по имени Ларри Тафт нельзя было назвать удачным выбором. Он затащил Лидию в Ладлоу аккурат перед тем, как разбился насмерть на мотоцикле, оставив ее одну с ребенком. Фэй умоляла Лидию приехать в Вирджинию, но та была слишком горда, чтобы признать ошибку и вернуться домой с поджатым хвостом. Фэй вспоминает цитату из Библии, в которой говорится, что гордыня – это первый шаг к падению. Древняя истина стопроцентно сработала в случае Лидии – ведь именно гордость и стала ее крахом. Если бы она взяла Энни и вернулась домой, она могла бы остаться жива. По крайней мере, Фэй нравится так думать, она любит фантазировать о том, как Лидия принимает другие решения и все оборачивается иначе. Нет, не просто иначе. Лучше.

Случись все по-другому, и Фэй, возможно, не болтала бы сейчас на кухне с шерифом, которого она знает слишком долго и не по самым здоровым причинам. Ей очень хочется, чтобы он забрал своих людей и просто ушел, но вместо этого, покончив с сэндвичем, он вгрызается в печенью.

– Вкусно, – комментирует он, а она думает, что его дружелюбие и веселость переходят все границы. Она уже готовится озвучить эту мысль, когда заходит Трейси.

– Я увидела все эти полицейские машины и подумала, что они нашли ее, – выпаливает она, не обращая внимания на присутствие Хэла. – Думала, зайду – и вот она, в центре всеобщего внимания, рассказывает, что там случилось.

Фэй обнимает лучшую подругу Энни и слегка сжимает ей руку. Она уже настоящий спец в этих американских горах – головокружительные взлеты на пики надежды, сменяемые черными безднами отчаяния. И желудок, не просто подступающий к горлу – а застрявший там. Фэй помнит эти чувства еще с тех пор, как умерла Лидия, но все же удивляется, как легко они снова овладевают ей. Боль такая же, как в первый раз.

Хэл проглатывает печенью и говорит:

– Мы работаем над этим, милая. И копы из Гринвилла тоже. Мы отыщем ее. – Он подмигивает Трейси.

Фэй видит, что он старается выдать из себя заряд оптимизма и

надежды, но на деле он всего лишь нелепый старик. Она, конечно, не скажет ничего подобного при Трейси, которая тем временем, извинившись, отходит и садится рядом со Скоттом. Судя по всему, эти двое успели подружиться. Фэй задается вопросом, не стоит ли ей обсудить с Трейси, как выглядит со стороны ее чрезмерная близость с женихом Энни. Возможно, кто-то назовет ее старой перечницей, но Фэй находит такое поведение неуместным. Она собирается поинтересоваться мнением Хэла по этому поводу, но прежде, чем она успевает открыть рот, полицейский объявляет, что ему и его людям, пожалуй, пора. Он кладет руку ей на плечо, и его рука большая, теплая, успокаивающая. Ей приходится сделать над собой усилие, чтобы не прижаться к нему.

– Спасибо, – говорит она вместо этого, как всегда по-деловому.

Она вспоминает о недавнем сообщении, в котором он спрашивал, удастся ли ей выбраться на встречу. Он нарушает правила, и она знает почему. Исчезновение Энни изменило все – вернуло старые времена, которые ни один из них так и не забыл, – те, что принадлежали только им. Она думает об этом, наблюдая, как уходят люди Хэла и он сам – мужчина с такими большими, сильными руками. Она размышляет, что ответить на сообщение, прикидывает способ улизнуть, обрести наконец покой для себя самой – и к черту приличия. Позже она обдумает все как следует и напишет ответ. Позже она найдет утешение в объятиях человека, с которым ей хорошо. Но сейчас ей нужно позаботиться о курином салате и о тех добрых людях, что принесли еду и ждут за дверью.

Клэри

Они поворачивают, а значит, рассказ мисс Минни подходит к концу. Клэри знает об этом не потому, что давно выучила его наизусть, а из-за самого маршрута, каждому отрезку которого всегда соответствует определенный отрезок истории Минни, причем это правило работает, даже когда Клэри едет без попутчиков. Она понимает: так будет продолжаться еще долго – до самой смерти мисс Минни, когда деменция запретит ей есть, сердцу – биться, а легким – дышать. Мисс Минни не станет, но ее история будет жить.

Сам рассказ мисс Минни довольно прост. Она описывает обычный день – день много лет назад, когда жизнь была, как хочется думать Клэри, счастливее. Тогда муж мисс Минни был жив, а дети все еще оставались дома. Тогда мисс Минни была сама себе хозяйкой и сама каталась по

знакомой дороге, вместо того чтобы просить сесть за руль кого-то еще.

История начинается с момента, когда она и ее муж вышли из магазина спортивных товаров, которым владели, и решили прокатиться – просто так, без конкретной причины.

Он просто сказал: «А не прокатиться ли нам, Сахарок?» – всегда начинает свой рассказ мисс Минни, а Клэри, которой нравится эта часть, всегда думает, что было бы здорово иметь рядом мужчину, называющего ее «Сахарок».

«Ну я и ответила: «Хорошо», – продолжает тем временем Минни. – Так что мы сели в машину и поехали, тихонько включив радио. И мы говорили о разных вещах, о тех вещах, что вроде и важности особой не имеют, но почему-то всегда о них говоришь. Так в то время казалось – надо о них говорить, стоит того.

Так вот, закончив кататься, мы отправились на бейсбол – смотреть, как играет Нил. Мы сидели на трибуне, грелись на солнце и наблюдали, как наш сын бросает мяч, да так быстро, что голова идет кругом. Игрок из него был что надо, знаешь ли».

Тут Клэри всегда говорит одно и то же: «Правда? А я и не знала», потому что с этого момента она тоже часть истории Минни.

Они едут дальше, и Клэри задумывается о том, как все мы становимся частью историй друг друга, не важно – желаем мы того или нет. Нет никакой разницы – главная у нас роль или эпизодическая, рано или поздно мы все равно оказываемся на чьей-нибудь сцене. Клэри думает об Энни и об их роли в жизни друг друга, о том, что им были уготованы роли второго плана – кузины, встречающиеся друг с другом раз, от силы два раза в год, – но в итоге стали главными. На школьных уроках английского им объясняли, что есть два типа персонажей: протагонисты и антагонисты, и Клэри полагает, что они с Энни друг для друга и то и другое одновременно. Она думает об их последнем разговоре, как каждая из них видела в другой противника. Клэри вспоминает, насколько зла она была на Энни. Как бы ей хотелось теперь забрать свои резкие слова назад и продолжить разговор, вместо того чтобы бросить трубку.

В тот день Энни пыталась уговорить Клэри рассказать Трэвису, что произошло, когда он ушел. Клэри не собиралась делать ничего подобного, она не собиралась открывать это кому бы то ни было, но Энни – непонятно как – все равно узнала. Иногда Клэри замечает, как по-особенному Энни смотрит на нее, и понимает, что та вспоминает день своего приезда в Шарлотт. Этот визит стал огромным сюрпризом – как выяснилось позже, для них обеих.

Они подъезжают к дому, и Клэри пытается собраться с мыслями. Минни поворачивается к ней, как бывает всегда, когда Клэри паркует машину. «Семья – важнее всего», – заявляет Минни, ее затянутые белесой пленкой глаза молят Клэри согласиться с этим утверждением, и та соглашается. Она усердно кивает, и, как всегда, ее глаза наполняются слезами. Однако в этот раз Минни делает что-то новенькое. Она протягивает руку и ласково похлопывает Клэри по плечу.

– Все будет хорошо, дорогая, – говорит Минни, затем тянется к дверце, берется за ручку и, пока Клэри приходит в себя, выбирается из машины. Клэри слишком занята своими мыслями, чтобы задуматься, откуда вдруг у Минни взялись силы. Старая женщина не открывала дверь сама долгие месяцы.

Клэри выскакивает из автомобиля и подбегает к своей подопечной, которая уже ковыляет по узкой дорожке, ведущей к дому. «Мисс Минни! – восклицает она. – Вы сами вышли из машины!» Неужели это переломный момент, неужели старой леди стало лучше? – рождаются в голове Клэри робкие догадки – хоть что-то хорошее на фоне последних событий! Ведь это все, чего она когда-либо хотела – с голубями, с мисс Минни и даже с тем, что случилось после ухода Трэвиса, – делать жизнь других людей чуть лучше.

Клэри счастлива, что пришла сегодня, хотя забрать Минни ей удалось не сразу.

– Ох, а я уже сказала маме, что ты не придешь, – сказала Глиннис, встречая ее в дверях и украдкой оглядываясь через плечо, словно мисс Минни могла уличить ее в чем-то. – Я вспомнила, что ты отпрашивалась на свадьбу как раз с сегодняшнего дня, и подумала, что, с учетом обстоятельств, ты останешься дома.

Клэри протестующе подняла руки:

– Я не могу просто сидеть дома и ждать. Мне нужно чем-то заняться. В доме с мамой постоянно куча полицейских. Мне там делать нечего.

Глиннис снова оглянулась через плечо и кивнула.

– Могу понять.

Она нахмурилась:

– Я рассказала маме про Энни, и она очень расстроилась. Лучше бы я ничего не говорила. Я и не знала, что это так на нее подействует! Едва удалось ее успокоить. Не знаю, стоит ли снова ее волновать. Думаю, она даже запомнила тот раз, когда Энни возила ее. – Глиннис задумалась. – Ну или что-то вроде того.

– Придерживаться привычного графика полезно для мисс Минни, –

продолжила настаивать Клэри.

Глиннис закатила глаза и задумалась.

– Не поспоришь, – наконец сказала она. И не успела Клэри опомниться, как мисс Минни уже сидела в машине, как и в любой другой день.

Но это не любой другой день, и теперь их поездка окончена. Клэри заводит мисс Минни в дом, сажает ее в кресло, включает исторический канал и приступает к приготовлению ужина. Она готовит любимое блюдо мисс Минни – макароны с сыром. Это вкусно, а старушке сейчас не помешало бы что-нибудь вкусненькое – как, в общем-то, и им всем.

Наконец все дела закончены и Клэри говорит мисс Минни то же, что и всегда: «Глиннис заглянет позже, чтобы вас уложить. Доброй ночи!» Но Минни, увлеченная передачей о Второй мировой, не отвечает. И это тоже делает этот день похожим на любой другой.

* * *

Клэри паркуется у входа в дом, чтобы обнаружить, что несколько полицейских машин все еще там. Но не только – теперь на стоянке автомобиль, который, судя по всему, расположился здесь надолго. Это шикарный внедорожник с флоридскими номерами, ничем не напоминающий солидный седан, в которых обычно перемещаются пасторы. На заднем сиденье машины установлено детское кресло, и Клэри быстро проскакивает мимо, ругая себя за то, что заглянула внутрь. У нее нет никакого желания рассматривать в деталях нынешнюю жизнь Трэвиса и свидетельства его семейного счастья.

Первыми, кого она замечает, зайдя в дом, оказываются Трейси и Скотт, сидящие рядышком на диване и увлеченно о чем-то беседующие. Такое ощущение, что эти двое все время проводят вместе, и Клэри задумывается, правильно ли это, но потом решает, что в нынешней ситуации это не имеет никакого значения. Для подобных вещей не существует правил, бывают в жизни такие моменты, когда тебе приходится изобретать на ходу. Как раз это Клэри и сделала в Шарлотте несколько лет назад – написала свои собственные правила.

Следующими Клэри замечает Трэвиса и его жену, хотя старается не смотреть прямо на них. Они стоят в столовой между кухней и гостиной. Стол ломится от еды – блюд, принесенных добрыми самаритянами и желающими нагло сунуть нос в их дела соседями, прознавшими новости об

Энни.

Клэри смотрит на еду, и у нее урчит в животе. Она чувствует вину за этот голод – нельзя думать о еде, когда Энни пропала. Впрочем, она надеется, что сама Энни, где бы та ни была, ест и поддерживает силы. Непрошенные образы прокрадывается в голову Клэри: Энни – жертва психопата, как в «Молчании ягнят», Энни на дне ямы, еду Энни спускают в ведре. Энни страшно, холодно и одиноко.

Но нет, все-таки это Ладлоу, Южная Каролина. Такие вещи не случаются здесь, как нет здесь и психопатов. Хотя если бы психопат все-таки разгуливал по городу, разве кто-то бы об этом узнал? Разве эту тему поднимают приличные люди в светской беседе? Вряд ли.

– Ты переживаешь за кузину, – вдруг произносит чей-то голос, и догадка попадает в цель. Она смотрит влево и видит, что за ее спиной с тарелкой бутербродов с ветчиной и фаршированных яиц стоит жена Трэвиса, Деандра. Ее имя совсем не подходит жене пастора. Деандра Дав. Как псевдоним порнозвезды. Как вообще можно воспринимать всерьез кого-то с таким именем? Клэри уже видела Деандру, когда смотрела онлайн-трансляции из церкви Трэвиса – та присоединялась к нему на сцене, чтобы сделать то или иное объявление, а однажды даже прочитала проповедь о ценности семьи и брака. Клэри хорошо помнит тот раз – она бросилась прочь от компьютера, закрыв рот рукой, и, к счастью, успела добежать до туалета, прежде чем ее стошнило. «Тебе физически плохо от собственных секретов», – с укором сказала ей Энни во время последнего разговора. Энни – та еще ханжа, ведь, как знает Клэри, у нее самой секретов нет, и, конечно, ей легко быть святошей, когда дело касается остальных.

– Да, – отвечает Клэри Деандре, стараясь быть вежливой. – Да, я очень переживаю.

Деандра протягивает руку и похлопывает Клэри по плечу – по тому самому, по которому недавно похлопала ее Минни.

– Мы все молимся. Молимся изо всех сил, – говорит она. – За Энни и за твою семью. – Взгляд Деандры устремляется в сторону Трэвиса, а затем возвращается к Клэри. – Особенно Трэвис, – добавляет она.

С трудом Клэри выдавливает из себя тихое «спасибо». Она не хочет, чтобы жена Трэвиса Дава или сам Трэвис молились за нее. Она не хочет, чтобы жена Трэвиса Дава похлопывала ее по плечу. Все, чего она хочет, – чтобы Трэвис Дав и его жена погрузились в свой внедорожник с детским креслом на заднем сиденье и отправились в родные южные края, где им и место. Но Трэвис уже в своей стихии, нарезает пасторские круги по

комнате. Она даже заметила, как он остановился и помолился с одним из полицейских, а его баритон прогремел так возвышенно, что остальные в комнате приглушили голоса и опустили – нет, почтительно склонили головы.

В этот момент Клэри очень хочется подбежать к Трэвису и начать трясти его с криками: *да кто же ты такой, черт возьми?* Она не может забыть совсем другого Трэвиса – шестнадцатилетнего пацана, ошивающегося у эстакады с баллончиком краски, Трэвиса, выводящего их имена на конструкции моста, и себя, в ужасе визжащую, чтобы он был осторожнее. Трэвис оборачивается, чтобы посмотреть на нее, его глаза горят, он опьянен чувством опасности, риска, от которого его лицо светится так же ярко, как надпись неоновой краской, провозглашающая его любовь к ней – заявляющая об этом чувстве всем, кто проезжает под эстакадой на следующее утро. Позже Хэл Йорк притаскивает его в участок. «Болваны, надо же было додуматься использовать свои настоящие имена!» – отчитывает он их.

И вот теперь ее Трэвис, хулиган и разгильдяй, становится добропорядочным, благообразным гражданином. Вместо того чтобы приносить неприятности, он помогает людям преодолеть их. Клэри полагает, что у других этот новый Трэвис должен вызывать восхищение, но лично она его просто ненавидит.

Тем временем Деандра Дав протягивает ей руку.

– Кстати, я Деандра, – бросает она. И добавляет: – Жена Трэвиса, – так, словно Клэри этого не знает.

Ей хочется ответить: «*А я Клэри, бывшая девушка Трэвиса*». Но вместо этого она едва касается руки женщины движением, весьма отдаленно напоминающим рукопожатие. «*Вот эти руки, которые сейчас трогают Трэвиса*», – уже не в первый раз думает она и подавляет желание вытереть ладонь о шорты, но вместо этого указывает на тарелку с едой.

– Вкусно? – спрашивает она чисто из вежливости – просто чтобы показать: чего бы там Трэвис или кто-то другой ни наговорил о ней Деандре, у нее, Клэри, тоже есть достоинство. Черт, да она даже была в загородном клубе этим утром!

– Да, – отвечает Деандра и тихонько хихикает, прижимая руку к животу. – Мне просто было так нехорошо, что пришлось заставить себя что-нибудь съесть. Они называют это утренней тошнотой, но у меня это происходит не только по утрам.

– Вы... Вы... – Клэри сглатывает слюну, чувствуя, что ее язык вдруг становится слишком неповоротливым. – Вы беременны? – Она думает о

детском кресле на сиденье внедорожника – разве у них уже нет одного ребенка? – Снова?

Деандра улыбается, словно беременная кошка, явно довольная тем, что лакомится угощениями в доме пропавшей невесты на глазах жалкой бывшей подружки ее мужа.

– Ну, мы не планировали, что у малышей будет такая маленькая разница в возрасте, но это просто... случилось. – И снова глупый смешок нашкодившей девочки, которой нельзя доверить ничего серьезного.

«Зачем ты здесь? – хочется спросить Клэри у этой великовозрастной нимфетки. – Что ты делаешь в моем доме сейчас, когда я потеряла свою кухню»? Она бросает взгляд через комнату, надеясь встретиться глазами с матерью, найти повод извиниться и отойти, но видит лишь Трэвиса, настороженно наблюдающего за ними. «Не волнуйся, милый, – думает она, – я не заразная, и я не расскажу ей, каков ты на самом деле».

– Что ж, – отвечает Клэри. – Поздравляю. – Она поправляет сумку на плече, делая вид, что та внезапно потяжелела и ей нужно срочно пойти и снять ее. – Пойду брошу вещи куда-нибудь и найду себе поесть. – И прежде чем Деандра успевает ответить, Клэри отходит, но затем вспоминает о манерах и поворачивается. – Было приятно познакомиться, – добавляет она.

Деандра кивает и награждает ее улыбкой, той самой, что она использует на сцене с мужем. Клэри поднимает глаза, чтобы узнать, наблюдает ли Трэвис за ними все с тем же беспокойством. Она надеется, что он увидит эту улыбочку на лице своей жены и поймет, что она повела себя не так, как он ожидал. Их глаза встречаются, и он едва кивает, давая понять, что узнал ее. Над его головой вдруг загорается яркий свет, и на мгновение Клэри кажется, что преображение Трэвиса завершено и что он в буквальном смысле начал источать божественный свет, словно святой.

Но еще до того, как эта мысль оформится в ее голове, Клэри понимает, что сияние исходит не от Трэвиса, а от чего-то другого за окном на заднем дворе. Она подается вперед, чтобы понять, что происходит, ее глаза внимательно смотрят за спину Трэвиса, и тот тоже поворачивается, следуя за ее взглядом. Так вместе они становятся первыми, кто замечает телерепортера на лужайке и огромные прожекторы, освещающие площадку для прямого включения:

Пропавшая невеста: Новости в одиннадцать.

Ее отвлекает телефонный звонок, но на этот раз она берет трубку без раздражения. На мгновение она ловит себя на мысли, что, может быть, это Деймон звонит извиниться за утро. Но это не Деймон – это Скотт, жених Энни, и он просит ее приехать к Фэй, поскольку желает сделать заявление.

– Я уже рассказал кое-что другим репортерам, которые вышли на связь, – рассказывает он и громко вздыхает, явно утомленный всем этим. – Но Деймон Коллинз говорит, я должен дать тебе эксклюзив.

Эксклюзив. Это слово заставляет ее сердце биться чаще. О, конечно, она приедет.

Но когда Лорел прибывает на место, Скотта нигде не видно. Она стоит в дверном проеме, чувствуя себя так, будто проскользнула на вечеринку без приглашения.

Наконец Трейси суетливо затаскивает ее в угол.

– Подожди немного здесь, – говорит она, явно наслаждаясь своей осведомленностью. – Он действительно хочет с тобой поговорить.

Лорел послушно кивает, гадая, почему Скотт выбрал Трейси в свои представители. Может, Скотт вообще ничего ей не говорил, просто у Трейси разыгралось воображение?

Трейси указывает в сторону коридора и закатывает глаза.

– Копы увели его туда, задавали миллион вопросов. Опять. Я сказала ему, что, может быть, пришло время подумать об адвокате. – Она смотрит назад, как будто от ее взгляда дверь откроется и Скотт появится.

Все еще наблюдая за дверью, Трейси добавляет:

– Я имею в виду, что, если он подозреваемый, ему не следует говорить с ними без адвоката. Все это знают. Я пытаюсь помочь ему свыкнуться с этой мыслью, помочь сориентироваться на... незнакомой территории. – Она пожимает плечами и снова ловит взгляд Лорел. – Естественно, к исчезновению Энни он никакого отношения не имеет, это ясно.

Наградив Лорел натянутой улыбкой, Трейси отходит, оставляя ту неловко топтаться в одиночестве. Интересно, почему Трейси так уверена, что Скотт ни в чем не виноват, думает Лорел. Не похоже, чтобы в данной ситуации кто-то знал что-либо наверняка. Ясно одно – Трейси явно чувствует свое превосходство над ней, так как находится в гуще событий, является поставщиком ценной информации и даже соблаговолила поделиться ею с ней. Та самая Трейси, которая едва осмеливалась открыть рот в школе, вечно ходила по пятам за Энни и демонстрировала собачью преданность за счастье быть ее лучшей подругой. А теперь она так же благодарна за роль доверенного лица Скотта, и Лорел не удивилась бы, если бы Трейси оказалась тайно увлечена женихом Энни.

Лорел наблюдает, как Трейси болтает о чем-то с незнакомцем, и ждет, пока дело сдвинется с мертвой точки. Либо Скотт появится из спальни, чтобы они могли наконец-то поговорить, либо Фэй вышвырнет Лорел вон. Скорее всего, она бы это уже сделала, если бы не одна из ее клиенток, заглянувшая выразить поддержку. Лорел уже несколько раз видела, как Фэй стреляет взглядом в ее сторону с не обещающим ничего хорошего выражением на лице. Теперь нападение лишь вопрос времени, опасается она, представляя, как Фэй прерывает свой разговор и направляется в ее сторону, сжав челюсти в уже знакомой Лорел манере – означающей, что Фэй крайне недовольна и собирается расправиться с источником этого недовольства. Точно такую же гримасу Лорел видела этим утром в загородном клубе. Но неужели это и правда было сегодня? Кажется, что прошло несколько дней.

Лорел похлопывает ближайшего к ней копа по плечу аккуратно тогда, когда тот откусывает кусок сэндвича с ветчиной. Начав работать челюстями быстрее, он бросает на нее вопросительный взгляд: *да?*

– Вы, случайно, не знаете, где здесь уборная? – спрашивает она, отчаянно пытаясь найти место, где можно спрятаться от Фэй на время ожидания Скотта.

Коп проглатывает остатки бутерброда и пожимает плечами, выдавливая ухмылку.

– Без понятия, – признается он.

– Окей, – отвечает она, чувствуя себя ровно такой же глупой, как он наверняка ее считает. Она собирается уйти, но его голос останавливает ее:

– Эй, а вы не Лорел Хейнс? Мы вместе ходили в школу. Не знал, что вы снова в городе. – Он опять ухмыляется и прислоняется к стене, явно настроившись на беседу сто лет не видевших друг друга бывших одноклассников.

– Прошу прощения, но мне нужно найти уборную, – бросает она и быстро ретируется, пока он не заметил двух красных пятен румянца, выступивших у нее на щеках. Последнее, чем она хотела бы заниматься сейчас, так это стоять у Фэй в гостиной, обсуждая школьные деньки. Она дергает ручку первой попавшейся ей двери, пытаясь как можно скорее проскользнуть внутрь.

Но за порогом, по-видимому, оказывается спальня Клэри. Чувствуя вину за вторжение в личное пространство другого человека, она быстро захлопывает дверь – но успевает отметить, что комната Клэри, эта смесь старого и нового, «было» и «стало», во многом похожа на ее собственную: древний плюшевый кролик соседствует с упаковками безрецептурного

снотворного, кисти для макияжа торчат из глиняной вазы, сделанной руками десятилетней девочки, а сама эта девочка из прошлого уживается с женщиной из настоящего.

Лорел уходит прежде, чем Клэри заметит, что она ошивается у ее спальни, и накричит за то, что сует нос не в свои дела. Клэри всегда была трудным ребенком, непредсказуемым и отчаянным. Хотя Лорел видела ее мельком с тех пор, как вернулась, она знает, что Клэри теперь присматривает за ее бабушкой и выращивает голубей, выпуская их на свадьбах и похоронах. Это совсем не похоже на разгульный, богемный образ жизни, который, по мнению Лорел, должна была бы вести Клэри. Теперь она совсем не похожа на саму себя когда-то. Но опять же никто из них не остался таким, как раньше.

Вторая попытка найти убежище увенчивается успехом. Она проскальзывает в ванную и закрывает дверь, с облегчением вздохнув и немного постояв в темноте, прежде чем зажечь свет. Она видит фиолетовую зубную щетку в маленьком держателе, флакон с гелем для умывания, пятно зубной пасты на шкафчике, которое в суматохе забыли вытереть.

Она смотрит на себя в зеркало, стараясь представить, как здесь же, на этом же самом месте, стояла Энни – ведь это и ее ванная тоже, ее на всю ее жизнь и как минимум несколько дней сверх того. Здесь юная Энни готовилась к свиданиям, репетировала речи и училась целоваться перед этим зеркалом. Лорел выпячивает губы, и, пока она делает это, раздражающий образ Деймона, наклонившегося к ней так близко, врывается в ее мысли. Она встряхивает головой, и наваждение исчезает.

Лорел проводит здесь еще несколько минут, а затем смывает воду в туалете, чтобы подстраховаться на случай, если кто-то стоит под дверью и все слышит. Она ждет, пока унитаз перестанет набирать воду, чтобы выиграть еще немного времени, прежде чем покинуть свое укрытие. Только когда вода в трубах перестает журчать, она слышит шум снаружи.

Лорел распахивает дверь ванной и выходит в коридор. С удобной для наблюдений позиции, в которой она оказалась, она видит, что люди в гостиной сбились в кучу, все глаза устремлены в одном направлении, а рты приоткрыты – даже у копов. Что-то происходит, и Лорел слышит, как кто-то кричит, но вдалеке, и понимает, что, должно быть, открыта входная дверь и крики доносятся снаружи.

Уже почти стемнело, но яркий свет бьет через большое окно в передней части дома, освещая удивленные лица. Она видит Скотта и Трейси рядом. Она видит Трэвиса Дава и его жену. Она движется в направлении огня и шума, проскальзывая в узкий промежуток между

одной из церковных прихожанок, которая принесла еду, и клиенткой Фэй. Она молча наблюдает, как Фэй машет руками и кричит на телевизионщиков, собравшихся у нее на лужайке. Она тычет пальцем в сторону улицы, затем в сторону камеры, и, хотя никто из присутствующих не может услышать ее слов, Лорел понимает посыл: Фэй хочет, чтобы они убрались.

За ее спиной Клэри – безуспешно пытается остановить свою мать, затащить ее назад в дом. Подъезжает шериф Йорк, и все они наблюдают, как он вылезает из машины и неторопливо направляется к участникам конфликта.

Он кладет руку на плечо Фэй и аккуратно оттесняет ее в сторону, что-то негромко ей объясняя. Когда он замолкает, Клэри ведет мать назад к дому. Они приближаются, и собравшиеся в гостиной начинают разбредаться с таким видом, словно минуту назад никто из них не наблюдал с отвисшей челюстью за развернувшимся шоу. Люди отворачиваются, когда Фэй и Клэри заходят в дом, а гул оборванных бесед возобновляется, как будто ничего не произошло.

Лорел решает, что сейчас самое время уйти, но тут Скотт ловит ее взгляд и жестом просит подойти к нему. Трейси, как замечает Лорел, уже вернулась и стоит на своем посту рядом с Хэнсоном. В голове Лорел вспыхивает заголовок: *«Подружка невесты рада утешить жениха, пока поиски пропавшей продолжаются»*. Но, конечно, она не напишет такого. Насколько она может видеть, Трейси и Скотт не делают ничего недозволенного, но все же ее не отпускает мысль: почему Трейси так уверена в непричастности Скотта к исчезновению Энни? Ведь все возможно.

Скотт начинает говорить сразу же, как только Лорел подходит к нему.

– Извини, меня... задержали как раз тогда, когда ты пришла. Копы задавали кучу вопросов насчет этого парня, с которым Энни училась в школе, знакомы ли мы и все такое. – Он пожимает плечами. – Я, конечно, знаю о нем, но лично не встречался.

– Да, я слышала что-то подобное, – врет Лорел.

– Мне как-то неловко, – встречает Трейси с серьезной миной. Она переводит взгляд со Скотта на Лорел, явно наслаждаясь своей осведомленностью. – Именно я сказала полицейским о нем. Они просто спросили о ее друзьях, а я однажды видела, как Энни не ответила на звонок и его имя высветилось на экране. Вы же знаете, как легко увидеть имя на экране, когда тебе звонят.

Трейси смотрит на Лорел в ожидании подтверждения своих слов, и та

кивает.

– И я сказала Энни, я сказала: «Возьми трубку». А она в ответ: «Нет, это, должно быть, ошиблись». Но там были его имя и картинка. И помню, что увидела на экране британский флаг. Энни же должна была сама это сделать – добавить в контакт-лист пользователя с британским флагом на картинке, иначе он не выскочил бы так. – Трейси делает паузу. – По крайней мере, я думаю, что это британский флаг. Тот, с крестом и иксом, красным, белым и синим цветами. Вы же знаете, о каком флаге я говорю, верно?

Теперь она ищет одобрения у Скотта. Он резко кивает, и Лорел замечает, как на лице его играют желваки.

Трейси, похоже, не обращает на это внимания. Она просто продолжает:

– Так или иначе, я сломала голову, пытаюсь найти еще кого-нибудь, кто что-то знает. Так что я поговорила с шерифом Йорком сразу, как вспомнила. Но я и не подозревала, что они так обрушатся на него. Я не думала о Кенни годами. А ты помнишь его, Лорел?

Лорел понимает, что воспоминания о школе продолжают преследовать ее и она ничего не может с этим поделать.

– Нет, – говорит Лорел. – Нет, не думаю.

Трейси оглядывается, а потом понижает голос, как будто кто-то связанный с Кенни может их подслушать.

– Он был со странностями. Какой-то замкнутый. Таких называют ботаниками. – Трейси щурится на Лорел. – Я уверена на все сто, ты узнала бы его, если бы увидела.

Лорел всегда пыталась забыть школу как страшный сон – от главной футбольной звезды до леди, раздающей пиццу в кафетерии. Но она соглашается: «Ну, если ты так считаешь...»

Но Трейси этого недостаточно.

– Дело еще вот в чем. Он был даже симпатичный. Но странный, поэтому никому и не нравился. Знаешь, если бы он нормально себя вел, был бы даже красавчиком. И я точно помню, что Энни всегда относилась к нему хорошо. Но она никогда не упоминала, что они до сих пор общаются.

Трейси говорит и говорит, уделяя Кенни Как-Его-Там куда больше внимания, чем раньше. Даже не задумываясь о том, что рядом стоит жених Энни – а может, именно поэтому – она вдруг выдает:

– Может, это и произошло?

– Что произошло? – спрашивает Лорел.

– Может, они остались друзьями, а Кенни стал красавчиком. И... – Она

морщит нос, как будто ее теория плохо пахнет. – Хотя это по-прежнему не объясняет тот британский флаг. Не припомню, чтобы он разговаривал с английским акцентом. Я бы такое запомнила. *Обожаю английский акцент.*

Лорел бросает взгляд наружу, на репортеров, которые ушли с лужайки Фэй и заняли позицию на нейтральной территории через улицу. Они нашли тот же сюжет, что и она. Но она была здесь первой. Ей предоставлен доступ, за который эти люди снаружи просто убили бы. Вот что значит быть в нужное время в нужном месте. Деймон попросил Скотта об услуге, бросил ей кость благодаря своим связям в братстве. Так что она здесь только благодаря Деймону и в некотором роде ненавидит это. Но и ценит. Потому что, как когда-то говорил профессор Шарп, не важно, как именно ты пришел цели. Важно, что пришел. И сегодня это про Лорел.

Она роется в сумочке и извлекает ручку и блокнот. Сегодня телевизионщики из Гринвилла, приехавшие за историей, остались ни с чем. Но это только начало. Скоро приедут другие каналы, в этом сомнений нет. Но это ее сюжет. Ее. По венам словно струится электрический ток, наполняет ее тело и освещает изнутри. Ей приходится бороться с собой, чтобы не улыбаться. Все-таки пропала женщина, и в стенах этого дома разворачивается самая настоящая трагедия.

Скотт вступает в разговор, прерывая размышления Трейси насчет загадочного Кенни.

– Полагаю, мне следует сделать заявление, – говорит он и смотрит на Трейси так, будто хочет спросить: *«Ты уверена, что это будет правильно?»*

Та кивает.

– Мы... – он снова бросает взгляд на Трейси, и та снова кивает, ее лицо выражает одновременно преданность и заботу, – ...договорились, что дадим Энни время до шести часов, прежде чем я позвоню вам. Но она так и не появилась, а репетиция уже завтра, так что мы подумали, стоит отменить свадьбу. – Он сглатывает. – По крайней мере, пока.

Лорел пишет в своем блокноте три слова:

СВАДЬБЫ НЕ БУДЕТ.

В разговор вклинивается Трейси:

– Если Энни вернется завтра, то она, наверное, все равно не будет готова ни к репетиции, ни к предсвадебному ужину. Если она исчезла по собственной воле, возникает вопрос, почему так произошло, и они, конечно же, обсудят это со Скоттом. А если ее увезли силой, то... ей явно будет не до свадьбы еще какое-то время.

Ее рот закрывается, и Лорел с ужасом ожидает, что Трейси сейчас начнет рыдать. Но она сдерживает себя.

В разговор снова вступает Скотт:

– Я подумал, ты заинтересуешься и захочешь написать материал о моем решении, чтобы люди поняли, почему я отменяю свадьбу, и мне не пришлось тысячу раз пересказывать всем одно и то же, – говорит он, и его взгляд смещается в сторону репортеров на улице. – Понимаешь, я хочу сделать это для города. Для друзей, для семьи. Деймон тоже думает, что не стоит давать этой истории выйти за пределы Ладлоу. Если честно, я и не знал, что эти парни так быстро появятся здесь. – На минуту его голос слабеет, как будто он задыхается от удара. Лорел знает, что полиция присматривается к нему, но, как и Трейси, теперь она не верит, что Скотт мог как-то навредить Энни Тафт. Нет, видимо, Скотт тоже жертва – человек, у которого прямо из-под носа украли его счастливое будущее.

– Я напишу. – Лорел судорожно сглатывает: – Сочувствую насчет свадьбы. – Эта история, осеняет ее, еще далека от финала. Она просто обязана взлететь. Ее материал в завтрашней газете подхватят другие издания, и он станет вирусным. Подтянутся еще репортеры в поисках новых подробностей и сенсаций. Но сенсация уже у нее. У нее эксклюзив о том, что Скотт отменяет свадьбу.

– Займусь статьей сейчас же, – говорит она Скотту и Трейси. – Сделаю так, чтобы материал появился уже в утренней газете.

Скотт уныло кивает.

– Спасибо, – говорит он.

– Да, спасибо, – как попугай, повторяет Трейси.

Лорел пожимает плечами:

– Это моя работа.

Она выходит из дома и быстро проходит мимо микроавтобуса телевизионщиков, которые жужжат как пчелы, обсуждая новости.

Фэй

Она лежит на спине и изучает потолок, прислушивается к звукам ночного дома в надежде уловить что-нибудь, но ничего не происходит.

Может быть, Энни вернется ночью – тихо проскользнет в дом под покровом темноты? Объяснит она свое отсутствие или будет молчать? Для Фэй это уже не имеет значения – она просто обнимет девочку и будет счастлива.

Фэй испытывает прямо-таки физическую боль от нахлынувших воспоминаний. Вот восьмилетняя Энни, робея, протягивает ей бланк разрешения на учебную экскурсию. Когда Фэй ставит галочку напротив надписи «опекун», а не напротив надписи «родитель», Энни щебечет: «Почему ты поставила галочку именно здесь, тетя Фэй?» «Потому что я не твоя мама» – отвечает Фэй, затем передает бланк назад в руки ребенка и уходит заниматься своими делами.

Как одинокая работающая мать, Фэй всегда была ужасно занята, непростительно мало времени проводила с обеими девочками. Теперь она думает о той маленькой Энни, стоявшей рядом с ней с зажатой в руке бумажкой и удивляющейся слову «опекун», но, видимо, слишком испуганной, чтобы поинтересоваться, что же оно значит. Энни так и не сделает этого – видимо, узнает все сама. И Фэй хочет вернуться назад во времени, растянуть тот момент ровно настолько, чтобы успеть заглянуть девочке в глаза и объяснить ей, что значит «опекун» в самом правдивом смысле этого слова.

Энни – роскошь, которую Фэй никогда не ценила по достоинству. Энни – подарок, от которого в ее пользу отказалась сестра. Как с подарком, она и должна была с ней обходиться.

Но мы осознаем ценность вещей, только когда теряем их, и это величайшая трагедия человеческой жизни. Она уже проходила через все это, когда потеряла Лидию. Она абсолютно не осознавала, насколько сестра важна для нее, пока та не умерла.

– Я так одинока, Фэй. Пожалуйста, побудь со мной. Мне кажется, я умру от одиночества.

Иногда в голову Фэй закрадывалась мысль о том, что именно одиночество стала причиной, по которой Лидия пустила неправильного человека в свою жизнь. Она думала: а вдруг именно одиночество, на свой манер, убило ее сестру? И она корила себя за то, что не послала Ти Джея Уилкинса куда подальше и не отправилась в Ладлоу спасти сестру. Они обе были одиноки в те времена, обе в тисках своих собственных жизненных обстоятельств, но слишком горды, чтобы рассказать друг другу, что их гложет. Что, если бы Лидия призналась, что слухи не врут и она действительно встречается с женатым мужчиной? Что, если бы Фэй сказала Лидии, что боится своего мужа? Возможно, они смогли бы спасти друг друга.

Она пытается подумать о чем-нибудь другом, и ее мысли устремляются к Скотту и Трейси, спящим рядом на диване уже вторую ночь. Они и сейчас где-то там, перешептываются в темноте, а возможно, и

обнимаются или вообще делают бог знает что еще под одеялом, которое она им постелила. Что бы подумала Энни, войдя и увидев своего жениха и лучшую подругу в одной постели? Это дурно пахнет, и они должны бы сами это понимать. У некоторых людей просто нет тормозов.

Фэй сомневается, стоит ли ей вмешаться или продолжить закрывать глаза на происходящее, но пока она просто не знает, как прекратить это. В конце концов, они не безмозглые подростки, а взрослые люди и сами несут ответственность за свое поведение. Они не отлипают друг от друга, садятся рядом за стол, шепчутся по углам, словно лучшие друзья. Фэй собиралась спросить Клэри, что та думает обо всем этом, но мир окончательно сошел с ума, и она забыла. В общем-то, учитывая положение вещей, Фэй нет особого дела до этого. Все, что ее сейчас волнует, – найти Энни. Копы сказали ей, что вероятность этого снижается с каждым часом, но с нее довольно их нытья. Она дала себе обещание: она найдет Энни. Она обязана.

В последний раз Фэй была настолько же сосредоточена, когда поклялась, что найдет убийцу Лидии. Желание вычислить и наказать мерзавца, сдавившего руками шею ее сестры и выжавшего из нее жизнь, доводило Фэй до безумия. Энни рассказала ей историю о Корделле Льюисе, но Фэй опасалась верить словам несмышленного ребенка. День за днем в ее голове боролись противоречивые мысли о том, как поступить. Энни казалась такой уверенной в том, что преступник дядя Корд, но Фэй не хотела указывать пальцем на невинного человека, пока не будет уверена сама.

Однако полиция принимала всерьез показания Энни, и Фэй это не нравилось. Она чувствовала, что желание города найти убийцу Лидии растет с каждым днем. Она дошла до такой степени отчаяния, что отправилась на встречу с медиумом – женщина, живущая в горах Северной Каролины, связалась с ней и сказала, что у нее было видение. Фэй поехала туда, не думая, просто поддавшись импульсу, и, очевидно, это было не лучшее решение.

Клэри и Энни спали в машине, а потом смотрели мультфильмы в гостиной женщины, пока та вместе с Фэй сидела на крыльце своего самого обычного, скромного дома с видом на горные пики. Здесь не было ни магических шаров, ни талисманов, ни карт Таро. Не было благовоний, не было свечей. Медиум – ничем не примечательная женщина средних лет с задумчивыми глазами, у нее была такса. Она могла бы работать учительницей или флористом. Она могла бы оказаться кем угодно.

День был прохладный, и становилось все холоднее, пока они сидели

снаружи. Фэй вслушивалась в каждое слово женщины, отчаянно нуждаясь в озарении, не обращая никакого внимания на холод. Женщина знала вещи, о которых Фэй ей не говорила. Многое она, конечно, могла видеть в газетах, но она знала и то, о чем репортеры не писали. Она знала, что Лидия – мать-одиночка, что, вероятно, встречалась сразу с несколькими мужчинами до убийства (это были слухи, но Фэй никогда не верила им) и что она любила прогулки на природе. Она знала, что Лидия умерла не в доме, она сказала, что Энни мерзла после смерти Лидии, что она бродила вокруг палатки, вдалеке от своей неподвижной, молчаливой матери, и полицейские завернули ее в одеяло, когда нашли.

Когда она взглянула на Фэй и сказала: «Доверься девочке», ветер вдруг сменил направление и подул в другую сторону, поднимая дыбом волосы на загривке у Фэй.

Свое откровение женщина оценила в двести долларов. Фэй выписала ей чек – все оставшиеся у нее деньги, и стала думать, на что ей теперь купить продукты. Позже Хэл дал ей денег и сказал, что она была дурой, заплатив шарлатанке, обманывающей людей.

– Зря ты на это купилась, – сказал он ей. – Наверняка все эти детали, которые она тебе описала, были в газетах.

Но Фэй купилась. Купилась и поверила каждому слову той женщины. И она настояла на том, чтобы обвинение опиралось на слова Энни. Она доверилась девочке, как посоветовала медиум. И как только было получено ее согласие, машина городского правосудия заработала. И отняла у человека двадцать три года жизни.

Фэй снова задается вопросом, не решил ли этот человек отомстить девочке, которой много лет назад доверилась Фэй. Полиция говорит, что у него есть алиби на момент исчезновения Энни, но что-то все равно не дает ей покоя. Выход Льюиса на свободу и свадьба Энни в одно и то же время – разве это просто совпадение? На месте Льюиса она бы это так не оставила: если бы она просидела столько лет в заточении за преступление, которого не совершала, она бы заставила кого-нибудь заплатить.

Фэй переворачивается на другой бок с громким вздохом, взбивает подушку, чтобы поудобнее уложить голову, наполненную всеми этими тяжелыми, не дающими спать мыслями. Она смотрит в потолок, мечтая, чтобы Лидия была рядом, чтобы она могла рассказать сестре все, что случилось, и спросить, как быть дальше. Но Лидии здесь нет. Как нет и Энни. И Фэй еще никогда не было так одиноко.

31 мая. Репетиция. Один день до свадьбы

«Вестник Ладлоу»

Жених, потерявший невесту, заявил, что свадьбы не будет

Лорел Хейнс

Скотт Хэнсон, жених исчезнувшей Энни Тафт, принял решение отменить свадьбу, которая должна была состояться в эту субботу в Первой баптистской церкви Ладлоу.

«Мне очень больно использовать слово «отмена», и я бы, конечно, предпочел «отложить». Но у меня нет другого выхода. Я поставил себе срок: если она не вернется к шести вечера в четверг, мне придется что-то предпринять. Мы достигли критической точки, даже если она вернется завтра – следовать намеченному плану уже не получится», – прокомментировал ситуацию Скотт Хэнсон.

Скотт Хэнсон – двадцатидевятилетний торговый представитель фармацевтической компании, которого с Энни Тафт познакомили в Гринвилле общие друзья. После года отношений влюбленные начали обсуждать свадьбу. Скотт сделал предложение Энни во время выходных в Саванне, в Джорджии, одном из их любимых мест.

«Это было так романтично, – отметила Трейси Дуглас, одна из лучших подруг Энни, приглашенная подружкой невесты на свадьбу. – Энни просто светилась от счастья. Выйти за Скотта было ее мечтой».

Семья и друзья Энни не теряют надежды, что уже скоро они смогут отпраздновать ее возвращение, после чего девушка скажет «да» любимому мужчине у алтаря и исполнит свою мечту. Вечером в день репетиции свадьбы в Первой баптистской церкви начнется всенощная молитва при свечах, во время которой о скором возвращении Энни сможет попросить Господа любой желающий. Молитва начнется в шесть часов вечера.

Лорел

– Отличная работа, – говорит Деймон. Он стоит у ее стола, держа в руках сегодняшнюю газету. Статья Лорел – главная и, возможно, единственная, которую кто-то прочитает. Количество посещений сайта газеты выросло в четыре раза, когда люди, жаждущие новых подробностей

исчезновения хорошенькой невесты, принялись искать в интернете. Двадцать шесть с лишним сотен человек поделились ссылкой на статью в своих лентах Фейсбука, и это число растёт каждый раз, как Лорел заходит на страничку газеты, а делает она это все чаще. Определенно, история с Энни – огонь, а Лорел – тот, кто поднес спичку. Да, эту спичку вручили ей другие, но разве всем обязательно об этом знать?

Деймон начинает болтать о том, чтобы отправить ее на церковную службу, добавляя свои соображения по поводу того, какие новые ракурсы и побочные сюжеты она смогла бы из этого извлечь. Она перестает слушать. Это *ее* история, и она будет работать с ней так, как *она* считает нужным. Все уже у нее перед глазами: люди, с которыми она поговорит, идеи, которые изложит в статье, угол, под которым все развернет. Она представляет это так ясно, будто уже это сделала. Некоторые люди видят на странице прямые линии и символы и могут превратить их в настоящее здание. Другие видят перед собой чистый холст и могут превратить его в шедевр. Третьи видят искалеченное человеческое тело и могут снова сделать его здоровым. А она? Она видит историю и точно знает, как та должна быть рассказана. Это ее дар, единственная вещь в ее жизни, о которой она точно знает – она дана ей свыше.

Новости могут изменить все, поняла Лорел, когда ее одноклассник тяжело заболел. Она будет держать свой желтый карандаш с почти начисто стертým ластиком и размышлять, что она могла бы написать им, чью жизнь могут изменить ее слова. Она верит в силу этого карандаша всем своим сердцем. Она почти забыла о ней, пока не пропала Энни.

Отупев от всех этих статей об очередном заседании загородного клуба или женского кружка, от освещения бесконечных протоколов Торговой палаты, от «экстренных новостей» о провале на главной улице Ладлоу, она упустила из виду вещи, действительно достойные быть написанными. Она была вне себя в тот день, когда Деймон поручил ей взять интервью у Фэй. Она устала от бесчисленных глупостей, нужных только для того, чтобы наполнять текстом пустые страницы, отчаялась получить шанс написать о чем-то стоящем. Но всего за несколько дней, прошедших с тех пор, Лорел поняла одну важную вещь: никогда не знаешь, куда может повернуть история.

Она замечает, что Деймон смотрит на нее, судя по всему, ожидая ответа на вопрос – который она пропустила мимо ушей. Она кивает.

– Конечно, – говорит она, слыша неуверенность в собственном голосе. Интересно, слышит ли ее и Деймон, думает она.

– Отлично! Значит, договорились, – он громко хлопает в ладоши, явно

обрадовавшись.

– Во... сколько? – спрашивает она, лихорадочно ища зацепку, которая поможет ей сориентироваться, о чем только что шла речь.

– Ну, служба начинается в шесть, но нам нужно быть там пораньше, как ты думаешь? – Он кивает, соглашаясь сам с собой. – Я сделаю несколько снимков церкви, первых прихожан, может, еще чего-то.

Снимки? Неужели она только что согласилась взять Деймона с собой в роли фотографа? Деймон не фотограф. По крайней мере, она никогда не слышала об этом. Конечно, у него есть коллекция фотоаппаратов на полках в его кабинете. Но она всегда думала, что это просто элемент интерьера, оставшийся еще с тех пор, когда кабинет принадлежал его отцу.

– Поедем вместе? – предлагает он, и в его голосе столько волнения и надежды, что она не может ответить «нет». Она еще никогда не ездила в машине Деймона. Она знает, что это за машина, – «БМВ Х1», подаренная ему на окончание колледжа. Она подозревает, что внутри пахнет его одеколоном. Его одеколоном в смеси со стойким запахом новой машины. Она представить не может, как будет ехать там вместе с Деймоном – слишком тесно, слишком близко.

– Конечно, – соглашается она снова, убеждая себя, что все будет хорошо. В конце концов, Деймон просто ее фотограф. Они приедут вместе, чтобы собрать материал, журналист и фотограф, деловые люди за работой, только и всего. Они отправятся на задание и будут профессионалами. Что в этом плохого и что это может изменить?

* * *

В церкви они наблюдают за тем, как верующие собираются для молитвы. Лица пришедших мрачны и полны раскаяния, словно они сами имеют какое-то отношение к исчезновению Энни. Впрочем, всех точно не стоит сбрасывать со счетов. В конце концов, Скотта допрашивали. А еще ходят сплетни, что и Кенни, тот парень из начальной школы, тоже представляет для полицейских интерес.

Она наблюдает, как Трэвис Дав занимает свое место за кафедрой, чтобы сказать несколько слов. Но его несколько слов превращаются в целую речь, когда он рассказывает, что Энни значит для всех собравшихся. Он говорит о жизнелюбивом характере Энни, о ее солнечной улыбке, ее способности заставить любого, кто рядом, почувствовать себя особенным и важным. Он рассказывает историю о том, как именно приглашение Энни

повлияло на его решение стать пастором. Лорел об этом никогда не слышала. Все, что она помнит о Трэвисе, – что он шатался по округе с Клэри и выглядел нервным и опасным. Она смотрит на Клэри, чтобы оценить ее реакцию. Но Клэри слушает его речи с каменным лицом, не выражая абсолютно никаких эмоций. Либо она очень хорошая актриса, либо действительно ничего не чувствует.

Закончив говорить, Трэвис уступает место за кафедрой Фэй, которая наклоняется слишком близко к микрофону, вызывая свистящие помехи, и шорох недовольных голосов проносится по залу. Фэй извиняется, отодвигается на несколько дюймов и начинает говорить снова. Она благодарит всех за то, что пришли, соглашается с тем, что сказал Трэвис, и затем призывает людей продолжать молиться.

– Пожалуйста, давайте не будем сдаваться, – этими словами она завершает свою речь, и в ее голосе звучат слезы.

Следующим за кафедрой встает Скотт. Он тоже не выглядит способным на убийство, но, если бы судили по внешности, из тюрем следовало бы выпустить как минимум половину заключенных. К тому же тебе не нужно быть способным на убийство большую часть времени. Достаточно один раз прийти в бешенство и совершить непоправимое.

Скотт рассказывает всем, как он любит Энни, как тяжело ему было принять решение об отмене свадьбы и как сильно он надеется, что они снова получат шанс соединиться здесь, в этой самой церкви, «уже скоро». Закончив говорить, он дарит залу ослепительную улыбку, и Лорел воображает, какими милыми могли бы быть их с Энни дети, но тут же чувствует острый стыд за то, что думает о девушке в прошедшем времени. Впрочем, ничего не поделаешь – чем больше времени проходит, тем пессимистичнее она становится. И не только она – достаточно одного взгляда на осунувшиеся лица вокруг – знакомые и незнакомые, но тоже теряющие надежду.

Трэвис Дав снова вступает за кафедру, на его лице – странная смесь сочувствия и самодовольства, его задумчивые глаза осматривают собравшихся. Он делал это и раньше, он привык направлять и поддерживать людей в темные времена. Он знает, что может сделать это и снова – и сделать правильно. Это то, для чего он родился, как Лорел родилась для журналистики. И это поражает ее до глубины души – тот факт, что они оба здесь, чтобы делать свою работу – работу, которая должна быть сделана, даже когда все вокруг идет прахом. Это то, чего требует их особое призвание. Оно наполняет ее и ведет вперед. Как и Трэвиса Дава.

Рядом с ней Деймон пытается уловить на камеру это особое

выражение на лице священника – она знает, что он тоже заметил это. Она смотрит на Деймона, и он, поймав ее взгляд, слегка улыбается. Несмотря на всю серьезность происходящего, Деймон излучает радость, и Лорел понимает, что источник этой радости – камера в его руках. Она отворачивается, притворяясь, что пишет что-то важное в маленькой записной книжке, которую принесла с собой. Но это всего лишь наброски. Позже она напишет настоящую статью, просто описав подробно все, что видела, будто пересказывая кино.

Трэвис едва успевает приступить к молитве за быстрое и благополучное возвращение Энни, как задняя дверь церкви резко распаивается и внутрь врывается группа полицейских во главе с Хэлом Йорком. Волна страха пробегает по залу, когда люди замечают их. Зачем полиции прерывать службу, если не случилось что-то экстренное? Трэвис перестает молиться и покидает кафедру, чтобы встретить офицеров в проходе. Будто он вышибала, проверяющий документы у посетителей перед входом в клуб. Мужчины совещаются, а затем Трэвис кивает, указывая на Фэй, и отступает в сторону, чтобы они могли пройти. Шериф первым подходит к Фэй, и все слышат, как она начинает плакать, когда он кладет руку ей на плечо и начинает говорить что-то на ухо.

Кенни

Пока этот пастор, Трэвис, который когда-то встречался с кузиной Энни, бубнит и бубнит свои наставления, он то и дело ловит на себе людские взгляды – но стоит ему посмотреть на кого-то из любопытствующих, как те тут же быстро отводят глаза. Очевидно, слухи уже разлетелись и все прекрасно осведомлены о том, что полиция нанесла ему визит и попросила повременить с отъездом из города. Он понимает: это только начало, дальше подозрения будут расти как снежный ком. Он соврал уже не один раз, а ведь мать всегда предупреждала его, что в конце концов ложь обернется против него самого.

Его не должно быть на этой службе. Приход сюда – не лучшая идея. Но он хотел побыть среди людей, которые тоже любят Энни. И он не хотел оставаться наедине со своими мыслями. Потому что эти мысли были плохими – такими, которые могут свести с ума, если дать им прочно обосноваться в твоей голове. Так что когда его мать спросила, отвезет ли он ее на бдение (очевидно, это было лучшее светское мероприятие в Ладлоу, штат Южная Каролина, этим прекрасным летним вечером), он сказал «да»,

не думая о взглядах, которые будут обращены на него, и о вопросах, которые будет задавать его мать, обнаружив, что подруга не с ним.

Он лжет своей маме, говорит ей, что его девушка уехала по делам, когда на самом деле она ушла от него, потому что ей нужно «собраться с мыслями». Вот как она назвала это. Он не знает, вернется ли она. Не важно, сколько раз он пытался объяснить ей, что Энни не играет никакой особой роли в его жизни, всякий раз она каким-то образом чувствовала, что он мог бы рассказать ей гораздо больше. Он догадывается, что это было просто написано у него на лице. Она сказала, что больше не может доверять ему, что она никогда не поймет, почему он скрывал от нее Энни. Он сказал, что не знает, как на это ответить. Единственное, что пришло ему тогда на ум: что Энни – его, что она не из тех людей, которыми он готов поделиться с кем бы то ни было. Естественно, если бы он сказал так вслух, это прозвучало бы совершенно безумно.

Поэтому он молчал, пока и у нее наконец не закончились слова. Она взяла ранее собранную сумку, которая предназначалась для поездки в Шарлотт, положила ее в свою машину и уехала. Ему пришло в голову, что следовало бы беспокоиться, как она будет вести машину в таком подавленном состоянии, но он просто стоял и смотрел на дверь, которая захлопнулась за ее спиной – так же, как она захлопнулась за спинами полицейских всего несколько часов назад. Он стоял там, пока у него не заболели ноги, и ему пришлось присесть, а в голове его остался только белый шум.

Теперь, когда в церковь ворвались полицейские, он ощущает себя так, как будто на него навели прожектор. Он чувствует, что все глаза устремлены на него, но только на мгновение, ведь они по-прежнему отводят взгляд. Они быстро оценивают его, прикидывают, сделал ли он что-то с Энни, знает ли он, где она, и отворачиваются. Он чувствует это так же отчетливо, как мог бы уловить тепло солнца у себя на затылке или влагу капель дождя. Он чувствует, что они составляют о нем мнение, и он уже давно привык к этому.

Вот что значит для него жить здесь. Он может сколько угодно утверждать, что остался тут ради матери, но правда в том, что он остался ради Энни. Так будет и впредь. Потому что он знает: она вернется. Вернется туда, где умерла ее мать. Вернется домой. Вернется в место, где всегда может найти его.

Если он когда-нибудь и уедет отсюда, то только с ней. Он ждал этого момента всю жизнь – момента, когда Энни поймет, что они созданы друг для друга. Все остальное: его работа, его мать, его девушка – лишь способ

заполнить пустоту этого ожидания. Он закрывает глаза, вызывая в памяти лицо Энни. Вся его жизнь была посвящена лишь ей. Он прекрасно понимает, насколько он жалок, он знает, что люди подумали бы о нем, откройся им вся глубина его преданности. Но он не может остановить себя. Ему нужна только Энни. Но теперь Энни нет. Зато есть полицейский, и он идет прямо к нему.

Клэри

По пути к церкви Глиннис остановила ее, заключила в объятия и принялась укачивать, как ребенка, а аромат ее цветочных духов облаком окутал их обеих.

– Бедняжка, – повторяла она, пока они стояли обнявшись. – Бедная, бедная девочка.

Позади них дочь Глиннис Лорел выпучила глаза. Клэри слегка улыбнулась Лорел, чтобы дать ей понять, что она не против подобного выражения чувств. Пусть даже от приторного запаха духов Глиннис у Клэри едва не начала болеть голова.

Наконец Глиннис отпустила Клэри и повернулась, обнаружив характерное выражение на лице Лорел.

– В чем дело? – спросила она дочь. – Клэри практически член нашей семьи. Мы знаем друг друга тысячу лет. – Она снова посмотрела на Клэри. – Я даже знала твою тетю Лидию, боже, упокой ее душу. Какое-то время мы вместе работали вместе в нашем магазине спортивных товаров.

– Ты? Работала? – переспросила ее Лорел, и, хотя их подростковые годы остались давно в прошлом и обоим следовало бы уже вести себя повзрослому, Клэри не смогла удержаться от смеха, когда девушка ушла. Лорел по-прежнему говорила со своей матерью точь-в-точь как тинейджер! Справедливости ради, помнила Клэри и времена, когда сама говорила с Фэй подобным образом – у матери был миллион способов, как вывести ее из себя. Впрочем, подозревает Клэри, это путь, который неизбежно проходят все матери и дочери в мире.

Она думает о своей собственной дочери и чувствует боль потери – это чувство все еще преследует ее время от времени. Она задается вопросом, считала бы дочь ее саму нелепой, или помешанной на контроле, или властной, или забавной. Если бы она сохранила ее, если бы вырастила ее одна.

Клэри занимает свое место, избегая зрительного контакта с Трэвисом,

и проводит остаток службы, пытаясь сосредоточиться на пропаже кухни. Но мысли упорно возвращаются к дочери, тоже пропавшей из ее жизни. Только когда задняя дверь церкви открывается и в нее входит Хэл Йорк со своими людьми, она выпрямляется и приходит в себя.

По выражению лица Трэвиса она понимает, что он недоволен этим вторжением в такой ответственный момент. Она заметила, как он позировал во время молитвы, чтобы Деймон Коллинз мог сделать несколько хороших кадров почтенного пастора за богоугодным занятием. Она видит, как ему нравится находиться в центре внимания, как даже во время трагедии он находит способ продолжать гордо нести нимб над головой.

И именно так он себя повел бы, поведай она ему свою тайну. Это то, что она пыталась объяснить Энни во время их последнего телефонного разговора. Она хотела рассказать ей о дне, когда почти призналась ему насчет ребенка, о том, что он ответил и почему она изменила свое мнение. Но Энни просто не слушала. Так они обе и разошлись. И наговорили друг другу ужасных вещей. И теперь Клэри уже не может взять свои слова назад.

Клэри наблюдает, как один из полицейских поворачивается в ее направлении. Ее сердце ускоряет ритм, но офицер проходит мимо, останавливаясь у следующего ряда напротив того парня, что все время болтался с Энни в школе с выражением собачьей преданности на лице – того самого, которого Клэри всегда называла чудиком. «И кто еще тут чудик?» – неизменно отвечала на это Энни, указывая на новый пирсинг сестры или ее безумный цвет волос.

Полицейский жестом показывает мальчику, который уже стал мужчиной, встать и пройти с ним, и тот, не задумываясь, подчиняется. Его лицо безмятежно, он погружен глубоко в себя. Клэри вспоминает, что когда в детстве он так же стоял перед очередным безмянным, безликим обидчиком, на его лице всегда было это отстраненное выражение. Она вспоминает Энни, заступающуюся за него, кто бы его ни задирал, уводящую его прочь, и слышит ее голос, произносящий его имя: «Кенни». Вот как его зовут, вспоминает Клэри. Кенни Спейси. Он был влюблен в Энни. Но Энни решила выйти замуж за другого. И теперь его уводит полицейский. А Энни нигде нет.

Фэй

Вслед за Хэлом она выходит на улицу и идет к его автомобилю, по

дороге пытаюсь взять себя в руки. Если он увидит, что она на грани, он ни за что не разрешит ей. Необходимо изображать спокойствие, чтобы она смогла увидеть машину Энни.

– Я хочу пойти с тобой, – говорит она.

Скотт, стоящий рядом с Хэлом, переминается с ноги на ногу, глядя в землю. Она не может сказать, что именно его смущает: ситуация как таковая или же конкретно присутствие Фэй. Она вдруг понимает, что он не говорил с ней напрямую с того самого дня, когда они оба осознали, что Энни действительно совсем пропала. Скотт все время держит при себе Трейси, позволяя ей вести все разговоры за него. Интересно, делает ли он так намеренно – использует ли Трейси как своего рода щит? Но против чего?

– С тобой все в порядке? – спрашивает Хэл Скотта, которого буквально вынудили поехать, чтобы открыть машину Энни. У него есть ключ, а значит, легче будет вскрыть машину, не повредив вещественные доказательства. Фэй знает все это, потому что много лет была лучшим другом полицейского, а вовсе не из-за того, что ее бывший муж тоже был копом.

Скотт пожимает плечами.

Фэй очень хочется язвительно поинтересоваться у Хэла, а тому ли вообще человеку он задает этот вопрос, но она сохраняет самообладание и заставляет себя улыбнуться, когда Хэл открывает пассажирскую дверь и знаком приглашает их обоих сесть внутрь. Скотт качает головой и указывает на Трейси, стоящую рядом со своим невзрачным седаном.

– Я поеду с ней, – говорит Скотт.

– Тогда езжайте следом, – не возражает Хэл. Он отступает в сторону, чтобы Скотт мог пройти к Трейси, а затем указывает Фэй на пассажирское сиденье. Они уезжают вместе, как будто это самая обычная поездка. Оба молчат, пока Хэл едет к тому месту, где нашли машину Энни.

По дороге Фэй пытается разыграть в своей голове самый невинный сценарий произошедшего: Энни попала в аварию по дороге домой, съехала в кювет, была дезориентирована и ушла, не разбирая пути. Они найдут ее спящей в лесу где-нибудь поблизости с машиной. Ее доставят в больницу, некоторое время понадобится, чтобы восстановиться, но в итоге все будет хорошо. Фэй хватается за этот сценарий, как утопающий за спасательный круг, но голос разума кричит в ее голове, что это не так, несмотря на все усилия ее внутреннего оптимиста отыскать хоть какие-то признаки надежды. Эти две стороны ее личности, рационалист и оптимист, кажется, борются внутри нее на протяжении всей ее жизни. И ей так хочется, чтобы

хоть раз, один только раз, оптимист победил.

Они сворачивают на грунтовку, которую едва ли можно назвать дорогой. Это скорее тропинка. Машины, подпрыгивая на ухабах, заезжают все глубже в лес. Энни никогда бы по собственной воле не съехала с нормальной дороги – ни одна разумная женщина не стала бы. Но может, она с кем-то встречалась? Может быть, у нее была тайная жизнь, о которой не знал никто? Тайный любовник? Тайная встреча, спонтанное желание сбежать? Это бы лучше, чем исчезновение против собственной воли, верно? Но это не похоже на Энни. По крайней мере, Фэй так думает.

Машины останавливаются, и она видит внедорожник Энни. Энни всегда держала его в безупречном состоянии, но теперь он весь в грязи, покрыт птичьим пометом и мелкой желто-коричневой пылью. Скотт выходит из машины Трейси одновременно с Хэлом, как будто они специально синхронизировали движения.

– Оставайся здесь, – приказывает Хэл и уходит. Вместе мужчины, держась на безопасном расстоянии, приближаются к «Хонде Си-Ар-Ви» – белой с коричневым салоном, с замками, оснащенными блокировкой от детей, люком, спутниковым радио и кнопкой дистанционного закрытия багажника. Другие полицейские с серьезными лицами охраняют периметр, защищая от посягательств доказательства, которые могут находиться внутри. Она смотрит на это и вспоминает день, когда Энни получила эту машину. Она приехала домой и громко и радостно звала Фэй пойти взглянуть на «ее малышку».

На это Фэй поддразнила ее:

– Я даже не знаю, кого ты любишь больше, Скотта или машину.

– Тс-с-с, только не говори ему, – отшутилась Энни.

Пока Хэл совещается со Скоттом, Фэй задается вопросом, найдут ли полицейские внутри какие-то подсказки – хоть что-то, что приблизит их к разгадке исчезновения Энни. Другие офицеры присоединяются к ним, и все они поворачиваются к автомобилю. Она смотрит, как Скотт берет ключ и церемонно нажимает на кнопку. «Это семейный автомобиль», похвасталась Энни, когда впервые приехала на новой машине домой. Она называла ее своим «мамамобилем».

Фэй ожидает, что Скотта попросят отойти, после того как он сделает свою часть работы. Но потом она замечает, что Хэл что-то говорит ему, указывая на заднюю часть автомобиля. Она видит, как Скотт смотрит вниз на ключи, которые все еще сжимает в руке, и понимает, чего теперь они от него хотят. Она ловит измученное выражение на его лице и догадывается, что на самом деле полицейским больше не нужен Скотт – это всего лишь

уловка, чтобы его сломать. Хэл, должно быть, не полностью снял с него подозрения.

Озарение, видимо, приходит к ним с Трейси одновременно, потому что та тут же выскакивает из машины и бежит в сторону Скотта. Фэй также вылезает из автомобиля – если Трейси это дозволено, то кто запретит ей сделать то же самое?

Как обычно, Трейси вещает вместо Скотта.

– Я не думаю, что просить его открыть багажник – хорошая идея, – говорит девушка. Она указывает в сторону машины, тыча пальцем сквозь влажный воздух. – Вы понятия не имеете, что внутри.

– Да, – соглашается Хэл. – Вот пусть Скотт и разъяснит нам. – Жених Энни явно испуган, и на мгновение Фэй задумывается, чего именно он боится: попасться с поличным или того, что может найти в багажнике. Она всматривается внутрь салона, но сквозь тонированные стекла разглядеть что-либо невозможно. Копы стоят вокруг них по периметру и, как она предполагает, в случае чего готовы броситься в атаку.

Трейси поворачивается к Скотту:

– Ты не обязан это делать. И я не думаю, что тебе следует, пока здесь нет адвоката...

– О, да хватит, – перебивает ее Хэл, теряя терпение. – У нас нет на это времени. Ты хочешь найти свою подругу или нет?

Трейси с возмущением обводит рукой брошенную посреди леса машину, мутный пруд, наполненный стоячей водой, кольцо полицейских.

– Это, – говорит она, – место преступления. А вдруг вы хотите использовать его и обставить дело так, будто он раньше уже побывал здесь?

Фэй думает, что Трейси, похоже, обсмотрелась криминальных шоу, а Хэл смотрит на Фэй, по-видимому впервые осознавая, что она тоже находится здесь. Она видит, что шериф собирается попросить ее вернуться в машину, но потом меняет мнение.

– Смотри, – устало говорит Хэл. – Мне нужно, чтобы кто-нибудь из нас уже открыл, наконец, этот чертов багажник. – Он указывает на заднюю часть автомобиля. – Потому что мне нужно узнать, действительно ли внутри Энни Тафт. Возможно, она еще жива. Возможно, она даже слышит сейчас весь этот треп, желая только одного – чтобы мы заткнули, черт побери, свои рты и вытащили ее, наконец, оттуда. – Он снова обращается к Скотту: – Жми на кнопку, сынок, – говорит он, поворачиваясь к ним спиной и двигаясь к машине.

– Подождите! – кричит Трейси.

Все раздраженно оборачиваются к ней, окончательно теряя терпение. Трейси достает телефон, возится с ним, затем переворачивает и начинает снимать происходящее на видео.

– Все, теперь давайте! – кричит она.

Фэй должна признать, что никогда бы не подумала, что в девчонке есть стержень. Ей не терпится рассказать об этом Энни, как только увидит ее. Они просто умрут со смеху.

Все смотрят, как дверца багажника поднимается в воздух, открывая всем свое содержимое. Они как по команде устремляются ближе, в том числе Скотт.

– Нет! – кричит ему Трейси, заклиная держаться подальше от машины.

Скотт отступает, и Фэй ловит его ошеломленный взгляд. Первый офицер, оказавшийся на месте, кричит:

– Все чисто!

Дыхание, которое все это время задерживала Фэй, с шумом вырывается наружу. С облегчением она понимает, что в этой металлической коробке ее племянницы нет. Но в то же время ей в голову приходит мысль: если ее нет здесь, то где же она?

Клэри

Она возвращается домой, чтобы снова ждать новостей. Хотя Фэй так и не появлялась с тех самых пор, как Хэл вывел ее из церкви, Клэри сложила кусочки мозаики сама. Кенни Спейси был задержан для допроса, так как появились доказательства, что он недавно виделся с Энни, но не посчитал нужным поделиться с информацией с копами, когда его опрашивали. А исчезнувшая машина Энни была найдена в лесу возле парка, где когда-то нашли мертвой ее мать.

На телефон приходит сообщение. Это Фэй.

Мы с Хэлом там, где нашли машину Энни. Ее в ней нет.

Клэри кладет телефон обратно в карман, судорожно сглатывая и надеясь на чудо – Энни найдут живой. Утром волонтеры собираются прочесывать лес, где был обнаружен автомобиль, но до рассвета сделать ничего нельзя – остается только ждать. А пока полиция обыскивает машину Энни.

Клэри встает. Стены дома давят на нее, и она больше не может

находиться среди них, поэтому открывает дверь и выходит на задний двор к голубятне. Сейчас совсем стемнело, и она гадает, взяли ли копы фонари туда, где нашли машину Энни, или же решили оставить обыск до утра. Она не хочет, чтобы они останавливались, пока не найдут Энни и все не закончится. Клэри слышит голос в нескольких шагах и понимает, что это Трэвис разговаривает по телефону вблизи голубятни, видимо надеясь, что там его никто не услышит. Воркование голубей заглушает звуки ее шагов, пока она подбирается ближе.

Она знает, что должна вернуться в дом, но не может заставить себя перестать вслушиваться в обрывки разговора. Трэвис говорит с Деандрой, и Клэри понимает, что она летит обратно во Флориду к их сыну, которого они оставили с бабушкой. Сейчас она в аэропорту, и он говорит, что любит ее, просит продолжать молиться за Энни, а потом вешает трубку.

Клэри спешит обратно в дом и прижимается к стене, думая, что, возможно, в темноте он не увидит ее, когда пройдет мимо. Ее матери по-прежнему нет, Скотт и Трейси (конечно же, она поехала с ним) тоже не вернулись из поездки к машине Энни, а жена Трэвиса, как она только что узнала, улетает. Офицеры, которые раньше были в доме, ушли. Вечная толпа вокруг них рассосалась, и они с Трэвисом остались вдвоем.

У Клэри пересыхает во рту, когда он останавливается рядом. Он поворачивается лицом к ней, и в ее голове нет, не вспыхивает, а едва мерцает воспоминание, но оно так реально, как будто все происходит здесь и сейчас. Она представляет его рот у своей шеи, его слова: «Как же здесь скучно, почему бы нам не поискать неприятностей?»

Но она всегда считала этого мальчика – оставшегося в ее памяти – не более чем призраком, а теперь он материализовался перед ней. В последний раз они были наедине, когда он сказал ей, что собирается стать пастором. Его Призвали, сказал он. А затем втоптал ее в землю всего несколькими словами: «Но я не вижу в тебе жены пастора». В тот момент слова, которые хотела сказать она, застряли у нее в горле и по сей день так и не были произнесены. Но Энни хочет, чтобы она сделала это сейчас.

Клэри пытается придумать, что сказать, как объяснить ее присутствие там, на улице, где он разговаривал по телефону о чем-то личном. Но прежде, чем она успевает открыть рот, он говорит:

– Я отправил Деандру домой. – Он пожимает плечами и закрывает глаза. Свет прожектора в задней части дома позволяет ей видеть его так же ясно, как днем.

Он продолжает:

– Свадьбы не будет, поэтому смысла в ее пребывании здесь тоже нет. У

нашего малыша режутся зубки, и он ведет себя беспокойно. Ему нужна его мать. Я думал тоже поехать домой, но... я чувствую, что нужен здесь.

Он смотрит на нее, и она задается вопросом: имеет ли он в виду ее? Или же говорит о них всех?

– Ты слышала об автомобиле? – спрашивает он. – О том, что они не нашли никаких следов ее присутствия?

Она кивает, думая том, что, по мнению Энни, ей стоило сказать Трэвису. Правду. Лучше горькая правда, чем красивая ложь, вечно твердила им Фэй. Но правда кажется такой далекой сейчас, а Трэвис так страшно близок. Ей хочется отойти от него. Ей хочется развернуться и убежать, но она словно срослась со стеной. Ей хочется, чтобы Энни была здесь. Но если бы это было так, Энни рассказала бы ему правду. Она открыла бы рот и выложила бы все о том времени, когда посетила Клэри в Шарлотте после окончания учебы, и том, какой Клэри преподнесла ей тогда сюрприз. Она выложила бы ему все, что увидела. Именно поэтому они с Энни тогда и поссорились. Клэри просто не может позволить Энни говорить.

Трэвис снова вступает в разговор, прерывая ее мысли:

– Я молился так усердно.

– Мы все молились, – отвечает она.

– Знаю, знаю, – говорит он. – Каждый из нас. Я только подумал...

Она слышит это, но не верит своим ушам.

– Ты только подумал что? – Она смеется, потому что это подтверждение, которое она искала. Если бы только Энни была с ними, чтобы засвидетельствовать это. – *Я была права!* – ликует Клэри. – Ты думал, что твои молитвы будут особенными? Что Бог слышит тебя лучше, чем других? Что, если помолишься *ты*, он непременно выполнит все, о чем ты просишь?

Трэвис смотрит на нее, ошарашенный ее вызовом, и она чувствует гнев, растущий внутри его, гнев, ничуть не уступающий ее собственному. Она смотрит на него и снова видит злого мальчишку, который не задумываясь сжал бы кулаки и бросился в драку с любым, кто угрожал бы ему или дразнил его в те времена, когда Бог еще и не думал никого призывать. Теперь она понимает, что злой мальчишка никуда не исчез. Она только что увидела его своими глазами, юношу, который когда-то принадлежал только ей. Он все еще там. И она одновременно ненавидит и любит это озарение.

Как бы она хотела заменить этого мужчину тем парнем, со всей его дикостью, всей его страстью. Потому что ее он не пугал – а, напротив, восхищал. Она чувствует, как весь его гнев поднимается на поверхность в

ответ на ее вызов, и она понимает, что он забыл, как это бывает. Его овечка-жена, его подчиненные, его исступленные фанатики – они не бросают вызовов и не задают вопросов. Они просто делают то, что ему нужно. Она знает, кем он стал. И она защитила их дочь от этого.

Энни хотела, чтобы она рассказала ему о существовании ребенка, того самого, из-за которого она поехала в Шарлотт, того самого, которого держала в секрете и о котором лгала. Ребенка, который сейчас живет в счастливом доме с двумя любящими родителями, ждавшими ее годами. Она получает письмо с новостями о жизни их дочери каждые четыре месяца – ее друзья, ее любимцы, ее школа. Она также получает фотографию красивой маленькой девочки с темными глазами с чуть нависшими веками и широкой, дерзкой улыбкой. Эти письма – лучшее в жизни Клэри. Она не позволит ему отнять их у нее. Он лишил ее своей любви давным-давно, но он оставил ей что-то, что она все еще могла исправить. И она исправила.

– Я не могу поверить, кем ты стал, – говорит она.

Он подходит ближе и опирается на стену, в которую она все еще вжимается. Клэри чувствует тепло его близости, запах его кожи. Он стал другим, но пахнет так же, как много лет назад. Он смотрит на нее, и она видит всю глубину его растерянности, разбитости, понимая, что сейчас он открывает ей себя таким, каким не сможет открыть больше никогда и никому.

– Я тоже, – отвечает он. И уходит. Она смотрит ему в спину, пока он не исчезает в темноте.

Фэй

Когда они уезжают с места, где была найдена машина Энни, Фэй просит Хэла заехать в салон.

– Оплачу счета или приберусь, – объясняет она. – Не хочу возвращаться домой. Просто не могу больше там находиться.

– Понимаю, – отвечает Хэл и везет их обратно в город, вместо того чтобы ехать в противоположном направлении. Она рада, что они едут на его личной машине, а не на патрульной – та привлекает слишком много внимания. Впрочем, как выглядит автомобиль шерифа, тоже ни для кого не секрет, поэтому гарантии полного инкогнито нет. Да и никогда не было – в том-то и проблема.

Пока они едут, Хэл следит за дорогой в лобовое стекло, а она рассматривает его профиль. Его лицо смягчилось за годы; уголки глаз

слегка опустились, а линия подбородка уже не столь четко очерчена. Она уверена, что кто-то, глядя на нее саму, заметил бы аналогичные изменения. Да, оба они постарели. Но еще, думает она, повзрослели. И приняли много верных решений, даже после того единственного неправильного, когда он возил ее забрать вещи у ее бывшего мужа, Ти Джея. Она боялась, и он предложил поехать с ней, чтобы защитить ее, по-дружески. Оба знали, что за этим предложением скрывалось нечто большее, но солгали и себе, и друг другу.

Их отношения начались, потому что ей нужен был человек, который поддерживал бы ее: она осталась в городе, в котором не собиралась жить, ее брак рухнул, и у нее не было никого, кроме двух маленьких девочек, цепляющихся за нее. Но она не хотела быть тем, за кого цепляются, – ей самой хотелось за кого-то уцепиться. Каким-то образом он понял это, просто глядя на нее. Это случилось всего один раз, на обратном пути из Вирджинии. Они сняли два номера в отеле, но во втором так никто и не ночевал. С тех пор они делали все, чтобы не причинить никому боли. И поглядите только, куда это их завело.

Он паркует автомобиль и тянется к дверной ручке. По привычке она протягивает руку и останавливает его. Каждый из них внимательно следит за тем, чтобы вовремя напоминать другому о возможных опасностях. Прогулка ночью в одиночестве – одна из них.

– Со мной все будет в порядке, – говорит она и открывает дверь. – А ты езжай домой к жене.

Тусклый свет лампочки в салоне подчеркивает морщины у его глаз, складки возле рта. Но это не имеет значения. Именно таким Фэй и представляет себе брак на всю жизнь. Ты смотришь на старика, но видишь только человека, в которого ты когда-то влюбился. Она знает, что и Хэл чувствует то же самое, потому что, говоря о ней, он неизменно описывает молодую женщину, которая когда-то пришла в полицейский участок. Видит ее такой, как тогда, а не такую, как сейчас. Это уловка любви, думает Фэй. Лучший трюк из всех.

– Я провожу тебя, – говорит он. – Столько всего творится, и я не позволю тебе ходить в темное время суток в одиночку.

Она кивает и выходит из машины. Они вместе идут по парковке, и по пути она отмечает все тени, все места, где может скрываться опасность. Люди говорят, что Ладлоу – безопасный город, но ни у кого из них нет сестры, убитой здесь. Она благодарна Хэлу за настойчивость, за его надежное, внушительное присутствие рядом с ней, пока она возится с ключами. Он видит, как дрожат ее руки, и накрывает их своей большой

ладонью.

– Давай я, – говорит он.

Пока он открывает дверь, она задает ему вопрос, над которым билась с тех пор, как он объяснил ей, что произошло: они нашли машину Энни в лощине недалеко от того места, где умерла Лидия, и задержали ее друга из средней школы, который был, по-видимому, последним человеком, говорившим с ней.

– Как ты думаешь, это он сделал? – решается она.

– Вероятно, – отвечает он.

– Но почему? – спрашивает Фэй. На этот раз ее грызут серьезные сомнения: уж по очень похожему сценарию развиваются события – последний человек, который был и с Лидией, и с Энни, становится первым подозреваемым. В деле Лидии они никогда не копали глубже, и Фэй думает о Корделле Льюисе, отсидевшем в тюрьме все эти годы, умоляя хоть кого-нибудь поверить ему. Теперь это наконец случилось. Но история повторяется: мы снова здесь.

– Этот парень не сказал нам, что видел ее в ту ночь, когда она исчезла. Мы нашли доказательства в ее мобильном, который был в машине. Они общались в ту ночь, но насколько долго и по какому поводу, мы пока пытаемся выяснить. Мы считаем, что именно он вел ее машину и оставил ее там. Мы думаем... – Он прерывается, и она чувствует, как ее сердце прыгает к горлу во время этой мучительной паузы.

Фэй сглатывает:

– Думаете – что?

Он переминается с ноги на ногу и отводит глаза.

– Мы не знаем наверняка, – отвечает он.

– Не ври мне! – говорит она, и ее собственный голос режет ей уши. – Не смей начинать врать мне сейчас!

Он подходит к ней, и его спокойное лицо выражает искреннее сочувствие – так же, как прошлой ночью, когда он увещевал ее насчет тех репортеров во дворе.

– Это конфиденциальная информация, не более того. Я не скрываю от тебя ничего важного.

Она скрещивает руки и поднимает брови, глядя на него выжидающе.

Он колеблется под ее взглядом, открывает рот, раздумывает, закрывает снова.

– Не смотри на меня так, – бормочет он. – Ты же знаешь, я скажу тебе все, как только смогу, Фэй.

Он протягивает руки и прижимает ее к себе – чтобы она перестала

смотреть на него так, чтобы установить с ней контакт. Фэй знает, что тут нет сексуального подтекста, так что не возражает. Пока она верит в это, она позволяет и себе верить, что ее намерения тоже чисты. Она отрицает томление внутри, порожденное его прикосновениями, отрицает глубокую потребность в его объятиях – его и ничьих других. Она осматривает окна, чтобы убедиться, что жалюзи закрыты, прежде чем позволяет себе зарыться лицом ему в грудь. Они стоят тихо и неподвижно в течение нескольких минут. Она слушает сокровенный звук биения его сердца, ритм его дыхания.

Они целуются прежде, чем успевают подумать, что делают. А когда она понимает, события уже развиваются слишком быстро, чтобы отступить. По крайней мере, это то, что она скажет себе позже: *все происходило слишком быстро. Я просто не могла это остановить. Это судьба.* Не позволяя мыслям о происходящем, обо всех правилах, что они нарушают прямо сейчас, оформиться в своей голове, она тянет его к спа-креслу, которое установила, чтобы расширить бизнес и начать предлагать клиенткам процедуры по уходу за лицом. Так она сказала всем, и это не было совсем ложью. Процедуры действительно проводили.

На самом деле она надеялась, что однажды наступит этот момент. И бесчисленное количество раз бросала взгляд на кресло, установленное в задней части магазина, такое безобидное на вид, но на самом деле купленное с особой целью. Да, это так, она заказала его потому, что в разобранном виде оно было достаточно широким и удобным, чтобы в нем могли уместиться двое, которым больше некуда идти.

Помещение заливают свет автомобильных фар с парковки, и они оба замирают полураздетые. Она знает, что он так же боится, что их поймут, как и она, – особенно сейчас, в разгар расследования, когда их жизни снова пересеклись. Все слишком запутано, гораздо сильнее, чем когда-либо. Но машина просто объезжает стоянку. Когда в салоне снова воцаряется темнота, Фэй впервые говорит *это* вслух, впервые пробует *это* на нем, в безопасном месте, не заботясь, если *это* испортит настроение – зная, что не сейчас.

– Я думаю, она мертва, – говорит она, и ее голос звучит ясно и твердо в пустоте магазина.

– Не говори так, – тут же откликается он.

– Ну а что еще это может быть? – с вызовом спрашивает она, отстраняясь от него настолько, насколько позволяет кресло. – Разве не об этом ты решил промолчать?

Она прикрывает грудь руками, вдруг осознав, что они оба голые,

осознав, что она не из тех, кому дозволено видеть его раздетым, что она ничем не лучше воровки, преступника – как те, которых он ловит на работе. И все же сейчас она не в силах предотвратить преступление.

Все продолжается с тех пор, как не стало Лидии. Они сблизилась во время расследования, это было неизбежно. Другой полицейский – из тех, что не были женаты, – пригласил ее на свидание прямо в присутствии Хэла, и она сказала «да», потому что ей было одиноко, потому что она только что подала запрос на раздельное проживание с мужем, оставшемся в Вирджинии, мужчиной, которого она боялась, мужчиной, неожиданным спасением от которого для нее стал телефонный звонок поздней ночью.

В следующий раз, когда они с Хэлом оказались наедине, он попросил ее не ходить на свидание с тем парнем. Она разозлилась. Вместо ответа на ее «Почему, черт возьми?» он обнял ее и прижал к себе, и она поняла, в чем дело. Фэй была уверена, что только она одна испытывает эти неуместные чувства. Но оказалось, что это не так.

Но за исключением того единственного раза в мотеле где-то между Вирджинией и Южной Каролиной они больше не переступали черту. Они сказали себе, что дело только в Лидии, что каждый из них пойдет своей дорогой, как только они перестанут проводить так много времени вместе. Но их чувства не остыли, когда за Корделлом Льюисом захлопнулась дверь тюремной камеры. Она воспитывала своих детей, а он воспитывал своих вместе с женой Брендой. Она даже годами стригла Бренду, узнавая попутно, что та куда больше интересуется тремя дочерьми, чем своим мужем.

Иногда Фэй говорит себе, что именно поэтому Хэл и нуждается в ней, поэтому и приходит к ней, поговорить, разобраться, найти поддержку. Фэй понимает, что ему нужна женщина, которая выслушает его, – и на эту роль не подходит та, что растит его троих детей.

Зато подходит она, так уж сложилось. Она поддержала его решение баллотироваться в шерифы, он посоветовал ей выкупить магазин у ее босса. Они были друзьями, они соблюдали правила, которые составили во время долгой поездки домой наутро после ночи в мотеле. Они проделали чертовски хорошую работу, запретив себе все, – за это Фэй может поручиться. Они не позволили никому узнать правду.

Но теперь, когда Энни нет, она чувствует себя обнаженной. Ее любовь к другому мужчине, ее ложь, все ее грехи словно освещает теперь яркий луч прожектора, и все они настигают ее в одном безумном вихре. Она вспоминает взгляд Трэвиса Дава – такой, будто он один знает, что она прячет в своем черном сердце. Она борется с желанием исповедоваться

мальчишке-пастору, пусть даже он не священник, а она никогда не заходила в католическую церковь. Она слышала, что исповедь полезна для души. Но единственный человек, которому ей следовало бы исповедаться на самом деле, исчез.

Она так долго рассказывала всем одну и ту же историю – о том, какая она святая, пожертвовала всем, что у нее было, чтобы спасти бедную осиротевшую девочку, – что сама начала в нее верить. Она поверила в нее так сильно, что позволила поверить и Энни. Она позволила Энни поверить в то, что это она, Фэй, спасла ее, хотя на самом деле все было наоборот. Ей так нужен шанс рассказать Энни все, открыть ей правду. Ей нужен всего один шанс все исправить, но она боится, что больше никогда не получит его. Она начинает плакать, и тихие всхлипывания быстро превращаются в рыдания. Хэл прижимает ее к себе – так крепко, как только возможно: щека к щеке, грудь к груди, плечи к плечам, бедра к бедрам. Впервые за многие годы ничто не разделяет их.

* * *

Звонок его телефона будит их обоих. Фэй подскакивает, в ужасе от мысли, что на другом конце линии разъяренная Бренда. Его жена никогда не произносила ни единого дурного слова об их отношениях, никогда даже не намекала на возможную супружескую неверность. Она доверяет мужу безоговорочно, и от этого Фэй чувствует себя отвратительно, особенно сейчас, когда в полной мере ощущает ее незримое присутствие. Она, Бренда Йорк, бывшая королева красоты, всегда вызывала у Фэй замешательство. Уважаемая и обожаемая всем городком, Бренда слыла человеком с безупречной репутацией, и поначалу Фэй не могла взять в толк, что Хэл мог найти в ней самой, когда у него есть такая жена. Однако прошло время, и Фэй поняла, что, каким бы совершенством ни была Бренда, она не умела увлечь, расшевелить мужа. А Хэлу иногда нужна была встряска.

Дослушав разговор Хэла до конца, она соображает, что на другом конце линии не отчаявшаяся найти его жена, а некто, сообщивший новые детали текущего расследования. Серьезные детали. Хэл кладет трубку и смотрит на Фэй, нахмурившись, она понимает, что речь шла об Энни.

«Пожалуйста, не говори, что она мертва», – думает она, хотя всего несколько часов сама просила его об этом.

– Что? – спрашивает она и слышит панику в собственном голосе. В

салоне темно, но она различает знакомые очертания: ряд фенов, раковины с фарфоровыми выемками, куда женщины помещают свои тонкие шеи, три зеркала и стулья, у которых она и два других стилиста проводят почти весь день. Это место, где рождается красота, думает она. Свет мой, зеркальце, скажи...

– У Корделла проблемы, – говорит он. – Несколько мужчин заявили к нему, требуя выдать им Энни. Они убеждены, что она у него, и отказываются уходить, так что его сестра позвонила в полицию. В основном это просто пьяницы, они, вероятно, безвредны, но мне лучше проверить все самому. – Он смотрит на Фэй, чтобы убедиться, что она понимает, о чем он говорит. Она кивает, чувствуя, как от услышанного испаряются последние остатки сна.

– Но ты же не думаешь, что это действительно он, верно? – спрашивает она. Ее вопрос полон надежды, но голос звучит слабо и неуверенно. Она прочищает горло.

Хэл хмуро качает головой, его губы сжимаются в тонкую линию.

– Конечно нет. Мы допросили его. У него лучшее алиби из всех возможных: когда Энни пропала, с ним был его адвокат. И его сестра тоже. – Он делает паузу. – Все было бы проще, если бы это был он.

Он касается губами ее щеки, но в этом жесте нет эмоций. Мысленно он уже вышел за дверь, сел в машину и мчится к дому Корделла Льюиса, где всю разворачивается сцена. Она понимает его. Из нее бы вышла хорошая жена полицейского. Жаль, что право первенства принадлежит Бренде Йорк.

– Кое-что еще, – добавляет он. – Это насчет того парня, Спейси. – Он поднимает брови, чтобы убедиться, что она следит за ходом его мысли.

Она кивает.

– Мне, наверное, не следовало бы тебе этого говорить, но ребята проверили вышки сотовой связи. Похоже, что Энни была у него дома или где-то поблизости в ночь исчезновения. Именно поэтому мы и взяли его сегодня вечером на службе. – Он делает паузу. – Я подумал, ты захочешь узнать...

– А я подумала, ты скажешь мне, когда сочтешь нужным.

Пульс Фэй ускоряется при мысли, что Энни солгала ей, сказав, что якобы проведет ночь у Трейси. Фэй сломала голову, пытаясь вспомнить, кто такой этот Кенни Спейси. Все, что ей удалось наскрести в памяти, – смутный образ тихого пятнадцатилетнего пацана, который смотрит только на Энни. Высокий и худой, полоски бледной кожи торчат из-под штанов, из которых он давно вырос. Она еще подумала, что мальчишка похож на

богомолы – такие же огромные глаза на маленьком лице.

– Ты ведь знаешь, что этот парень влюблен в тебя, верно? – спрашивала она у Энни.

– О, тетя Фэй, – всегда отмахивалась Энни, давая понять, что ни о каком Кенни и речи быть не может.

– У меня от него мурашки по коже, – заметила как-то Фэй – всего один раз. А видимо, следовало повторять это куда чаще.

Хэл пытается подняться и морщится. Они так и заснули, переплетясь в этом дурацком кресле. Они слишком стары, чтобы заниматься тем, чем занимались, они заблуждались, снова вообразив себя юнцами, и Фэй никогда не понимала этого лучше, чем теперь. Она не боится того, что в ближайшие годы они потеряют друг к другу интерес или разойдутся. Нет, они просто будут стареть и терять энергию, нужную, чтобы продолжать дружбу, которая никогда не станет чем-то большим. Двигаться в ритме обычной повседневной жизни уже непросто, но все же она не может представить себе эту жизнь без него. Она боролась за их странные отношения слишком долго, чтобы сдаться. Она любит его и знает, что он тоже любит ее. Он любит ее так, как не может любить свою жену, хотя ту он тоже любит по-своему. Ох, как бы ей хотелось быть его женой. Но их никогда ничто не связывало – вплоть до того дня, как она вошла в участок и увидела его с малышкой на руках. Только тогда Энни не желала его отпускать, а теперь Фэй.

Она тоже пытается встать и получает по заслугам. Со стоном Фэй тянется к своей одежде. Они не смотрят друг на друга, пока одеваются, – негласное соглашение, необходимая граница между ними здесь и сейчас и теми людьми, которыми они были до входа в салон. За годы она научилась делать вид, что он для нее такой же человек, как другие. Научилась уместать невероятное количество эмоций в крохотные промежутки времени. Жить, как живет она, нельзя, понимает Фэй. Но сейчас у нее нет времени это обдумать.

Мгновение Хэл смотрит на кресло, и его лицо приобретает лукавое выражение. Она закатывает глаза.

– Не воображай о себе слишком много. Это ничего не меняет, – говорит она ему, хотя, конечно, это ложь. Ушли десятилетия на возведение стен, но хватило одной ночи, чтобы обрушить их до основания.

– Я просто думал, как хорошо, что у тебя есть это кресло. Оно нам здорово пригодилось.

Она краснеет и бросает на него смущенный взгляд.

– Что такое? – подначивает ее он, и игривая улыбка выдает, как он

доволен собой.

Она пожимает плечами.

– Возможно, я и думала о чем-то таком. Это кресло пригодилось бы, ну, ты знаешь, если возникла бы... неожиданная ситуация.

Он поднимает брови, и его улыбка становится шире.

– Думала, значит?

Она поднимает глаза и едва заметно улыбается ему – максимум, который она может позволить себе в сложившихся обстоятельствах.

– Может быть, – отвечает она.

– Что ж, попытаюсь выбросить мысли об этом из головы.

– Так я тебе и поверила.

А затем волшебство рассеивается так же внезапно, как и окутало их. Они вспоминают, кто они, где находятся и что происходит. Не сговариваясь, они тихо опускаются обратно в кресло, сидят бок о бок, и их дыхание синхронизируется, пока они пытаются собраться с мыслями. Да, между ними кое-что произошло. Но это ничего не значит на фоне того, что действительно важно.

Она первой решается вернуть разговор в прежнее русло:

– Тебе лучше поторопиться.

Хэл подается вперед и кивает. У него залысина на затылке – крохотное пятнышко голой кожи, заметное, только если приглядеться. За все время, что она знает его, оно разрослось до размера пятидесятицентовика – медленное, планомерное облысение, о котором он, кажется, и не подозревает. Фэй задается вопросом, что будет дальше: будет ли она рядом, чтобы подмечать, как Хэл постепенно теряет волосы, или однажды просто наткнется на него в продуктовом магазине. Он будет покупать запас булочек для гамбургеров; она – еду для микроволновки на одного. Они поболтают пару минут, сохраняя формальный тон, как уже давно наловчились делать на случай, если кто-то смотрит. Потом он уйдет, и она обернется, чтобы взглянуть на него в последний раз. Тогда-то она все и заметит. Она увидит, что пятнышко стало величиной с кулак.

Он целует ее в макушку, но в мыслях он уже далеко от нее, в своей машине, мчится на место происшествия. Фэй не против. Фэй привыкла к этому. Хэл поднимается, и она слышит, как протестующе хрустят его суставы.

– Я позвоню тебе позже, – говорит он.

Она кивает, но прежде, чем он успевает сдвинуться с места, хватает его за руку. Он оборачивается, удивление написано на его лице. Обычно Фэй не пытается остановить Хэла. Это тоже негласное правило: каждый

свободен уйти в любое время, вернуться к своей другой жизни. Только вот, понимает Фэй, «другая жизнь» есть только у него. Он женат, у него дочери, одна из них недавно родила первого ребенка. Хэл теперь дедушка. (Он показывает ей фотографии маленького мальчика почти каждый раз, как они встречаются, а она старательно изображает интерес.)

Жизнь Фэй, напротив, мельчает с каждым годом. Ее семья сокращается, а не растет. У нее нет второй половинки, спутника жизни, или как там принято называть этого человека сейчас. Ей некого любить, кроме Хэла. И это неправильно. Ее жизнь, если так посмотреть, бесконечно далека от той, какой она могла бы гордиться. Она чувствует, как что-то нависает над ними, что-то страшное, что-то мучительное. Но вряд ли Хэл тоже чувствует это, и она не скажет.

Все, что она говорит: «Пожалуйста, не ставьте на ней крест». Она не пытается скрыть отчаяние в голосе – никогда не умела обманывать его, потому что он слишком хорошо ее знает. Он не отвечает ей; а просто уходит, и она смотрит ему вслед. В темной комнате ей не видно бледного пятнышка на его затылке, но знает, что оно там.

Кенни

Полицейский, вошедший в комнату для допросов, вырывает его из беспокойного сна. Он спит за столом, как привык делать еще в школе: положив голову на скрещенные руки. Ему снится Энни: Энни идет с ним вдоль реки, ее рука покоится на его локте, ее голова – на его плече. Кенни просыпается в панике и, не понимая, где он находится, оборачивается влево – туда, где спала бы его девушка, будь он в своей постели. Но, конечно, ее там нет и не было бы, даже окажись он дома. Нужно обязательно приучить себя спать в середине кровати, думает он, пока полицейский, уже усевшийся напротив, толкает в его сторону банку колы. Может быть, так он быстрее привыкнет к ее отсутствию. Может, это поможет его мозгу скорее смириться с ее уходом.

После того как девушка забрала свою сумку и покинула квартиру, ему пришло сообщение. В нем она писала, что пока не может принять окончательное решение, не знает, как поступить дальше, что ей нужно больше времени. Но Кенни понимает, это просто доброта. Она предаст его – но предаст нежно. Ей будет требоваться все больше и больше времени, пока в конце концов они оба просто не сдадутся. С ней все будет хорошо, она продолжит жить дальше, но продолжит ли он? Ведь это первая

девушка, кроме Энни, которая была ему действительно дорога. Она помогла ему поверить, что после Энни тоже есть жизнь. Пока они были вместе, он был полон надежд, оптимистично смотрел на вещи, хотя обычно ему это не свойственно. Что там говорят: любовь делает из человека идиота? Да, уже не в первый раз он поглупел из-за любви.

И все же после Энни жизни нет, и он знал это всегда. Он знал это с того самого первого разговора с ней, еще в школе. Тогда красивая девочка вдруг заступилась за странноватого мальчика, и это положило начало дружбе. Именно тогда, в тот самый момент он и пропал, пропал безвозвратно и вся его жизнь была разрушена. Но он не хочет думать об этом сейчас, это слишком грустно. Сейчас он хочет рассказать полицейским все, что потребуется, и убраться отсюда.

Коп открывает свою банку колы, и этот звук кажется оглушительным в тесной комнате для допросов. Кенни заставляет себя сделать неторопливый, аккуратный глоток, изо всех сил стараясь оставаться спокойным, чтобы *изобразить* спокойствие. Но он ненавидит копов. Ненавидит с тех пор, как в десятом классе он попался на воровстве из-за парней, которые, притворившись его друзьями, пригласили его в торговый центр в Гринвилле, а затем обстрипали все так, будто он ворует, хотя его подставили. «Эй, поддержи сумку», – сказали они, и он доверчиво послушался, а потом пришли полицейские и взяли его прямо с украденными вещами в руках.

Конечно, копы поверили этим парням, потому что у тех были хорошие семьи и богатые отцы. Зачем им было вообще воровать? У Кенни же отца не было вовсе, мать едва сводила концы с концами, а сам он оказался глупцом настолько, чтобы думать, что он кому-то правда понравился, что наконец-то нашел настоящих друзей. На следующий день в школе все насмеялись над ним, обзывали вором и могли бы спокойно делать это до самого окончания старших классов, если бы Энни не вмешалась. Энни всегда спасала его задницу. Но сейчас Энни здесь нет.

Еще один полицейский заходит в комнату для допросов и садится рядом с первым, который вручил ему колу. Этот не теряет времени и сразу переходит к сути.

– Мистер Спейси, у нас к вам несколько вопросов, – начинает он с места в карьер, пока его напарник просто сидит рядом, изображая молчаливое участие.

Он, прищурившись, смотрит на этих Труляля и Траляля.

– Вы арестовываете меня? – спрашивает Кенни.

Говорливый отвечает с ухмылкой:

– Считаете, стоит, мистер Спейси?

– Нет. Но вы держите меня здесь уже целую вечность и до сих пор не дали мне позвонить. – Он смотрит на часы. Глубокая ночь. С тех пор как они забрали его из церкви, прошло несколько часов. – Разумеется, в такое время я уже не могу будить своего адвоката.

Он блефует. У него нет адвоката, вообще нет идей, кому можно позвонить. Он должен был сделать звонок раньше и подготовиться еще тогда, когда они приходили к нему в первый раз, – должен был подстраховаться. Теперь он казнит себя, что не сделал этого. Остается только продолжить блефовать.

– Я буду отвечать на ваши вопросы только в присутствии своего адвоката.

Он знает, как это работает: если ты отказываешься отвечать на вопросы, все думают, то ты виновен. Если ты нанимаешь адвоката, все равно думают, что ты виновен. И все же люди, которые добровольно и открыто общаются с полицией, часто очень сожалеют об этом.

Получив такой отпор, офицер поднимается.

– Что ж, тогда мы подождем, пока вы выйдете на связь с вашим адвокатом. Как только он доберется сюда...

– Или *она*, – вставляет Кенни, просто чтобы позлить стража порядка.

Парень закатывает глаза и поправляется:

– Как только он или *она* доберутся сюда, мы вчетвером сядем и мило поболтаем, – говорит он, и Кенни думает, что фраза «мило поболтаем» никогда не звучала настолько зловеще.

Полицейские покидают комнату. Они оба в штатском, поэтому Кенни думает, что это детективы. Когда дверь захлопывается, он сожалеет, что заговорил об адвокате, вместо того чтобы просто ответить на вопросы, – теперь они подозревают его еще больше. С другой стороны, он догадывается, что они нашли и о чем спросят его, и знает, что ответы им не понравятся. Кенни знает, что как только они начнут задавать вопросы, он уже не покинет этот участок, а отправится напрямиком в здание суда или тюрьму. Он жил в этом городе достаточно долго, чтобы понимать, как все тут устроено. Когда люди видят его, их руки автоматически тянутся за факелами и вилами. Того, что нашли полицейские, вполне достаточно, чтобы зажечь искру – а они готовились к этому с того самого момента, как он появился в городе.

Она приходит домой и обнаруживает Трэвиса неподвижно сидящим на диване, сжимающим в руках телефон и глядящим в пустоту. Никаких признаков Клэри, Трейси или Скотта. Она не намерена спрашивать о своей дочери Трэвиса, а от Трейси пришло сообщение, что они со Скоттом ушли в бар – тому необходимо залить стресс после поездки к машине Энни. Однако если они не решили выпить вразнос, то уже должны были вернуться. *Бог знает, что там творится между этими двумя*, и Фэй это определенно не нравится, особенно когда это происходит в ее доме, но какое право она имеет осуждать после того, что сама только что делала с Хэлом? Ей следовало бы спросить Трэвиса, где именно в Библии написано о людях без греха, бросающих первый камень. Фэй могла бы поспорить, уж он-то в точности знает, где искать эти строки – и главу, и стих.

Впрочем, кое-что она и сама знает – несчастье вскрывает и лучшее, и худшее в людях. Состояние полусна, нереальности происходящего, всегда сопровождающее трагедию, создает иллюзию, что можно творить что угодно – и это не будет иметь никакого значения. Эта свобода – своего рода пропуск, дающий право делать что хочешь и к черту последствия. Так что она будет держать рот на замке насчет Трейси и Скотта только потому, что ненавидит лицемеров и сама не намерена становиться одним из них.

Трэвис, к счастью, не спрашивает, где она была и чем занималась. Он просто кивает и утыкается в телефон. Она не понимает, почему он здесь, почему не снимет комнату в отеле или даже просто не уедет домой. Она задается вопросом, как надолго он собирается задержаться у них и почему вообще решил это сделать. Он не их пастор, и он ничего им не должен. Его пригласили провести свадебную церемонию, но свадьбы не будет. Его ждет мегацерковь^[10], его ждет любящая жена, его ждет преданная паства. И все же вот он здесь – в утренних сумерках на ее диване, задумчивый и потерянный. И этот потерянный взгляд останавливает ее, не дает просто уйти в свою комнату и лечь в кровать, как бы ей этого ни хотелось.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Он с удивлением поднимает глаза от телефона и моргает несколько раз.

– Чт... что?

– Ты выглядишь расстроенным. Я имею в виду, что, конечно, ты расстроен – как и все мы. Но... может, я могу чем-нибудь помочь? – Она сама не знает, что говорит. Она слишком устала и плохо соображает. Она жалеет, что вообще решила открыть рот.

Трэвис растягивает губы в подобии улыбки и смотрит на нее.

– Вы спрашиваете, можете ли вы что-нибудь для меня сделать, хотя это

я должен предлагать помощь, – говорит он. Она наблюдает, как легко он переключается на роль пастора – словно надевает солнечные очки. Ей хочется остановить его, объяснить, что он не должен делать этого, напомнить, что она знала его задолго до того, как он стал тем, кем является сейчас. Но она этого не делает.

Она чувствует, что прошлое – это территория, на которую Трэвис предпочел бы не ступать. Она не винит его. Его прошлое не очень-то совместимо с настоящим. Она вспоминает, как нашла его на пороге своего дома с рвотой на футболке и именем ее дочери на губах. Она вспоминает, сколько раз ее вызывали в школу или в полицейский участок, чтобы забрать Клэри, пойманную за очередным безумным хулиганством в компании Трэвиса. В юности они были теми еще оторвами.

Фэй не думала о той Клэри – Клэри – трудном подростке – много лет. Она привыкла к текущей версии, той, что вернулась из Шарлотта, куда ездила залечивать свои раны после разрыва с Трэвисом. Она хотела убежать от воспоминаний, которые поджидали ее в каждом закоулке Ладлоу, так что уехала в ближайший город покрупнее, нашла там работу и жилье. Хотя Фэй и скучала по Клэри, она все поняла. Клэри вернулась из Шарлотта другим человеком. Фэй объяснила это тем, что Клэри повзрослела, созрела. Но иногда она задумывалась, не было ли тут чего-то еще. Она испытывала такое огромное облегчение от того, что Клэри вернулась, что не давила на нее ни по какому поводу, опасаясь, что, если она это сделает, Клэри снова сбежит. Но теперь она думает, что, возможно, следовало проявить настойчивость.

– По-моему, странно снова оказаться здесь, – говорит она Трэвису, потому что не может придумать ничего лучше.

– Да, я нечасто здесь бывал. Столько дел с церковью и всем остальным. А когда мои родители умерли, просто не осталось причин.

– Мне было жаль услышать о них обоих.

– Да, – соглашается Трэвис. – Когда мама умерла, отец словно утратил волю к жизни. Все слышали, что такое случается, но я никогда не думал, что сам столкнусь с чем-то подобным. Он просто угас. – На лице Трэвиса на мгновение отражается тоска. – Думаю, я никогда не понимал, как сильно он ее любил, пока это не случилось. Все, что я помнил, – только ссоры. – Он пожимает плечами. – Знаете, это было даже мило, если можно так сказать. Он просто не смог жить без нее. – Трэвис гордо улыбается. – Умер через шесть месяцев после нее. И я рад, что знаю, где они оба сейчас. Они спаслись годом ранее. – Он кивает. – Из всех вещей, которых я добился после отъезда, больше всего я горжусь этим.

– Я слышала, они бросили пить, – говорит Фэй.

– Да. И иногда я спрашиваю себя, не это ли их и убило. Их тела так привыкли к алкоголю, что просто не знали, как функционировать без него. – Он смотрит на нее. – Как вы думаете, это возможно?

Она выдавливает из себя слабую, невеселую улыбку:

– Думаю, все возможно.

Он улыбается в ответ, на этот раз улыбка озаряет все его лицо, и она понимает, что именно заставляет людей тянуться к нему, покупать тот товар, что он продает.

– Так сказано в Библии.

– Что ж, тогда нельзя исключать и вероятность того, что мне удастся немного поспать сегодня ночью, – шутит она, чтобы немного поднять им обоим настроение.

– Спокойной ночи, Фэй, – говорит Трэвис. – И спасибо за гостеприимство. Надеюсь, если вы когда-нибудь будете во Флориде, мне удастся отплатить той же монетой.

– Конечно, – отвечает она и, махнув ему рукой на прощание, удаляется в спальню. Там она снимает туфли и забирается в постель, даже не потрудившись раздеться. Она поудобнее устраивается на подушке, натягивает одеяло до подбородка и закрывает глаза, вслушиваясь в царящую в доме тишину. Она думает о Хэле, в спешке покинувшем ее, чтобы помочь Корделлу Льюису спастись от разъяренной толпы. Она гадает, вспоминает ли он все еще о ней или уже выкинул их свидание из головы. Хэл всегда умел расставлять приоритеты. Она снова закрывает глаза, стараясь ненадолго забыть и о Хэле, о Корделле Льюисе, и о своей пропавшей племяннице, главной героине всей этой истории.

Она потеряла Энни однажды, когда та была маленькой, – всего раз, но, когда речь идет о подобном, послужного списка из одного пункта вполне достаточно. На протяжении всего детства Энни она чувствовала присутствие Лидии рядом, ощущала, как та наблюдает за ней, оценивает ее действия, выставляет баллы за достижения в деле материнства. Лидия, тот еще ангел, с рожками и копытцами, восседала на ее плече, выдавая что-то вроде: «Думаешь, конфеты – хорошая идея? Хочешь, чтобы у нее зубы испортились?» Или «О, ты забыла подписать разрешение? И как она теперь поедет на школьную экскурсию?!». Или «Ты потеряла моего ребенка? Я тебе доверяла, а ты просто ее проворонила?».

И так далее. Как выяснилось, Лидия, ее невыносимая еще при жизни сестрица, осталась такой же и после смерти.

В свою защиту она может сказать, что отвернулась всего на секунду.

(Впрочем, разве не все так говорят?) Они были на ярмарке. Клэри тянула ее в одну сторону, Энни – в другую. Клэри хотела на карусель, а Энни – покататься на аттракционе с кабинками, и обе имели привычку тянуть ее в разные стороны, словно пытаюсь разорвать пополам.

Она повернулась, чтобы отругать Клэри (она всегда ругала ее первой: обвинять своего собственного ребенка вместо племянницы было удобнее, выставляя ту вечной гостьей в собственном доме), и на время отпустила руку Энни. Клэри спорила (Клэри всегда спорила), и после того, как Фэй закончила с ней, она повернулась поговорить с Энни. Но Энни исчезла.

Она все еще помнит, каково это было – увидеть пустое место рядом, затем посмотреть дальше – направо и налево – и не найти никого в бурлящей толпе. Выкрикивать имя Энни, привлекая всеобщие взгляды. Сжимать руку Клэри так крепко, что та вскрикивала от боли. При этом она не обращала никакого внимания на Клэри; она просто звала Энни все громче, обыскивая взглядом толпу. Так много лиц, но ни одного нужного ей.

Все это время она чувствовала Лидию на своем плече, Лидию, разочарованно покачивающую головой. Хотя Энни пропала примерно на три минуты (они нашли ее... где же еще? – конечно, у аттракциона с кабинками, на который она так хотела), это были самые длинные, самые страшные три минуты в ее жизни.

И вот она снова переживает этот кошмар, только теперь три минуты превратились в три дня, и она больше не может избавиться от паники и чувства, что совершила непоправимую ошибку. Она подвела свою сестру, свою бедную мертвую сестру, которой не посчастливилось прожить собственную жизнь. Единственное, что она могла для нее сделать, это позаботиться о дочери. Но ей даже это не удалось.

Она вздыхает, думая, что, возможно, ей следует попросить Трэвиса помолиться с ней. Может быть, это успокоит ее нервы. Но она не хочет молиться с Трэвисом. Она не желает молиться ни с кем. Она просто хочет двигаться дальше, загрузить себя делами, выбросить все из головы. Потому что мысль об исчезновении Энни заставляет ее думать и о многом другом – о том, что, как она твердит себе последние двадцать три года, нужно забыть.

Она сбежала в Ладлоу и написала себе новую историю – ту, которой управляла сама, ту, что кончалась счастливо, пусть и начиналась с трагедии. Они с девочками стали семьей, феникс восстал из пепла. Их единение стало символом надежды и триумфа для этого города, и это именно то, чего она хотела. Конечно, первые несколько недель она продолжала говорить

себе, что вернется в Вирджинию, вернется к мужу, сделает, что ожидали от нее люди дома. Но когда она посмотрела на Энни, она поняла, что не может забрать ее от всего, что та знает. Она не могла представить, каково это – внезапно притащить ребенка в дом, жизнь в котором становилась все более непредсказуемой, а хозяин – все более опасным.

Это та часть, которую, кроме Хэла, она никому никогда не рассказывала. Когда люди говорят ей, какой она хороший и добрый человек, раз пожертвовала собственной жизнью, чтобы помочь Энни, она просто улыбается и говорит, что это пустяки. Она позволяет людям верить, что она – та самая исполненная альтруизма, благородная душа, что ставит благополучие Энни превыше всего. Она никому не рассказывала, что в ту ночь, когда ей позвонили, муж ударил ее в живот – он всегда старался бить в те места, где синяки не видно, – ударил настолько сильно, что она на мгновение потеряла сознание и пришла в себя, скрючившись на полу.

Теперь она не помнит, почему он ее ударил. Это случилось безо всякой причины. Это могло произойти просто потому, что у него выдался плохой день на работе, а она не догадалась улыбнуться ему, как только он вошел в дверь. Она никому не рассказывала, что, когда он заснул позже тем вечером, она перебирала в голове способы убить его так, чтобы никто ничего не заподозрил. Она думала об этом совершенно серьезно.

Потом на тумбочке у кровати зазвонил телефон, звон пронзил тишину, разрезав ее жизнь надвое: до и после. Ее муж нащупал трубку, рывкнул «Да?», а затем резко сел, когда человек на другом конце представился полицейским. Этим человеком – теперь она знает – был Хэл Йорк, молодой сотрудник полиции, отчаянно пытавшийся найти кого-нибудь, кто приедет и заберет ребенка, приклеившегося к нему, словно липучка.

Ее муж позволил ей поехать к Энни, но с условием, что она привезет Энни к ним домой, когда ситуация прояснится. Это то, что она обещала ему, уходя: она возьмет Клэри, съездит за Энни и телом Лидии и вернется с ними обеими: Лидией, чтобы похоронить, и Энни, чтобы вырастить. Она и сама не знала, что бросает его, когда закинула одежду в сумку, посадила спящую Клэри в детское кресло, села в свою древнюю «Хонду Аккорд» и поехала сквозь ночь на помощь пострадавшей племяннице. Это была спасательная операция. Ушли годы, прежде чем она поняла, что спасала себя саму.

И все же, когда первые горожане принялись говорить ей, какой она чудесный человек, она впитывала каждое слово, словно губка. Более того – она расцвела под их обожающими взглядами. В Ладлоу она стала кем-то новым, кем-то другим. Она больше не была женой Ти Дджея Уилкинса, она

не была дочерью своего отца. Она могла стать кем угодно, кем ей только заблагорассудится. В Ладлоу она начала понимать, почему Лидия не вернулась после того, как ее муж погиб в автокатастрофе. Теперь-то она знала, что Лидия создала себя заново. Так поступила и Фэй. Чем дольше она оставалась, тем больше привыкала, тем больше ей открывалось хороших вещей, вошедших в ее жизнь вместе с трагической смертью сестры. Все сложилось в точности как говорят в народе – нет худа без добра. Смерть Лидии стала пропуском Фэй в совершенно новую жизнь, никак не связанную с прошлым, с жалкой женщиной, которой она была в браке, не принесшем ей счастья.

В Ладлоу Фэй расцвела, как будто почва здесь была благодатнее, плодороднее, чем в ее родном городе. Здесь никто не считал ее посредственной парикмахершей второсортного салона, девушкой, которая училась на косметолога только потому, что ее родителям был не по карману колледж. В Ладлоу она стала хозяйкой одного из самых популярных салонов красоты в городе. Черт возьми, да она даже присоединилась к Торговой палате! Она стала кем-то, и не просто кем-то, а образцом альтруизма, ангелом на земле. Неординарной личностью.

Когда Энни выросла, ей твердили об этом практически все. И Фэй не стала спорить и позволила этому стать ее правдой – ее и Энни. Да, она была человеком, который пожертвовал всем ради ребенка, который бросил все, чтобы переехать и ухаживать за малышкой, дабы оградить ее от новых потрясений. Да, Энни была обязана Фэй за все, что она сделала, за то, что говорят люди. Девочка приняла их слова за истину, и Фэй тоже, это и сделало их тем, кем они стали. Это задало направление. Потому что – и теперь Фэй знает это наверняка – чем больше вы думаете о желаемом, тем легче принимаете его за действительное, пусть даже на самом деле все совсем не так.

Ты должна быть благодарна, давила она на Энни – и словами, и действиями – всю ее жизнь.

Она отбрасывает одеяло и садится в постели, так и не принесшей ей желанного успокоения. От собственных мыслей не убежишь, и нигде не скроешься от страха, что у нее больше никогда не будет шанса исправить все с Энни. Она опускает ноги на пол и сидит так некоторое время, пока тоска всей своей мощью не набрасывается на нее, как ястреб набрасывается с небес на полевою мышь. Она чувствует, как тяжесть наполняет ее тело. У нее больше никогда не будет шанса признать, как же она ошиблась, заставив ребенка поверить во все что угодно, но только не в то, что их соглашение было выгодно им обоим. А возможно, ей даже

больше.

Лорел

Уже очень поздно, и они с Деймоном трудятся в офисе «Вестника» над статьей о бдении по Энни, когда оживает полицейская рация: шериф Йорк вызван в дом Корделла Льюиса. Разъяренная толпа требует, чтобы он выдал им Энни, которую, как они уверены, он держит у себя. У набирающей обороты драмы намечается новый виток, и, несмотря на поздний час, Лорел не должна пропустить это. Она хватается сумочку и направляется к двери, не говоря ни слова Деймону, решив, что он тоже слышал сигнал и понимает, что она делает.

Она понимает, что совершила ошибку, когда Деймон выбегает вслед за ней.

– Эй! Эй! – окликает он ее обеспокоенно.

Она замирает, и он догоняет ее как раз перед дверью. Они оказываются так близко друг к другу, что она может видеть маленькие морщинки у его глаз. Однажды они станут полноценными морщинами, но пока являются лишь намеками на приближающуюся зрелость. Она читает в его глазах усталость. Она до сих пор не понимает, почему он остался работать с ней. Она не раз говорила, что он ничем ей не обязан, но он хотел разместить в ее статье свои фотографии.

– Извини за слова, что из нас вышла отличная команда. Надеюсь, ты не... восприняла это всерьез... – говорит он, вспоминая сказанное им за несколько минут до того, как пришло сообщение на рацию. Он встает так, что оказывается прямо перед дверью, закрывая ей выход. На его лице беспокойство. «Он думает, я ухожу из-за его слов», – понимает она.

– Н-нет, – отвечает она. Он ее начальник. Молодой, избалованный, недостойный своей должности, вызывающий раздражение начальник. Она восприняла все именно так, как и надо было воспринять. Они работают вместе. Это бизнес. – Я поняла, что ты просто увлечен этой частью процесса. – Она дарит ему свою самую искреннюю улыбку.

Он кивает.

– Да! Когда я был ребенком, я любил фотографировать. Я говорил, что хочу стать фотожурналистом, рассказывать истории с помощью одного только снимка. Картинка стоит тысячи слов и все такое. Я говорил, что хочу путешествовать по всему миру. Ты знала? – Он качает головой. – Я и забыл, кому объясняю. Ведь ты сама изобрела эту мечту.

– Изобрела мечту? – переспрашивает она.

Он бледнеет, пытается придать себе невозмутимый вид, но неубедительно. Откашлявшись, он мямлит:

– Я... Я имел в виду, что это ты всегда говорила о том, чтобы увидеть мир, стать журналистом. Из твоих уст это звучало так захватывающе. Похоже, это повлияло на меня.

Она удивленно смотрит на него.

– В самом деле? Никогда не думала, что тебе было дело до того, что я там говорю.

Он кивает.

– Да. Конечно, было. Я думал, что ты круче всех, со всеми твоими великими планами.

– Ха, – говорит она. – А я думала, ты надоедливый вредитель.

– Ох...

Она скрещивает руки.

– Стоит ли припоминать все случаи, когда ты донимал меня? Этот кошмар?

Он поднимает руки, словно признавая поражение.

– Я был по уши влюблен в тебя. Но еще не созрел. Твоя мать разве не рассказывала тебе, как ведут себя мальчишки, когда ты им нравишься?

Она чувствует, что разговор принимает опасное направление, и спешит взять ситуацию под контроль, пока ее разум обрабатывает услышанное. Деймон? Был влюблен в нее? В детстве? Вот это новость.

– Хорошо, что мы больше не дети, – язвит она, надеясь, что отвлекающий маневр сработает. Они смотрят друг на друга, и в ее голове всплывает воспоминание о тех временах, когда ей было четырнадцать, а ему тринадцать. Они проводили время на вечеринке в загородном клубе вместе с другими детьми, ребята расселись там и тут. Рядом с Деймоном сидел один мальчик, который нравился Лорел, и она вертелась перед ним, надеясь, что тот заговорит с ней первым. Официант принес детям поднос с мороженым и спросил: «Кто будет шоколадное?», но когда Лорел подняла руку, Деймон сказал: «Фу, опусти» – и помахал у себя перед носом так, будто от нее дурно пахло. Все загоготали, а Лорел, красная как рак, сбежала в туалет.

– Да, – голос Деймона смягчается. – Это хорошо. Они снова смотрят друг на друга, и Лорел решает простить ему то, что когда-то он был маленьким засранцем. Но не более.

– И посмотри на нас теперь, – говорит она. – Вместе трудимся в газетном бизнесе.

Он качает головой.

– Ага. Газетный бизнес. – Он закатывает глаза. – Фотожурналист из меня так себе.

– А из меня – пулитцеровский лауреат!

– Да мы просто идеальная пара!

Оба неуверенно смеются, но вскоре улыбка Деймона гаснет, и он снова начинает говорить:

– Когда я учился на последнем курсе в Клемсоне, туда однажды нагрянул отец и повел меня на ланч. Я только что выиграл конкурс по фотожурналистике и думал, что он приехал поздравить меня, сказать, как он гордится. Но, как выяснилось, он явился наставить меня на путь истинный. – Деймон басит, изображая отца: – «И я, и твоя мать считаем, что после окончания колледжа тебе нужно вернуться в Ладлоу и помочь нам с семейным бизнесом. Я позволю тебе возглавить газету, но это максимум, на который ты можешь рассчитывать со своим этим фотожурналистским интересом. Ты наш единственный сын, и я не позволю тебе слоняться по миру, как какой-нибудь хиппи».

Деймон на минуту замолкает, а потом продолжает своим обычным голосом:

– И я не стал с ним спорить. – Он осматривает офис так, будто видит его впервые. – Не знаю почему, но не стал. Я использовал свою коллекцию фотоаппаратов для украшения кабинета и поступил в точности так, как он хотел.

Он смеется, пытаясь скрыть уязвимость под маской легкомысленности.

– Сейчас я просто стараюсь, чтобы рекламодатели были довольны и чтобы люди продолжали подписываться на нашу газетенку. – Он закатывает глаза, и Лорел тоже смеется, чтобы помочь им обоим преодолеть неловкость. Он хлопает ее по плечу. – Хотя, если за дело взялась ты, думаю, теперь мне можно об этом не волноваться.

Плечо ноет, но она не собирается признавать это. Нет смысла показывать слабость только потому, что он решил с ней пооткровенничать. Она игнорирует неприятное ощущение и заставляет себя улыбнуться. На сегодня душевных излияний достаточно. Время вернуться к работе.

– Я еду взглянуть, что происходит в доме Корделла Льюиса, – говорит она.

– Корделл Льюис? – переспрашивает он. Должно быть, он был так сосредоточен на работе, что не услышал рацию. Ее мама всегда говорит, что мужчины не могут делать две вещи одновременно, и, видимо, ее слова

недалеки от истины.

– Да, – отвечает Лорел. – Судя по всему, разъяренные горожане уверены, что он держит Энни взаперти.

– Разъяренные и *пьяные* горожане, насколько я могу судить об этом городе, – добавляет он.

– В любом случае отличная тема для статьи.

Она смотрит, как Деймон возвращается к ее столу, где они работали, и печатает что-то недолго, затем поднимает глаза.

– Хорошо, – говорит он, – задача поставлена. Едем.

– Едем? – спрашивает она, не добавляя вслух слово «вместе», но произнеся его про себя.

Он нетерпеливо кивает, хватая свой телефон и улыбается ей.

– Думаю, нам пора. – Он шагает к ней. – И я даже поведу.

Она выходит за дверь и делает ему знак рукой, веря, что он последует за ней. И он следует.

* * *

Они подъезжают к дому Льюиса и видят, что шериф уже на месте, а толпа рассосалась. Внушительный силуэт Хэла Йорка нависает над парочкой персонажей, а из дверного проема в свете фонаря, освещающего крыльцо, за происходящим наблюдает Корделл Льюис. Выражение на его лице – нечто среднее между страхом и стыдом. Лорел задается вопросом, может ли тот вообще надеяться на нормальную жизнь в этом городе. А еще – действительно ли он не виноват в исчезновении Энни Тафт. Никто не будет спорить, что время ее исчезновения наводит всех на дополнительные подозрения. Даже если он не совершал ничего напрямую, он вполне мог бы договориться, чтобы кто-то сделал это за него.

Они наблюдают, как шериф усаживает мужчин на заднее сиденье своей машины, затем недолго обсуждает что-то с Корделлом Льюисом. Лорел не слышит, что он говорит, но предполагает, что он приносит извинения от имени города. По крайней мере, она на это надеется. Корделл Льюис заходит внутрь, закрывает за собой дверь. Шериф Йорк садится в машину и уезжает. Лорел и Деймон некоторое время сидят молча, прежде чем она начинает говорить. Она смертельно устала, но пока не готова идти домой. Какая-то часть ее не желает, чтобы эта ночь закончилась. Может, это радостное возбуждение из-за последних событий, а может, дело в том, что они с Деймоном наконец-то поладили. Что бы это ни было, Лорел хочет

растянуть этот вечер еще ненадолго.

– Хочешь посмотреть, что творится в доме Фэй Уилкинс? – спрашивает она.

Он бросает на нее пытливый взгляд.

– У Фэй Уилкинс? Но почему именно там?

Она с уверенным видом улыбается.

– Потому что что-то всегда происходит в ее доме.

Он смотрит на часы на приборной панели и поворачивает ключ в замке зажигания.

– Так значит, дом Фэй?

Она кивает.

– Тебе повезло, – говорит он. – Я как раз знаю дорогу.

* * *

Часы показывают 1:48 ночи, когда они заворачивают в переулок, где находится дом Фэй. Свет фар выхватывает из темноты две фигуры, обнимающиеся на подъездной дорожке. Они проезжают мимо, Лорел всматривается в темное стекло, чтобы лучше видеть, и из ее горла вырывается нечто среднее между вскриком и визгом, когда она понимает, кто перед ней.

– Гони! Гони! – кричит она, и Деймон поспешно нажимает на педаль газа. Лорел оглядывается, чтобы еще раз взглянуть на две фигуры, теперь уже разбежавшиеся, чтобы по отдельности ретироваться к дому, вжав головы в плечи от стыда.

Они проезжают еще немного, а затем Деймон останавливает машину, выключает двигатель и смотрит на нее.

– Это что, правда были?.. – спрашивает он с выпученными от удивления глазами.

А Лорел начинает смеяться. Она не сознает, что собирается делать, пока поток хохота сам не устремляется из ее тела – всей истерической мощью, которая росла внутри ее в течение последних нескольких дней, чтобы наконец прорваться в самом неподходящем месте и самым неожиданным способом. Она могла бы плакать, могла бы кричать, но вместо этого смеется. Она прикрывает рот, пытаясь остановиться. Она понимает, что ее поведение неуместно. Не говоря уже о том, что непрофессионально. Деймон – человек, который мог бы вести себя подобным образом. Деймон, но не она.

– Извини, – говорит Лорел. – Это не смешно. – Она закрывает глаза, чтобы собраться с мыслями. Человек пропал без вести. Она отвечает за освещение этого дела в газете. Двое, целующиеся на подъездной дорожке, – это не смешно, особенно когда они – лучшая подруга и жених пропавшей девушки. Но тут образ шокированной парочки, оборачивающейся к ним с округлившимися, как у каких-нибудь мультяшек, глазами снова возникает в мозгу Лорел, и ее накрывает новая волна хохота.

Деймон дарит ей деликатную улыбочку, и ему даже почти удается сделать сочувствующее лицо. Лорел уже собирается напомнить ему о том, что уж кому-кому, а ему не стоило бы изображать святошу, но тут их глаза встречаются, и его попытки напустить на себя невозмутимый вид терпят крах – Деймон тоже начинает смеяться. Сначала это просто единичный смешок, затем еще один, потом еще и еще, и вот уже ее коллега трясется от взрыва неуправляемого хохота.

Каждый раз, когда они пытаются прийти в себя, один из них смотрит на другого, и истерика возобновляется. Они смеются и смеются, и ее осеняет, что оба уже не имеют никакого понятия, над чем. Им просто смешно. К тому времени, когда веселье наконец-то стихает, у нее болят бока и ноет челюсть.

Они молчат еще мгновение. Когда она смотрит на него, Деймон кокетливо прикрывает глаза рукой.

– Не пытайся снова провернуть это со мной, – предупреждает он, шумно выдыхая. – Черт, тысячу лет так не смеялся. – Он ссутуливается и делает комично серьезное лицо. – Работа, ответственность, ни минуты покоя. Взрослая жизнь взрослого человека.

– Да, – соглашается она, закатывает глаза и задумывается на мгновение. – И это даже не было смешно. – В ее памяти снова всплывают два лица с одинаковым ошарашенным выражением, выхваченные из темноты светом фар. – Ну ладно, было, – признает она. – Но не настолько.

Он разглядывает потолок автомобиля, раздумывая.

– Вообще-то, это было довольно забавно. Они попались и поняли это. – Он качает головой. – Плюс, думаю, нам обоим не помешало хорошенько посмеяться. Обстановка была довольно... горячей в последнее время.

Он смотрит на нее, и что-то в ее лице заставляет его пересмотреть только что сказанные слова.

– Я имею в виду, дело и все такое. Пропавшая невеста и конкурирующие издания, желающие заполучить сенсацию. Горячей в этом смысле.

Он замолкает, сглатывает слюну, и, несмотря на то что в машине совсем темно, она замечает его заискивающий взгляд, молящий ее о подтверждении, что он не пересек некую границу. Тысячи мыслей проносятся в ее мозгу: в основном о том, как ей хочется уже выйти из этой машины и оказаться дома, подальше от неловких посиделок с мужчиной, который был маленьким паразитом, но теперь ее босс, а сегодня еще и будто бы друг.

Она ловит себя на том, что размышляет о ничтожном расстоянии, разделяющем их, и на том, как легко было бы преодолеть его, просто чуть подавшись вперед. Если бы кто-то из них сдвинулся всего на несколько сантиметров, другой мог бы устремиться ему навстречу, и вот они бы уже целовались, словно та парочка у дома Фэй. Это *они* бы занимались кое-чем, запретным при свете дня. Это *они* бы пережили нечто чудесное и ужасное, неправильное и правильное одновременно. И это было бы...

Свет фар скользит мимо и прерывает ее мысли, освещая их лица, но Лорел почему-то кажется, что ее сокровенные мысли тоже оказались на свету, и внезапно ее охватывает смущение. Она понимает, что нужно что-то сказать, чтобы звуками голоса загнать свои глупые фантазии обратно – в глубины разума, их породившие. Когда машина проезжает мимо, Лорел понимает, что та принадлежит шерифу.

– Оживленно здесь сегодня, – замечает она, указывая вслед автомобилю.

– Похоже, что-то случилось, – предполагает Деймон.

– Ты думаешь... – начинает она, но обрывает себя, не произнося вслух, что, возможно, *они уже нашли ее*. Лорел ненавидит эту мысль и не может заставить себя сказать это. Она сочиняла хеппи-энд каждый день с того момента, как поняла, что Энни действительно пропала, она готовилась написать ту версию истории, которая, по ее мнению, была бы правильной. Энни заслужила счастливый конец, и Лорел не собиралась мириться ни с чем другим.

Но теперь ей открылась вся правда о работе журналиста. Не важно, насколько твой разум спешит с выводами, ты *обязан* дожидаться конца истории, потому что, домыслив конец в середине, не получишь ничего, кроме чувства горького разочарования. У тебя нет и никогда не было контроля ни над одной частью твоего рассказа. Ибо хоть ты и описываешь историю, *пишешь* ее не ты.

1 июня. День свадьбы

Лорел

Лорел останавливается на краю участка, где собралась поисковая группа. Люди с нетерпением ждут инструкций, чтобы отправиться искать Энни. Лорел вполуха слушает, что говорит шериф, в основном ее внимание занято собравшимися. Она все еще сонная после ночных приключений с Деймоном, но нельзя же пропустить сейчас самое интересное. Он сказал, что присоединится к ней после того, как примет душ. Впрочем, она его не ждет. Просто делает свою работу. Она знает, что другие новостные агентства тоже будут здесь, и она использует свое преимущество в родном городе, чтобы получить несколько комментариев от граждан Ладлоу. Начало уже положено – она успела поговорить с учительницей воскресной школы, в которой Энни занималась в детстве, с ее старой подругой из отряда герлскаутов и с мальчиком, сопровождавшим Энни на выпускной бал.

Судя по всему, на поиски племянницы Фэй собрался весь город. Несмотря на причину сбора, настроение такое, словно намечается фестиваль под открытым небом. Местные рестораны отправили поисковой группе пончики, печенье и кофе. Полицейские прочесывают толпу, наблюдая за происходящим, строя предположения и переговариваясь друг с другом, переход – пауза, переход – пауза. Они, знает Лорел, приглядывают за всеми, кто кажется подозрительным. Если Кенни Спейси не виноват, тогда, возможно, человек, связанный с исчезновением Энни, сейчас здесь.

Прямо напротив себя Лорел видит несколько собак поисково-спасательной службы. Их хозяева крепко сжимают поводки, не давая животным броситься вперед раньше времени. Лорел слышала, что Энни уже искали с собаками, но безрезультатно, однако перед ними очень большая и очень лесистая местность, и Энни может быть где угодно (а может и не быть). Полиция надеется, что с привлечением дополнительных людей, хоть и без специальной подготовки, удастся покрыть большую территорию. Шериф предупредил, что найденная неподалеку машина Энни вовсе не означает, что поблизости найдется и она сама. Но все же в воздухе висит надежда, и собаки поднимают морды и жадно втягивают воздух, словно тоже могут учуять ее.

Стоящая неподалеку от Лорел женщина ловит ее взгляд и растягивает губы в улыбке – вежливой, но напряженной. Лорел расценивает этот жест как готовность к разговору и идет к женщине.

– Привет, – говорит она, и ее лицо озаряет теплая и полная оптимизма улыбка. Она протягивает даме руку. – Я Лорел Хейнс, репортер из «Вестника Ладлоу», хотела бы поговорить с вами о поисках. И, может быть, об Энни Тафт. Вы ее знаете?

Вежливость женщины тут же превращается в настороженность. Вместо того чтобы встретиться глазами с Лорел, она осматривается вокруг, словно ищет возможность улизнуть. Понимая, что отступить некуда, она все-таки отвечает неуверенно:

– О-о, я п-просто... – Женщина вскидывает руки. – Я просто пришла, потому что переживала за нее и, вы знаете, за ее семью. – Она опускает руки и понижает голос: – В смысле, у них ведь свадьба сегодня.

Ее лицо кривится в преувеличенно скорбной гримасе, но потом меняет выражение на более уместное «легкая печаль».

– А так я не знаю о них ничего такого. В смысле, я ходила в салон Фэй подстричься несколько лет назад, но на этом все. – Женщина пожимает плечами. – Я просто хотела сделать то, что в моих силах, помочь.

Она смотрит на Лорел, и ее поднятые брови сходятся в прямую линию, выражающую озабоченность.

– Вы ничего не записали, – замечает она. – Разве это не то, чего вы хотели? – Она напоминает студентку, которая волнуется из-за оценки на экзамене.

Лорел сдерживает улыбку и постукивает по лбу указательным пальцем.

– Все это у меня здесь, – говорит она.

На мгновение женщина забывает обо всей серьезности ситуации и с облегчением смеется:

– Что ж, тогда я рада, потому я уже и забыла, что только что вам тут наговорила.

Лорел с серьезным видом извлекает блокнот и берет ручку:

– Скажите мне ваше имя, чтобы я могла убедиться, что поняла все правильно.

– Ну, знаете, я не уверена, что хочу, чтобы мое имя было в газете... – Она осекается и пробегает взглядом по толпе горожан. – В смысле, я ведь даже не знаю невесту.

Лорел тоже осматривает толпу. С прибытием новых людей атмосфера становится все более возбужденной. Некоторые привезли своих детей –

тех, что постарше, и теперь дети набивают свои рты остатками пончиков, одуревшие от переизбытка сахара. Одна из поисковых собак поднимается на задние лапы и машет в воздухе передними, как вставшая на дыбы лошадь. *Здесь так много людей*, думает Лорел, и любой из них может оказаться человеком, похитившим Энни. Шериф явно на взводе, сжимает пистолет в кобуре на бедре. Его взгляд встречается со взглядом Лорел, и он кивает, приветствуя ее.

– Мне действительно пора, – извиняющимся тоном говорит женщина, и Лорел замечает, что та о чем-то задумалась. Женщина поднимает палец. – Вы знаете, с кем вам нужно поговорить... – Она замолкает и снова обводит взглядом толпу, затем понижает голос: – Видите вот эту леди прямо там? – Она указывает на женщину, стоящую в очереди к столику с кофе и держащую в руках пустой стакан.

– Да, – отвечает Лорел и решает, что ей бы тоже не помешал стаканчик кофе. – Кто она?

– Ее зовут Сью Куинн. Она была лучшей подругой матери Энни. – Она понижает голос, и Лорел с трудом слышит ее сквозь шум толпы. – Вы знаете о ее матери, правда?

Лорел кивает.

Вдруг рядом с ними с криками пронесется изможденного вида женщина.

– Дэниел! – зовет она, продираясь сквозь толпу, и ее глаза мечутся направо и налево, словно она удивлена видеть всех этих людей здесь. В конце концов женщина подбегает к шерифу Йорку и с умоляющим лицом хватается за руку.

– Что-то произошло, – думает Лорел, но одергивает себя. Она здесь не для того, чтобы найти новый сюжет. То, что случилось с Энни, – история национального масштаба. А это просто еще один ребенок, забредший, куда не следовало. Лорел возвращается к своей собеседнице.

Женщина даже не замечает, что Лорел на мгновение отвлеклась. Она слишком занята, изображая сочувствия семье Энни Тафт.

– Так грустно, – говорит она. – А теперь еще и это. – Она вздыхает и смотрит в небо.

Лорел понимает, что с разговором пора заканчивать. Поисковая группа скоро отправится в лес, и ей будет все труднее найти кого-то для интервью.

Очнувшись от своих мыслей, женщина оглядывается на Лорел и поднимает брови:

– Сью всегда утверждала, что они отправили за решетку не того человека. Она говорила, что полиция покрывает кого-то, но никто не стал

ее слушать, и она просто сдалась и замолчала. Но я знаю, что она рада освобождению Корделла Льюиса. Машина правосудия хоть и со скрипом, но работает. – Она улыбается и указывает на блокнот в руках у Лорел. – Вы можете записать это, если хотите.

Лорел послушно записывает. Когда она поднимает глаза, женщина уже удаляется, прижавшись к мужчине, который покровительственно обнимает ее за плечи. Она машет Лорел, словно хочет сказать: «Разговор окончен». Лорел так и не узнала ее имя. Но зато узнала другое: Сью Куинн. Она читала о лучшей подруге Лидии, изучая материалы об убийстве, и пыталась выйти на нее, чтобы взять интервью, когда писала первую статью об освобождении Корделла Льюиса. Однако у нее было имя Сьюзан Рид, а не Сью Куинн. Должно быть, та вышла замуж, изменила свое имя и решила жить дальше, оставив в прошлом то, что случилось с ее лучшей подругой.

Лорел быстро приближается к столикам, радуясь, что очередь за кофе такая длинная. Она проскальзывает за спину Сью Куинн и дарит ей ту же обезоруживающую улыбку, что и своей предыдущей собеседнице. Тогда это сработало, должно сработать и сейчас. Но Сью только сжимает губы в тонкую линию, холодно улыбается и поворачивается спиной к Лорел.

Лорел ждет несколько секунд. Затем говорит:

– Много людей сегодня. – Она надеется, что Сью Куинн ответит. Но та этого не делает. Она пытается снова: – Интересно, так и планировалось?

Сью поворачивается и с пренебрежительным выражением изучает лицо Лорел. Она пожимает плечами в ответ на ее вопрос и снова отворачивается. Лорел набирается смелости и похлопывает Сью по спине.

– Извините, – говорит она неуверенно. – Вы... Сью Куинн?

Сью смотрит через плечо и щурится на Лорел.

– Не уверена, что мы знакомы, милочка, – отвечает она.

– Я пыталась найти вас, – говорит Лорел. Это совсем не то, что она хотела сказать, но слова сами вырываются изо рта. Глаза Сью расширяются в замешательстве, и она делает шаг прочь, но теперь, когда начало положено, Лорел не собирается отступать и спешит объясниться: – Я... я писала статью об освобождении Корделла Льюиса несколько дней назад. – Она протягивает руку, надеясь на то, что хорошее южное воспитание Сью заставит ее ответить на рукопожатие. Так и есть, Сью коротко пожимает ей руку, затем отпускает. – Я Лорел Хейнс, репортер «Вестника Ладлоу».

Сью Куинн спокойно кивает, по-видимому совсем не впечатлившись новостью о том, что говорит с репортером.

– Знаю я ваш народ, – объясняет Сью. – Давно знакомы.

Лорел размышляет, что ей, возможно, следовало сильнее надавить на

мать, чтобы узнать больше об убийстве Лидии, но Глиннис уверяла, что ничего не знает. Зато теперь перед ней сама Сью Куинн, и Лорел идет ва-банк, на ходу изобретая, что сказать:

– Когда я изучала это дело, я выяснила, что вы считали Корделла Льюиса невиновным. Поэтому интересно узнать, что вы чувствуете теперь, когда он свободен? – закидывая удочку, Лорел, ведет себя так, словно все давно закончилось, а ее вопрос – не более чем светская беседа.

Сью Куинн бросает на журналистку недоверчивый взгляд, и тут Лорел осеняет: прошло слишком много времени, слишком многое изменилось – теперь Сью уже не волнует старая история.

– Все это не важно, – говорит она. – Корделл, может, и свободен, но Энни пропала.

– Да, – соглашается Лорел.

Подходит очередь Сью, и та подсовывает свой стакан под почти пустой кофейник. Лорел помогает ей наклонить его, чтобы вылить остатки кофе. Сью благодарит и собирается уходить.

– Могу ли я получить от вас комментарий? – Лорел использует этот шанс, пока Сью не растворилась в толпе. Она слышит ноту надежды в своем голосе и понимает, как по-детски это звучит. Но в данный момент это не имеет значения. Именно детская надежда привела их всех сюда. Наивный оптимизм, вера в счастливый конец заманили людей в этот лес. Их голоса будут отражаться эхом от деревьев и распугивать животных, а они будут снова и снова выкрикивать имя Энни, не теряя надежды услышать ответ.

Сью возвращается.

– Комментарий? – переспрашивает она и изумленно поднимает брови.

Сью красивая женщина, и Лорел готова побиться об заклад, что двадцать три года назад ее красота лишила сна не одного мужчину. Похоже, они с Лидией были эффектной парочкой и головы поворачивались им вслед, куда бы они ни пошли. Воображение Лорел рисует двух красоток, сажающих в коляску Энни и делающих вид, что не замечают взглядов мужчин. Они мило болтают, хихикают, склонив головы навстречу друг другу, и единственное, что может оторвать их друг от друга, как думает Лорел, – это малышка Энни.

– Насчет Энни, – отвечает Лорел. – Энни и ее поисков.

Сью опускает свою чашку кофе. Пар клубится, поднимаясь к небу и рассеиваясь в воздухе. Лорел ждет, она понимает, что не стоит торопить собеседницу. Но затем звучит свисток, подгоняя их обеих, и они одновременно оборачиваются к источнику шума. Офицер-кинолог машет,

сигнализируя всем, что пришло время разбиться по группам, разойтись по местности и искать Энни.

Сью оглядывается на Лорел. Она переворачивает стакан с кофе, которого так долго ждала, и жидкость черной струей выливается на землю.

– Расскажите всем, что сегодня мы пришли искать Энни, потому что любим ее. Трагедия случается не с человеком. Она случается с обществом. Я думаю, это мы и видим сегодня. – Она целится, забрасывает стакан в ближайший мусорный бак и в последний раз смотрит на свою собеседницу. – После того как умерла Лидия, нам нужна была Энни, чтобы жить дальше. Мы вложили в нее свою надежду. И она стала именно такой, какой мы хотели видеть ее. Мы обязаны ей этим. – Ее глаза расширяются, как будто спрашивают: «Ты понимаешь?»

Лорел ловит себя на том, что кивает, хотя вопрос так и не прозвучал. Она смотрит, как Сью удаляется, но больше не кричит ей вслед и не просит никаких разъяснений. С каждым днем Лорел понимает эту историю все лучше.

Клэри

Она наблюдает за тем, как Трэвис читает молитву перед поисковыми группами, прежде чем каждая разойдется своей дорогой. Ее бывший бойфренд высоко возносит руки и взывает к Господу о благословении всем ищущим, о безопасности, о знаке, о чуде, но Клэри уже привыкла к его молитвам и больше не видит в них ничего странного. Трэвис это Трэвис, а Клэри это Клэри, и он был прав, считая ее не подходящей на роль жены пастора. Он и она – два совершенно разных человека и были такими много лет назад, просто тогда Клэри еще не осознавала этого.

По большому счету, они оба никогда не понимали друг друга. И, как бы Клэри ни боялась снова встретить его, теперь она абсолютно спокойна. Интересно, если бы здесь была Энни с ее напором и уговорами, могло бы все сложиться иначе? На мгновение Клэри даже радуется, что кухни нет рядом, что это позволило ей сорваться с крючка и сохранить свой драгоценный секрет, но ее тут же охватывает чувство вины.

– Прости, Энни, – шепчет она.

Тем временем Трэвис заканчивает свою молитву, и толпа восклицает: «Аминь!» Добровольцы расходятся в разные стороны. Они не хихикают и не болтают о пустяках. Они угрюмы и решительны, и Клэри думает, что это, наверное, правильно.

Хэл Йорк попросил близких Энни прийти и быть на виду, но подчеркнул, что никто не требует от них участия в поисках. И все же Клэри хочет отправиться в лес, хотя бы ненадолго, и потому присоединяется к одной из групп. Она хочет быть частью происходящего. Она чувствует, что нечто может случиться. В конце концов, сегодня свадьба Энни. Что-то *должно* случиться в этот день.

Она слышит чьи-то шаги за спиной и, обернувшись, видит Трэвиса. Заметив удивление на ее лице, он слабо улыбается.

– Не против, если я пойду с тобой?

Она пожимает плечами:

– Наверное, нет.

Они двигаются в тишине, отставая от поисковой группы. Понятно, что ни он, ни она не уйдут далеко. Скоро один из них найдет повод повернуть назад. И все же они продолжают шагать, все дальше углубляясь в парк Иден-Хилл, и никто не произносит ни слова и не пытается сбежать. Это напоминает Клэри времена, когда они соревновались, кто дольше продержит ладонь над зажигалкой – кто вытерпит, а кто отдернет руку.

Они поворачивают, выходя на лесную прогалину, и вдруг Клэри в изумлении застывает на месте. Она ни разу не подходила к этой поляне с другой стороны и не ожидала, что они так быстро окажутся здесь. Трэвис осматривается, пытаясь найти, что вызвало у нее такую реакцию, а потом к нему приходит понимание. Он поворачивается, чтобы посмотреть на Клэри:

– Это?..

С круглыми от удивления глазами Клэри кивает. Конечно, она знала, что они где-то неподалеку. Буквально этим утром они с Фэй обсуждали это странное совпадение – что машину Энни нашли так близко к поляне, где был обнаружен труп ее матери. Возможно, в процессе поисков полиция предположила, что Энни решила прийти сюда и упала, или ей стало плохо, или кто-то напал на нее. К тому же люди все еще навевались в эти края время от времени, чтобы увидеть место убийства своими глазами или даже осмелиться провести здесь ночь. В городе до сих пор гуляют легенды о том, что место гибели Лидии населено призраками, хотя это не то, о чем, по мнению Клэри, нужно беспокоиться. Живые люди куда опаснее мертвецов.

Трэвис тихо стоит рядом, внимательно осматривая поляну, как будто что-то – или кто-то – может следить за ними из леса. Но Клэри не боится. В ее мыслях яркая картинка – Лидия и маленькая Энни, сидящие у своей палатки много лет назад. Клэри как будто смотрит кино: ночная прохлада уже вступила в свои права, и Лидия укутывает их с Энни одеялом. Энни

указывает на звезды крошечным пальцем, а Лидия учит ее загадывать желание. Энни тут же просит щенка, а Лидия собирается загадать что-то свое, но вдруг они слышат хруст ветки под чьей-то ногой. Обе поворачиваются в сторону звука, их одинаковые голубые глаза широко раскрыты, пока неясная фигура надвигается на них. Клэри очень хочется разглядеть, кто же это. Это тот, кого Лидия пригласила сама? Это незнакомец? И вдруг ее осеняет: может быть, если сейчас, на этом самом месте, она во всем признается Трэвису, сделает то, чего хотела ее сестра, Энни вернется к ним и все будет как раньше.

– Трэвис, – слышит она себя, а слюна густеет во рту до такой степени, что она едва может ее проглотить.

Трэвис оглядывается на нее, и она видит знакомый взгляд «бей или беги», который появлялся в его глазах каждый раз, когда он чувствовал угрозу.

– Да? – Слово застревает у него во рту. «Он знает – думает Клэри. – Он знает, что я собираюсь сказать».

Она уже готова спросить, так ли это, но потом решает просто довести начатое до конца. Она скажет. Будь что будет. И когда они вернутся, она услышит, что Энни нашли. Возможно, ей больно, но она в больнице, и все будет в порядке. Фантазия толкает Клэри вперед.

– Что, если бы я призналась тебе кое в чем, что произошло, после того как мы... В общем, когда ты ушел. – «Это не так и трудно», – думает она.

Он поворачивает к ней лицо и дарит легкую улыбку, которую она узнает мгновенно. Это «улыбка миротворца», которую он применял в тех случаях, когда хотел сгладить острые углы в неприятных для него ситуациях. Мгновение он смотрит ей в глаза, а затем отвечает:

– Я бы сказал, что это было очень давно.

– Да, – соглашается она.

– Я бы сказал, что никому из нас не стоит возвращаться туда. Правда?

– Энни думала иначе, – тихо возражает Клэри. Она смотрит в землю, собирая всю свою смелость, чтобы сказать главное – то, что вернет Энни. Она вспоминает последний телефонный разговор с кузиной: «Ты знаешь, что он сделает, если я скажу ему. Он найдет ее. Он использует все свое влияние, чтобы убедить ее родителей разрешить ему участвовать в ее жизни. И они пойдут у него на поводу, потому что они хорошие люди. Он заставит их поверить, что они делают доброе дело, а через несколько месяцев или лет или еще когда-нибудь он убедит их выйти на сцену вместе с ним и представить ее миру. Он превратит все в душещипательную мелодраму – может быть, даже напишет об этом книгу. Ты же знаешь, какой

он. Он сделает девочку своей историей. Но она не принадлежит ему. У нее – своя собственная жизнь».

Клэри поднимает глаза и видит, что Трэвис настороженно наблюдает за ней. «Улыбка миротворца» исчезла, и все, что осталось на его лице, – это страх. Неприкрытый страх. Клэри ждет, что он попросит ее продолжить, но вместо этого Трэвис дергает ее за локоть.

– Давай, – говорит он. – Надо идти.

Ошеломленная его реакцией, Клэри срывается с места, снова шагает рядом, словно ничего не произошло, словно теперь, когда момент упущен, они могут жить дальше как ни в чем не бывало.

Но что-то все-таки останавливает ее. Не то чтобы она хотела остаться там, где ее тетя была убита, а ее кузина осиротела, – нет. Она просто не хочет делать того, что ожидает от нее Трэвис. Она не сделает больше ни шагу рядом с ним. И она позволит этому желанию затмить все остальные.

– Нет, – решает Клэри. – Ты иди. А я остаюсь.

– Ну же, Клэри. Я не могу оставить тебя здесь, да еще в такое время, – возражает Трэвис.

Клэри слегка вдавливая каблуки в землю, словно она может пустить корни.

– Со мной все будет хорошо, – отвечает она, чувствуя себя странно счастливой. – Иди.

На этот раз это ее выбор – остаться позади. Как и выбор родить ребенка, не сказав Трэвису. Энни считает, что всему виной ее эгоизм, но она не понимает того, что понимала Клэри и тогда, и сейчас. Ведомый своей верой, Трэвис совершил бы «правильный поступок». Он вернулся бы в Ладлоу, женился на ней, вырастил бы свою маленькую девочку. Он нашел бы работу, задвинул в дальний ящик призвание и закончил бы горьким пьяницей, как его отец. Он не смог бы стать известным проповедником. И не видать ему больше миллиона подписчиков в Инстаграме.

Иногда, когда Энни приписывает себе все заслуги по поводу нынешнего положения Трэвиса, Клэри хочется поправить их обоих. Но, конечно, она этого не делает, потому что знает, что поступила так не только ради него, но и ради себя. Она солгала и сказала, что не знает имени отца ребенка. А потом уехала в Шарлотт, чтобы покончить со всем самостоятельно.

Она сделала все возможное, чтобы сохранить беременность в секрете. Она солгала своей матери и кузине, сказав, что ей нужно ненадолго уехать из города, чтобы прийти в себя после расставания. Она солгала о предложении по работе, в то время как «найденная работа» состояла в том,

чтобы показать ребенка паре, которая не могла иметь своих детей. Когда она говорила с Энни или Фэй, она придумывала истории о коллегах, которых не существовало, выдавая ситуации, подсмотренные у других, за якобы случившиеся с ней. Она сочиняла оправдания, чтобы не посещать Ладлоу в последние месяцы беременности, когда не могла больше скрывать свое положение. Она жила с приемными родителями, видела их жизнь воочию, и ее уверенность в том, что она выбрала правильное будущее для своей дочери, крепла день ото дня. В течение нескольких месяцев она была действительно счастлива. Но потом с внезапным визитом нагрянула Энни, взбешенная ее притворством. Она обвинила Клэри в том, что у нее «кишка тонка», хотя та за всю свою жизнь не чувствовала себя смелее.

Приемный отец их дочери любит приемную мать их дочери. Он улыбается, когда бы она ни зашла в комнату. Среди потенциальных «родителей», с которыми встречалась Клэри, только он был тем, кто взял жену за руку. Конечно, несколько раз жены хватали за руки мужей, но этот сам потянулся к жене, и все выглядело так естественно, что Клэри поняла: для него это обычное дело. Для девушки, отвергнутой парнем, которого она любила всю свою короткую жизнь, один простой жест стал решающим. Так и был сделан выбор.

– Я правда хочу остаться здесь, – говорит она Трэвису теперь. – А ты иди. – Клэри улыбается ему той самой подбадривающей улыбкой, которой улыбается своим голубям, когда открывает корзину, выпуская их. Улыбкой, которая выражает то, что ей не удалось выразить в восемнадцать лет. Но теперь у нее получается:

Ты не виноват в том, что хочешь уйти. Я отпускаю тебя. Лети и будь свободен.

В этот раз, когда Трэвис удаляется, она не смотрит ему вслед, ожидая, пока он исчезнет из виду. Она отворачивается, глядя на что-то еще. Что-то иное.

* * *

Она в одиночестве идет через парк к своей машине, когда звонок телефона заставляет ее подпрыгнуть от неожиданности. Она останавливается и извлекает его из заднего кармана, чтобы посмотреть, кто звонит, но на экране незнакомый номер. Клэри не уверена, стоит ли ей отвечать, но, с учетом происходящего вокруг, решается:

– Алло?

– Это Клэри Уилкинс? – спрашивает незнакомый голос.

– Да?

– У вас есть голубь с номером... – возникает пауза, и Клэри затаивает дыхание, – АВИ 3214537?

Мика. Все это время она хранила этот номер в своей памяти.

– Да, говорит она, – задыхаясь от волнения, а потом останавливается и смотрит в небо. Час от часу не легче. Слезы наполняют ее глаза и текут по щекам. – Вы нашли его?

– Мы так думаем, мэм. Я в национальном парке Иден-Хилл. Могу я попросить вас подойти к эстраде? Вы знакомы с этой местностью?

– Да, – с трудом отвечает она. – Я как раз двигаюсь в том направлении. Я... в поисковой группе. – Ее желудок поднимается к горлу, и возбуждение сменяется страхом. Что-то здесь не так.

Человек на другом конце линии, кажется, не удивлен таким совпадением, как будто и так все знает.

– Ладно. Увидимся там.

– Но у меня нет клетки или чего-нибудь в этом роде. Мне нужно... – Она собирается возразить, что сначала ей нужно зайти домой, но потом понимает, что, кто бы это ни был, он повесил трубку. Она спешит к эстраде, у которой всего час назад Трэвис молился о чуде.

Когда она подбегает к сцене, зритель парка уже ждет ее. Она припоминает, что видела его в школе, но не может назвать имя. Впрочем, это, наверное, не важно. Он машет ей, и она ускоряет шаг. Он приветствует ее, и она понимает, что он тоже ее узнал, но сейчас не самое подходящее время для счастливого воссоединения.

– Где он?

– Сюда. Ничего, если мы немного пройдемся? – спрашивает он.

Она кивает и идет в ногу с ним, хоть ей и трудно поспевать за его быстрым шагом. Они двигаются в тишине, и она вспоминает городские сплетни: он был футбольной звездой и поступил в колледж, но не потянул нагрузку. В итоге лишился стипендии, вернулся домой и некоторое время пил. Но потом нашел свой путь.

Внезапно он останавливается.

– Послушайте, я хочу подготовить вас. Птица слаба и истощена. – Он поворачивается к ней и, сняв шляпу, прижимает ее к груди. Неприятное предчувствие снова охватывает ее. – Также мы считаем, что он, вероятно, прячется в месте, представляющем особый интерес для расследования, – говорит он ей. – Но полиция не может ничего предпринять, пока птицу не уберут.

Мысли о Мике тут же улечиваются из головы Клэри. Все, о чем она может думать сейчас, это «место, представляющее особый интерес для расследования». Машина Энни, мысленно перебирает она. Поиски. Свадьба, которая не состоялась. Что-то должно было случиться сегодня, что-то – но не это. Нет, она не должна позволять себе думать о подобном. Энни не может быть мертвой. Просто не может. Она бы знала, не так ли? Она бы почувствовала, что ее не стало. Но она не почувствовала ничего...

– Это может быть кто-то другой, – говорит она вслух.

Смотритель парка, которого, как она припоминает теперь, зовут Крис, смотрит на нее с искренним сочувствием и лжет, чтобы подбодрить.

– Мы понятия не имеем, что это, – говорит он. – Сейчас нам просто нужна ваша помощь, чтобы убрать птицу.

– Мику, – уточняет она.

– Мику? – Смотритель парка выглядит озадаченным. Энни всегда считала глупой ее затею давать имена птицам. Но то, что дорого сердцу, должно иметь имя.

– У него серебристые перья, – объясняет она. – Они напомнили мне слюду. Слышали о таком минерале?

Он кивает и набирает темп. Она следует его примеру.

– Я собирала минералы в детстве, – говорит она ему.

– Да? – удивляется он. – Я тоже.

Они спускаются с небольшого холма к месту происшествия. Копы повсюду. Территория оцеплена заградительной лентой. Крис подводит ее к краю оврага, и она смотрит вниз – туда, где на первый взгляд нет ничего примечательного – просто заросли. Там, поверх сплетения папоротников, лоз пуэрарии и опавших листьев, сидит Мика. И даже – она может в этом поклясться, – несмотря на слабость, начинает кокетливо чистить перышки клювом, завидев ее.

Клэри присаживается настолько близко к краю оврага, насколько может. Позади нее полицейские как по команде делают шаг вперед, и кто-то говорит:

– Будьте осторожны, мэм.

Клэри игнорирует их и протягивает палец.

– Здравствуй, – приветствует она своего потерявшегося голубя. – Где ты был, парень? И как, во имя небес, ты пролетел весь путь сюда?

Крис ставит клетку рядом с ней, и Клэри надеется, что Мика зайдет туда без лишней суеты. Они все молча ждут, пока Мика размышляет, стоит ли ему покидать насиженное место, и ноздрей Клэри достигает тошнотворный запах, витающий в воздухе. Она замечает, что кинологи на

краю поляны сдерживают своих собак – тех, что натасканы на поиск человеческих трупов. Она хочет убраться отсюда, и быстро. Клэри осматривается, пытаясь разгадать, как и почему ее птица могла оказаться здесь, но у нее еще будет много времени осмыслить всю иронию происходящего.

У левой ноги Клэри замечает некий блестящий предмет и щурится, чтобы лучше рассмотреть его. На смену замешательству приходит шок. Она тянется к вещице, но мужской голос из-за спины окликает ее:

– Мэм, я вынужден попросить вас ничего не трогать.

– Но... – Она поворачивается к другому копу, который был у нее дома только вчера, пил кофе и перекусывал сэндвичем с куриным салатом. – ... Это мое. – Она указывает на старинную серебряную заколку, которая принадлежала еще их бабушке. Энни, должно быть, снова стащила ее. На этот раз Клэри даже не заметила пропажи.

Фэй

Она думала, что Хэл придет лично, чтобы рассказать обо всем, но он не появляется. Вместо этого он звонит ей прямо с места происшествия. Из трубки доносятся разговоры и собачий лай, настолько громкие, что она едва слышит его слова.

– Фэй, ты здесь? – кричит он в трубку.

– Да, – отвечает она. Она пыталась присоединиться к поискам, но ушла, как только группы выдвинулись, – просто не смогла там находиться.

– Подожди, – раздраженно бросает Хэл, и она слышит скрип пистолета в кобуре в такт его шагам, пока он удаляется от источника шума. Становится тише.

Ее щеки мокры от слез, а ведь она даже не понимала, что плачет.

– Я была права, – говорит она ему.

Пауза.

– Да, – соглашается Хэл. – Мы только что нашли ее. Все свидетельствует о том, что она направлялась куда-то, но сорвалась с обрыва – наверное, в темноте. Той ночью шел сильный дождь, и, вероятно, она поскользнулась и упала в заросли ниже. Растения скрыли ее, и мы ничего не заметили. Да, почему я звоню. Клэри никому не позволяет отвезти ее домой, и я хотел бы, чтобы ты взяла это на себя.

– Клэри нашла ее? Она ее увидела? – Голос Фэй срывается на панический визг.

– Нет, – спешит успокоить ее Хэл. – Это был потерянный голубь Клэри. Какой-то ребенок обнаружил голубя и обратился к сотруднику парка. Малыш явно увлекается пернатыми, поэтому понял, что у птицы есть владелец. Голубь просто сидел там – на ветке, под которой лежала Энни. – Хэл на секунду замолкает. – ...Словно охранял ее...

Он снова прерывается, и Фэй слушает ритм его дыхания.

– Думаю, если бы не этот голубь, мы не нашли бы ее, – наконец добавляет он.

– Хорошо, спасибо, – отвечает Фэй вежливо и сдержанно. Уже сейчас она чувствует, как происходящее меняет их. Смерть Лидии сблизил их, а смерть Энни разделит. Фэй позволяет этой мысли оформиться. Лидия стала началом, а Энни – концом, потому что даже лучшие истории когда-нибудь заканчиваются.

– Получается, задержанный тобой парень тут ни при чем? – продолжает она разговор.

– Получается, задержанный мною парень знает больше, чем говорит. Но нет, я не считаю, что он убил ее. Это был несчастный случай.

– И теперь ты собираешься отпустить его? – спрашивает она, потому что не хочет больше разрушать ничью жизнь. Все они, пусть это и трудно, должны двигаться вперед. Да, на исцеление уйдет много времени, целая вечность, но Фэй верит, что когда-нибудь оно случится, – и думает, что Энни согласилась бы с ней.

– Сначала я хотел бы услышать от него правду, но да.

– Думаю, он действительно любил ее, – говорит Фэй, просто потому, что так подсказывают ей чувства. Ее сердце сейчас – тугой ком в груди, и чья-то рука мучительно сжимает его изо всех сил.

– Мы все любили, – соглашается Хэл, и в его голосе стоят слезы.

– Постараюсь больше тебя не отвлекать, – добавляет она, хотя и сама не знает, что имеет в виду: расследование ли, слезы по Энни или его жизнь в целом. Впрочем, это, наверное, уже не важно.

Кенни

Он все еще без сна. Он выпил десятки чашек кофе, но его глаза по-прежнему слипаются. Стены маленькой комнаты, в которой его держат, сжимаются вокруг все плотнее, полицейские приходят и уходят, каждый со своими трюками и экспериментами. Один играет в сочувствие. Другой – жесток. Третий атакует его фактами, которые у них уже имеются, и этот

самый интересный, так как помогает ему узнать, какими данными против него располагает полиция.

Коп тараторит о записях звонков, свидетельнице, заявившей, что видела их двоих на последней прогулке, но Кенни и так знает, что у них есть веские причины для подозрений. Он давно ждал этого момента, но думал, что найдет что сказать, когда придет время. Вместо этого в его голове пустота и он сидит молча, пока словоохотливый коп рассказывает ему больше, чем стоило бы. Но никто не приходит, чтобы остановить его.

Кенни раздумывает, не пора ли ему рассказать всю историю, когда в комнату заходит женщина и что-то шепчет на ухо полицейскому. Ее лицо мрачно, и, пока она говорит, лицо полицейского каким-то образом приобретает точную копию этого выражения. Он толкает своего партнера локтем, после чего оба встанут и выходят из комнаты без объяснения причин. Кенни чувствует, что случилось нечто важное.

Теперь его оставляют в тесной комнатухе для допросов очень и очень надолго. Уже два часа дня, сегодня должна была состояться свадьба Энни. Кенни вышагивает взад и вперед, барабанит пальцами по столу, допивает холодный кофе и морщится от его вкуса. Они обеспечили его ручкой и бумагой, но он так и не решается записать свои показания, чтобы позже они не смогли использовать записи против него. Наконец он встает, выглядывает в крошечное стеклянное окошко на двери и пытается повернуть ручку. Чудо, но та поддается. Дверь не заперта, и он свободен.

Кенни выскальзывает в коридор, быстро осматриваясь и готовясь использовать классическое и не подлежащее обсуждению «Мне нужно в туалет», если вдруг кто-то объявится и спросит, почему он покинул комнату. Но коридор пуст.

Он направляется к лобби, думая, что уж тут-то кто-то обратит на него внимание, но этого снова не происходит. В лобби никого, и это уже по-настоящему странно. Когда копы привели его в участок, он успел заметить кое-кого на ресепшене, нескольких копов, толпящихся поблизости, нескольких людей на стульях в зале ожидания. А теперь он словно перенесся в город-призрак. Кенни не двигается с места и чувствует себя идиотом из-за того, что дает им фору, время понять, что он ушел, и выследить его. Ему совсем не хочется снова сидеть взаперти в маленькой комнате без окон.

И все-таки что-то явно не так. Так что, словно персонаж из фильма ужасов, любопытство которого берет верх над страхом, Кенни отправляется на поиски пропавших. Он поворачивается и идет назад, туда, откуда пришел, и жадно вслушивается, надеясь услышать голоса или звуки

кофемашины... хоть что-то. Но в участке по-прежнему мертвая тишина.

Кенни оглядывается в поисках камеры, которая записывает его движения, гадая, не собрались ли они все в каком-то месте, наблюдая за ним и смеясь. Он так привык, что люди разыгрывают его, насмехаются, используют как объект для шуток, что автоматически ожидает этого даже сейчас.

Внезапно он улавливает звук разъезжающихся офисных кресел и спешит в ту сторону. Ноги несут его в комнату, расположенную за лобби, на которую он никогда не обращал внимания. Это, понимает он, повернув за угол, комната для совещаний, и, кажется, сейчас здесь собрались все сотрудники отделения. Однако они не слоняются без дела, ведя привычные разговоры, отдавая приказы или подливая себе кофе. Они застыли в безмолвии. А шериф Хэл Йорк, который, должно быть, прежде что-то говорил, теперь стоит молча в передней части помещения, склонив голову.

Когда Кенни заходит в комнату, их головы поворачиваются как по команде, а на лицах смесь шока и растерянности. На мгновение он задается вопросом, чем вызвана такая реакция, но потом слышит, как одна из женщин начинает плакать. Она проталкивается мимо него и выходит из комнаты, а ее рука прикрывает рот, тщетно пытаясь заглушить рыдания. Один за другим копы отводят от него глаза, устремляя взгляды в стол, на стаканчики с кофе, на ноги в практичных неприметных ботинках, которые носят люди, вынужденные весь день проводить на ногах.

Он моргает и осматривает комнату, недоумевая, почему никто не потребовал от него объяснений, почему он разгуливает по участку. Наверное, он должен просто повернуться и уйти, но не может сдвинуться с места, словно что-то удерживает его здесь и сейчас; потому что этот момент он запомнит на всю оставшуюся жизнь. Он чувствует тугой ком нового, доселе неизведанного страха в своем горле.

Шериф ловит его взгляд и кивает, призывая его подойти. Кенни кивает в ответ и пытается подчиниться, но его ноги словно прилипли к полу, и он не понимает, как же ему оторвать их от земли. Его мозг приказывает ногам двигаться, но те остаются бесчувственными столбами, а где-то в глубине его разума крепнет осознание того, что так и должно быть – он не должен идти к шерифу, потому что шериф собирается сказать ему самую плохую вещь в мире. Перед его глазами встает образ Энни на школьных танцах в восьмом классе, она отказывается улыбаться, потому что не хочет, чтобы кто-то видел ее новые брекететы, считает, что выглядит некрасиво. Почему он не сказал ей тогда, что ничто на свете не сделает ее уродливой, что для него она навсегда останется самой красивой девушкой в мире? Он должен

был быть смелее, а теперь слишком поздно. И он понимает это прежде, чем шериф произносит хоть слово.

– Эй, эй! – кричит Хэл Йорк и устремляется к нему со всей поспешностью. Сначала Кенни не понимает, почему шериф просит его остановиться, если он не сделал и шага, но потом осознает, что, пока ноги остаются на месте, двигается его тело. Пол взлетает ему навстречу, и он вытягивает вперед руки, чтобы остановить падение, но, увы, уже слишком поздно.

2 июня. Один день после свадьбы

Обнаружено тело пропавшей невесты

Лорел Хейнс, репортер

– Это абсолютно не тот исход, на который мы надеялись, – не пытаюсь сдерживать эмоции, заявил шериф Хэл Йорк, комментируя новость о том, что тело Энни Тафт, невесты из Ладлоу, об исчезновении которой близкие заявили в среду, было найдено глубоко в лесах национального парка Иден-Хилл. Судя по всему, к смерти Тафт привело падение, и шериф пообещал провести тщательное расследование обстоятельств, связанных с ее гибелью.

Энни Тафт была единственным свидетелем смерти своей матери, Лидии Тафт, в возрасте всего трех лет. Трехлетняя девочка опознала убийцу как Корделла Льюиса, друга семьи. Льюис провел в тюрьме двадцать три года, но недавно вышел на свободу.

Весь Ладлоу скорбит вместе с друзьями и близкими Энни Тафт, многие из которых все еще остаются в городе, куда были приглашены на ее свадебную церемонию. «Вестник Ладлоу» опубликует детали похорон, как только они будут обнародованы. А пока мы призываем всех жителей города склонить головы в молитве за семью, которую постигла эта ужасная трагедия.

Фэй

Теперь ей нужно «обо всем позаботиться». Чуть позже они с Клэри посетят похоронное бюро, чтобы выбрать гроб, выяснить, где провести церемонию прощания и где похоронить Энни. Но прежде чем снова предать ее тело земле, они вынуждены ждать, пока его доставят из леса и проведут расследование. Фэй попросила Хэла приложить все усилия, и он пообещал ей разобраться с делом как можно быстрее. И все же она не может поверить в происходящее. Как можно планировать похороны, когда вот-вот должна была состояться свадьба? Ей кажется, что это чья-то жуткая, жестокая шутка, и она все ждет, что кто-нибудь скажет ей: *«Мы просто пошутили. Не волнуйся, Энни в полном порядке»*. Но никто ничего не говорит, и она думает снова и снова: *«Энни, Энни, Энни, девочка моя. Ты*

не можешь уйти. Это неправильно». Словно песня застряла у нее в голове.

Хэл приходит, чтобы рассказать ей, что случилось с Энни. Он приносит запись, на которой Кенни дает показания, садится рядом с Фэй на кровать, и они начинают слушать.

– Ладно, мистер Спейси, – говорит Хэл. – Вы готовы дать показания?

Фэй слышит голос Кенни, все еще полный слез после того, как он узнал о смерти Энни.

– Да, сэр, – говорит он. – Я готов.

– Надеюсь, на этот раз вы скажете правду? – спрашивает Хэл своим «полицейским» голосом.

– И ничего кроме правды, – отвечает Кенни, и по его голосу слышно, как он нервничает. – Да поможет мне Бог!

– Ну что ж, – резюмирует Хэл. – Выкладывайте.

– Мы встретились с Энни Тафт в ночь на двадцать восьмое мая, потому что это был последний шанс побыть наедине перед ее свадьбой. Мы договорились, что это последний раз, когда мы видимся, что больше не будем встречаться после свадьбы, так как это неправильно – встречаться с замужней женщиной. – Кенни делает паузу, но никто его не перебивает, и он продолжает: – Она хотела, чтобы я сел за руль ее новой машины, так как, по ее словам, она все время воображала меня на водительском месте, даже когда была в Джорджии, а я здесь. Она сказала, что так я все еще смогу оставаться частью ее новой жизни. Так что я повез нас в национальный парк Иден-Хилл, куда она хотела поехать.

Фэй слышит голос Хэла.

– И она была в машине?

– Да, сэр, – отвечает Кенни.

– На пассажирском сиденье? – спрашивает Хэл.

– Да, – говорит Кенни. – Она грустила из-за того, что ее мама не может быть на свадьбе, а еще потому, что чувствовала себя виноватой в том, что Корделл Льюис провел в тюрьме все эти годы. Она сказала, что теперь знает, что он этого не делал, и что хочет пойти туда – на место убийства матери, – так как думает, что там к ней может вернуться память. Она хотела пойти ночью – ее мать была убита именно ночью. Она призналась, что у нее есть кое-какие подозрения, хотя пока она ни в чем не уверена.

– Она разъяснила, что это за подозрения? – спрашивает Хэл.

– Нет, она этого не сделала. Она сказала, что еще не готова говорить об этом. Что недавно нечто произошло и у нее такое чувство, что это как-то связано с мамой. Она не хотела вдаваться в подробности, но пообещала, что все расскажет, как только будет знать наверняка.

– Окей, – говорит Хэл.

– Я умолял ее не ходить, потому что начался дождь. Но когда она становится *такой*, ее не остановить. Итак, мы добрались до Иден-Хилла и припарковались в том неприметном месте, где она всегда паркуется. Она не хочет, чтобы кто-нибудь увидел ее машину и понял, что к чему. Поэтому она всегда ее прячет.

– Я этого не знала, – вмешивается Фэй.

Хэл быстро останавливает запись.

– Не знала?

– Нет. Точнее, я знала, что именно туда она уходила, когда была расстроена, но я понятия не имела, что она так старалась сохранить это в тайне.

Хэл пожимает плечами.

– Может быть, нам всем нужны секреты, – бормочет он, прежде чем снова нажать на кнопку воспроизведения.

– Как только мы припарковались, она собиралась выйти из машины, но я протянул руку и остановил ее. Я попросил ее посидеть со мной минутку, и ну я... – Наступает тишина, и Фэй слышит неровное дыхание Кенни. – Я пошел ва-банк. Я сказал ей, что влюблен в нее и знаю, что она тоже любит меня, и хочу, чтобы она отменила свадьбу и позволила мне отвезти ее в Англию, как мы всегда мечтали. Я сказал ей, что сделаю что угодно. Я... умолял.

Снова тишина.

Затем голос Хэла тихо спрашивает:

– Как она отреагировала?

Фэй слышит, как Кенни глубоко вздыхает.

– Она сказала, что никогда не собиралась отменять свадьбу или лететь со мной в Англию. Она сказала мне, что да, она любит меня, но не так. Не как мужа. И я ответил, о, как интересно, с учетом того, что мы только что делали как муж и жена у меня дома. Тогда она сказала: «Не груби», а я возразил: «Я не грублю, а привожу тебе факты». И она сказала: «Слушай, ты был моим первым... – а я действительно им был, – мы были первыми друг у друга – и поэтому ты всегда будешь особенным. Но, Кенни, конечно, ты знаешь, что я не могу выйти за тебя. А то, что было у тебя дома... это было прощание».

Повисает очередная пауза, а потом дыхание Кенни учащается, а голос срывается.

– И я слетел с катушек. Я начал кричать на нее, кричать, что она эгоистичная сука, и что она использовала меня все эти годы, и что я ее

ненавижу и больше никогда не хочу ее видеть. После этого она просто выпрыгнула из машины и убежала в лес.

– А ты пошел за ней? – спрашивает Хэл.

– Конечно, пошел, – говорит Кенни. – Хотя не сразу, если честно. Я подумывал просто уйти, но не смог. – В его голосе Фэй слышит слепую преданность, безусловную любовь. – К тому времени, как я вышел из машины, дождь хлынул еще сильнее. Я побежал за ней, но было темно, и я ни черта не мог разглядеть. Я звал ее снова и снова, но не уверен, что она слышала меня из-за проливного дождя. Я искал как мог, но... я так и не нашел ее. Наконец я просто решил, что, может, она где-то спряталась, ожидая, пока я уйду. И тогда она вышла бы, понимаете?

Голос Хэла:

– Угу.

– Поэтому я оставил ключи на переднем сиденье машины, оставил ее незапертой и пошел домой. Я лежал без сна всю ночь, надеясь, что она позвонит, но она так этого и не сделала. И на следующий день тоже. А потом моя девушка вернулась домой, и я убедил себя, что это конец, что все кончено. Она покончила со мной. Мы никогда больше не увидимся. Она выйдет замуж, и мы продолжим свою жизнь. И я сдержал свое обещание никогда никому ничего не говорить. Я не знал, что она пропала, пока полицейские не постучали в мою дверь.

Возникает пауза, и Кенни добавляет:

– Клянусь жизнью моей матери.

– И это много значит для тебя, не так ли? – спрашивает Хэл. – Жизнь твоей матери?

Ответ Кенни едва слышен:

– Конечно.

Никто ничего не говорит, но Фэй может слышать шелест бумаги, пока диктофон продолжает записывать. Кто-то прочищает горло. Она открывает рот, чтобы попросить Хэла выключить запись, сказать, что слышала достаточно. Но он поднимает руку, призывая ее слушать дальше. И в тот же самый миг она слышит низкий, полный боли полуплач-полукрик, задыхающийся, сдавленный вопль, который может исходить только из глубины души.

– Это моя вина, – рыдает Кенни, и его слова похожи на один долгий мучительный стон. Он еще несколько секунд всхлипывает, потом она слышит, как он пытается взять себя в руки.

Голос Хэла говорит:

– Это несчастный случай, сынок.

– Нет, – возражает Кенни сквозь слезы. – Она мертва из-за меня. Если бы я пошел и попросил о помощи, вместо того чтобы разочароваться в ней, возможно, кто-то смог бы ее найти. Может быть, они спасли бы ее. Если б я не оставил ее там. Если бы сделал хоть что-то – что угодно, – вместо того чтобы не сделать ничего.

– Выключи, – просит Фэй.

Хэл выключает запись.

– Все равно там больше ничего нет. Я пытаюсь успокоить его, а потом мы обсуждаем формальности.

– Это его вина? – спрашивает она хрипло. Она снова это чувствует, снова ощущает потребность обвинить кого-нибудь, покарать причастных. Кого-нибудь, но не человека, который умер. Она жаждала возмездия за смерть Лидии так сильно, но что, если дело было в самой ее сестре? Если бы та была мудрой и зрелой, а не безответственной и импульсивной? Она не имела права отправляться на пикник одна в лесную чащу с трехлетним ребенком. А теперь вот и Энни, выпрыгнувшая из машины и убежавшая в лес среди ночи и под проливным дождем.

Несчастья случаются. Жизнь сворачивает не туда. С людьми происходят ужасные вещи. Теперь у Фэй нет ни сестры, ни племянницы – по вине обстоятельств, которые те сами создали. Виноват ли Кенни? Возможно, отчасти. Но именно упрямство Энни на тему их тайных отношений превратило его жизнь в ад. И теперь ему придется жить со всеми его «если бы» до конца своих дней. «Если бы» и боль утраты. Что ж, у них будет много общего.

Хэл встает и тянет ее за собой. Он крепко прижимает Фэй к себе, целуя в макушку, и ее взгляд устремляется к открытой двери спальни. Он кладет палец под ее подбородок и поднимает ее голову, пока их глаза не встречаются.

– Не беспокойся об этом, – говорит он.

– Кто-то может увидеть, – возражает Фэй и вдруг понимает, насколько она устала от этих трех слов – слов, которые управляли ее жизнью слишком долго. Она устала от секретов, от игр в прятки, от лжи, от отрицания. Довольно правил. Она больше не может делать это с Хэлом. Она хочет жить открыто, в ярком свете дня. Она хочет, чтобы он сказал ей правильные слова, заверил, что будет отстаивать их отношения, что заявит свои права на нее.

Но вместо этого он просто говорит:

– Никто не увидит. – И Фэй знает, что он рассчитывает остаться с ней невидимым. Но она устала быть невидимкой. Она желает света, она рвется

к нему. Она хочет принадлежать, хочет быть с кем-то рядом. Как это и должно быть.

– Тебе пора идти, – говорит Фэй.

Он собирается возразить ей, но что-то останавливает его. Он кивает один раз и уходит.

Клэри просовывает голову в дверной проем сразу после его ухода. Ее голос тих и слаб, когда она зовет ее:

– Мама?

– Да? – отвечает Фэй.

– Я видела, как Хэл уходил, – произносит Клэри, тяжело сглотнув. Она подходит к кровати Фэй и садится рядом, на место, где сидел шериф.

– Да, ему пришлось вернуться в участок, – говорит Фэй. Она знает, как это должно выглядеть для Клэри: Хэл здесь, в ее спальне, на ее кровати. Неприлично интимно, независимо от ситуации. Обычно у полицейских принято сообщать плохие новости в гостиных. – Он принес мне запись показаний Кенни. Не думаю, что он был уполномочен это делать, но... По моему, он просто пожалел меня.

Клэри поднимает руку с усталым выражением на лице.

– Мама, – говорит она. – Тебе не обязательно объяснять.

– Объяснять... что? – спрашивает Фэй, чувствуя, как сильно ее сердце колотится в грудной клетке.

Клэри усмехается точно так же, как делала, когда была подростком и считала, что понимает, как все устроено, лучше Фэй.

– Я все знаю. – Она задумывается на мгновение, смотрит вверх и улыбается кому-то, кого здесь больше нет. – Мы знаем.

– Мы? – спрашивает Фэй, хотя уже знает, что ее дочь имеет в виду.

– Ты думала, что мы понятия не имеем. Но мы жили с тобой. Мы видели, как ты на него смотришь, подмечали нелепые причины, которые он изобретал, чтобы оказаться здесь. Мы смеялись над этим. Мы... – Голос Клэри прерывается, и рука Фэй тянется к дочери – закрыть ее, защитить. Это движение рефлекторно, как в машине при резком ударе по тормозам; одна из тех забавных вещей, что выходят сами собой.

Фэй гладит спину Клэри, пока та плачет, и ее глаза тоже полны слез – они тоскуют по Энни вместе. Да, Энни ушла, но она все еще с ними, и Фэй предполагает, что теперь за ее плечами будет еще один ангел. Энни и Лидия, она будет носить с собой их обеих.

К Клэри возвращается самообладание.

– Энни и я все разгадали, – говорит она, сглотнув и глядя Фэй в глаза. – Вместе, – заканчивает она, и на этот раз ее голос звучит ровно.

Фэй кивает, изо всех сил стараясь выглядеть должным образом виноватой и раскаивающейся, но на самом деле все, что она чувствует, это огромное облегчение. У нее пока не было времени для сомнений. Это время придет позже, после похорон, когда продолжится реальная жизнь. Быть последовательной – разве не этого принципа она всегда придерживалась? Именно он привел ее туда, где она сейчас, и теперь ей волей-неволей придется следовать ему до самого конца.

– Прости, что не была хорошим примером для подражания, – говорит она. – Я подвела тебя.

– Нет, – говорит Клэри. – Ты не подвела никого из нас.

Фэй скептически смотрит на нее.

– Правда! – продолжает Клэри. – Мы просто жалели тебя: ты любила его так сильно, а он был женат. Мы просто хотели, чтобы ты была счастлива. Того же, чего ты всегда хотела для нас.

Фэй напрягает губы, и на ее лице проступает едва заметная улыбка. Она смотрит на свою дочь и видит, что жизнь продолжается. Она видит, как круг их жизней – ее и Клэри – замыкается. Они, как фигуристы на большом катке, делают восьмерку: один круг завершен, другому только предстоит быть нарисованным.

– Ты готова? – спрашивает Клэри. – Нам пора идти.

Фэй снова пытается улыбнуться, и на этот раз ей удастся поднять уголки губ чуть выше. Она пройдет через это ради своей дочери. Она будет последовательна и сделает все, что необходимо. Она «обо всем позаботится» и похоронит свою племянницу рядом со своей сестрой, разделит скорбь со своим ребенком и будет горевать сама. Она замкнет один круг и сразу же выйдет на следующий – и у нее все получится. У нее всегда все получается, независимо от того, насколько ей сложно.

– Я готова, – отвечает она.

3 июня. Два дня после свадьбы

Клэри

В понедельник днем она едет к мисс Минни, чтобы отвезти ее на прогулку, как это происходит всегда. Фэй умоляет ее не делать этого, объясняет, что никто от нее ничего не ждет, что Глиннис сама способна позаботиться о собственной матери. Но Клэри это необходимо, необходимо делать хоть что-то – лишь бы не сидеть в опустевшем доме, который покинули и полицейские, и волонтеры, потому что некого больше искать. Энни найдена. Все изменилось.

Так что она снова едет к мисс Минни, чтобы услышать рассказ, который слышала уже тысячу раз, проехаться маршрутом, которым ездит каждый день, и отвлечь свой мозг от попыток найти смысл в случившемся. Она займется тем, что может, потому что других идей у нее нет.

У Минни в гостях Глиннис и Лорел, обе явно не ожидают ее, сидя на кухне и разговаривая о чем-то своем. Клэри стучит в дверь, и они вздрагивают от неожиданности, глядя на нее так, будто увидели привидение. Глиннис вскакивает на ноги и суетится вокруг Клэри, расспрашивая обо всех, но, к счастью, быстро замолкает, подводит Минни к машине и машет рукой на прощание, пока Клэри выезжает на дорогу задним ходом. Лорел топчется в дверях дома Минни, наблюдая. В ее взгляде Клэри видит томление, жажду истории. Но история уже рассказана.

Клэри убавляет громкость радио ровно до того уровня, который предпочитает Минни, когда рассказывает свою историю. Она ожидает, что та по обыкновению начнет говорить, пока они выкруливают на главную дорогу. Однако Минни молчит. Клэри бросает взгляд на свою пассажирку, та глядит в окно, на дорогу, по которой ездила всю свою жизнь, но теперь не способна удержать это в памяти. И все же одно воспоминание там еще осталось.

Клэри подсказывает.

– Это был прекрасный день, – громко говорит она, надеясь, что это поможет Минни.

Но та по-прежнему хранит молчание.

Они поворачивают, и Клэри снова пытается.

– Генри сказал: «А не прокатиться ли нам, Сахарок», – напоминает

она, полагая, что если начать за Минни предложение, та проглотит наживку и продолжит сама. Клэри становится страшно: вдруг Минни утратила и это, свое последнее воспоминание? Она не выдержит, если хоть что-то еще пойдет не так, и потому пытается снова, с другой стороны подойти к истории, которую знает назубок: – Семья – важнее всего.

Неожиданно уловка срабатывает. Мисс Минни отворачивается от окна и улыбается Клэри:

– Да, дорогая. Это действительно так.

Минни глубоко вздыхает, и Клэри преисполняется надежды. Сейчас та расскажет ей свою историю, и все вернется на круги своя – а это уже по крайней мере одна вещь, на которую она может рассчитывать в этом мире.

Однако то, что мисс Минни говорит дальше, выходит за рамки привычного сценария:

– Именно ради семьи я сказала Генри, что ему придется это сделать. Придется заставить эту девку молчать. – Минни продолжает смотреть в окно. Ее голос звучит тихо и ясно, когда она добавляет: – Она собиралась рассказать всем о том, что между ними было.

Кровь Клэри застывает в жилах, и она с силой вцепляется в руль, пытаясь удержать ногу на педали газа, а машину на дороге. Она бросает взгляд на мисс Минни, ожидая, что та продолжит глядеть в свое окно, но вместо этого старушка смотрит своими помутневшими глазами прямо на Клэри.

– Она тебе нравится, знаю. Я думаю об этом с того самого дня, когда ты впервые пришла отвезти меня на прогулку. Ты и ведешь себя как она. Диковатая, не такая, как все. У нее не было таких татуировок, как у тебя, но она всегда творила сумасшедшие вещи со своими волосами и еще много чего. Необузданная, бунтарка. Из тех, кого мужчины так и норовят приручить. – Минни поднимает голову. – Кто-нибудь пытался приручить тебя?

Клэри заставляет свое лицо оставаться спокойным и не выражать никаких чувств.

– Н-нет, – запинается она.

Не найдя подходящего места, Клэри в три приема разворачивается прямо посреди дороги. Она едва ли не молится, чтобы приехал полицейский и спросил ее, какого черта она творит, дабы скорее убраться подальше из этой машины и от этой сумасшедшей старухи.

– В тот день он рассказал мне все, – продолжает Минни, словно не замечая, что Клэри изменила свой маршрут и находится на грани нервного срыва. – Он сказал: «А не прокатиться ли нам, Сахарок». И я знала, что

будет дальше. Я подозревала. Он просто признался во всем, пока мы ехали. Рассказал мне о той девчонке, которая на нас работала: как она соблазнила его, сбила с пути истинного. Сказал, что он должен играть в открытую, потому что она угрожала, что всем расскажет. Сказал, что у нее есть доказательства, что она может принести нам серьезные неприятности. И что ему нужно все исправить, что он сделает все что угодно. Он так и сказал: «*все что угодно*», и он действительно имел это в виду.

Мы ехали прямо по этой дороге, и день стоял прекрасный. И мы говорили о разных вещах, о тех вещах, что вроде и не имеют особого значения, но почему-то всегда о них говоришь. Так в то время казалось – надо о них говорить, стоит того. Потом мы пошли смотреть бейсбольный матч Нила. А после игры он оставил меня дома и пошел искать ее. Она разбила лагерь ночью, используя снаряжение из нашего магазина. Он сказал, что точно знает, где она будет, и убедится, что со всем покончено. Я, конечно, понятия не имела, о чем именно он говорит. Я поняла это позже.

Сердце Клэри стучит так громко, а тело дрожит так сильно, что она опасается панической атаки, которая не даст ей вернуться в дом, где сейчас Глиннис. Она говорит себе, что ей во что бы то ни стало нужно туда попасть, высадить Минни из машины, чтобы позвонить Хэлу Йорку, мужчине, которого любит ее мать, и рассказать ему, что она только что услышала. Она вжимает в пол педаль газа, и машина набирает скорость.

Минни качает головой.

– Тебе известно, что в ту ночь с ней была маленькая девочка? Мы всегда ужасно боялись, что маленькая девочка скажет кому-то, что она видела, или узнает его. Но мы ничего не могли с этим поделать. Мы не могли обидеть милое дитя – слишком рискованно для нас обоих. Надо было просто надеяться на лучшее. И тогда это лучшее случилось: маленькая девочка сказала полиции, что это сделал кто-то другой. – Воцаряется тишина, а затем Минни продолжает: – Она приходила сюда на днях, чтобы отвезти меня. Ты это знала?

Не сводя глаз с дороги, Клэри заставляет себя кивнуть.

– Я тогда сказала ей, что знаю, кто она такая. Но не думаю, что она сообразила, о чем это я. – Минни щелкает языком. – Теперь эта маленькая девочка мертва. – Она качает головой. – Какая жалость.

Минни раздумывает о сказанном несколько минут, а затем поворачивается и смотрит на Клэри, пока та наконец-то заезжает на подъездную дорожку дома старухи.

Клэри паркуется и, пошатываясь, выбирается из машины, как можно дальше от подернутого катарактой взгляда Минни, а потом падает на

четвереньки в полосу придорожной травы. Пахнет землей и зеленью, а былинки щекочут ее нос. Клэри тошнит. Рвет.

Глиннис выбегает из дома.

– Бедная, – причитает она. – Я не должна была позволять тебе катать маму сегодня! Я знала, что это чересчур!

Глиннис нависает над Клэри, пока та сплевывает в траву, ведя себя так, будто не замечает в поведении Клэри ничего особенного.

– Мама расстроила тебя? Она сказала, что собиралась о чем-то с тобой поговорить, но я не обратила на это внимания. Я просто решила, что она будет рассказывать тебе ту же историю, что и обычно.

Глиннис заламывает руки и продолжает тараторить:

– Она была не в своей тарелке с тех пор, как Энни пришла сюда, чтобы отдать ей этот носовой платок, если хочешь знать правду. Она просто сидит и треплет этот платок, как безумная. Потом она увидела в новостях, что Энни умерла, и стала вести себя еще более странно, чем обычно. Так что не бери в голову – что бы она ни сказала. Хорошо?

Глиннис смотрит на Минни, которая все еще невозмутимо восседает на переднем сиденье машины, затем снова на Клэри, сидящую на корточках и томящуюся от жажды.

– Бедняжка, – говорит она. – Я могу как-то помочь?

Клэри кивает и поднимает глаза на Глиннис, полуденное солнце сияет над ее головой. В дверях дома Лорел – изумленно наблюдает за ними. Клэри вытирает рот тыльной стороной ладони:

– Мне нужно, чтобы вы позвонили 911.

8 июня. Неделя после свадьбы

Кенни

На самом деле его новые отношения были идеей Энни. Идеей, которой он долго противился. Но как только Энни приняла кольцо Скотта, он сказал ей, что готов. Он надел рубашку, которая нравилась ей, – ту, что она купила ему на день рождения, заметив, что рубашка подчеркивает цвет его глаз. Он хотел, чтобы Энни увидела, что теряет, когда рассказал ей о девушке, которую встретил и которая понравилась ему. И она действительно ему нравилась. Эта часть не была ложью.

Девушка, которая станет его, была красивой и доброй, а ее манера речи едва заметно напоминала ему манеру Энни. Его влекло к ней – просто не так сильно, как к Энни. Но, как говорится, этот поезд ушел, и ему нужно было двигаться дальше. Именно так Энни сказала ему, и он повторял эти слова в своей голове – ее же голосом, чтобы она всегда была рядом, даже если не с ним.

Когда он рассказал ей о девушке, он ожидал, что Энни ответит как обычно. Все эти слова, что не нужно держаться за прошлое, что надо двигаться дальше. Но вместо этого Энни заплакала. Она плакала, пока у нее не потекло из носа, и слезы градом лились из ее глаз, а затем она встала, чтобы пойти в ванную, потому что была смущена тем, как выглядит. Но он думал, что она красивая, и сказал ей об этом, когда она вернулась.

Она снова начала плакать, когда он сказал это, и на этот раз он встал, чтобы принести ей салфетки, но единственным, что ему удалось найти, оказался рулон бумажных полотенец, так что он оторвал несколько и вручил их ей. Она взяла их и стала вытирать свое печальное лицо.

– Я трусиха, – глухо сказала она в бумажное полотенце. – Я делаю все, чего от меня ожидают, и ничего из того, что бы хотелось делать мне самой.

– А что бы ты хотела делать? – спросил он ее.

– Я не знаю! – крикнула она и закрыла лицо руками. И снова начала плакать.

Иногда он чувствует боль в своем сердце, но так глубоко, что может просто притвориться, будто ее там нет. Он мог бы на время стать шахтером – спуститься туда, в крошечную темноту, чтобы найти боль, выкопать ее и вытащить на свет. Но вместо этого он просто позволяет ей оставаться там,

где она есть. Именно так он научился не давать жизни надрать ему задницу. Именно так он научился жить с любовью к Энни. Энни, которая тоже любит его, но не может быть рядом, потому что не знает, чего хочет, и потому делает то, что ожидают от нее другие люди. Например, принимает кольцо Скотта, планирует пышную свадьбу и продолжает пытаться быть Девушкой, У Которой Все Идет Хорошо.

Он сказал ей, что не будет давить на нее, вынуждая выйти за него замуж, как делает Скотт. Они могут просто жить вместе. Они могут быть лучшими друзьями. И они могут говорить обо всем и делиться своими самыми смелыми мечтами, когда на улице темно и кажется, что этот мир принадлежит только им двоим и нет ничего невозможного. Они могут оставить все так, как оно всегда было между ними. Он говорит ей все это, но она отвечает: нет, это так не работает, жизнь устроена по-другому и есть вещи, которых он просто не понимает.

– Хотела бы я перерастить тебя, как перерастаешь фруктовое драже, комбинезоны и походы на каток в пятницу вечером, – говорит Энни.

Но Энни его не перерастает. Она звонит ему, когда Скотт уезжает. Она приходит, когда ей одиноко. Она уверяет, что ей очень-очень-очень жаль, что она использовала его. Но он просто говорит: «Используй меня как тебе угодно», что заставляет ее целовать его и спрашивать, почему он терпит ее.

– Потому что я люблю тебя, – объясняет он.

– И я тебя, – говорит она. Но этого недостаточно. Иногда Кенни понимает, что любви недостаточно. Ее не хватило, чтобы они были вместе, и ее не хватило, чтобы удержать Энни здесь, на земле, где он нуждается в ней.

В дверь квартиры кто-то стучит, и на мгновение он чувствует приятное волнение в груди. Пройдет много времени, прежде чем он перестанет думать «Может быть, это Энни!», слыша звонок телефона или неожиданный стук в дверь. Возможно, это до конца его жизни.

Он плетется к двери, надеясь, что это не полицейские, желающие задать ему очередные вопросы. Он устал от полицейских, и, кроме того, разговоры окончены. Во всяком случае, для него. Они говорят, что это не его вина. Все так говорят. Впервые за всю свою жизнь в этом городе он видит сострадание и сочувствие в глазах людей. Но, как бы он ни ценил их поддержку, пройдет много времени, прежде чем он сможет согласиться с любимым из них. Он не должен был кричать на нее, называть ее всеми этими словами, вынуждать убежать от него.

Но это не коп. Это его девушка стоит там, или девушка, которая раньше была его девушкой. Она выглядит красивой, грустной и немного

испуганной. Ему интересно, боится ли она его или того, что он скажет. Но он не спрашивает. Он просто улыбается ей и говорит: «Рад тебя видеть». Потому что это не ложь. Ее приход – сердцу отрада, как говорила Энни.

– Ты в порядке? – спрашивает она, указывая на синяк у него под глазом, на разбитую губу.

– Упал, – отвечает он и, произнося эти слова, снова видит случившееся как наяву – шерифа, бегущего через комнату, чтобы подхватить его. Хоть тот и не успел вовремя, он пытался.

– Но все нормально, – быстро добавляет Кенни.

Конечно же, это вранье. Он несчастен. Но как он может сказать ей, что несчастен, потому что его любимая девушка мертва? Он потерял любовь всей своей жизни. И все это время он позволял девушке, стоящей перед ним, считать, что эта любовь – она. Он поступал плохо, и он понимает это сейчас. Но впервые он понимает и что-то еще: Энни тоже поступала плохо, прося его о таком.

– Я слышала о девушке, из-за которой тебя допрашивала полиция. Твоей... подруге из школы?

– Энни, – говорит он, и ему больно произносить ее имя вслух.

– Ужасно, что это случилось, – говорит она.

– Да, – соглашается он, чувствуя, как ей неловко и как она нервничает.

– Жаль, что ты не рассказывал мне о ней, – говорит она, и в ее словах больше нет злости, просто грусть.

– Она просила меня не говорить, – объясняет он. Слезы щиплют ему глаза. Он не любит плакать. От этого у него болит голова. Он все еще не оплакал Энни и боится начинать. Но, глядя на грустное лицо девушки, он хочет плакать. Он хочет плакать из-за того, что потерял их обеих.

– Хочешь войти? – спрашивает он, вспоминая о манерах.

Сара улыбается и кивает. Он отступает и отводит руку в сторону, универсальный жест, говорящий «Проходи, здесь тебе рады». Но она понимает его иначе. Вместо этого она видит в этом приглашение к объятиям и потому обнимает его. Она обнимает его прямо там, в дверях, где любой может их увидеть. Она не стыдится его, она не задает ему вопросов, она никогда этого не делала. Он обвивает ее руками, обнимая в ответ. Она не Энни. Она Сара, и она здесь.

– Прости меня, – говорит он.

– Все хорошо, – отвечает она. И пусть это не так, он не обращает на это внимания. Там, в дверях, в объятиях Сары, ему приходит в голову, что все снова может быть хорошо. И пока ему вполне достаточно этой робкой надежды.

Они оставляют ее одну, чтобы она могла сделать Энни прическу, и, как только дверь за сотрудником похоронного бюро закрывается, она принимается раскладывать свои инструменты в привычном порядке: круглая щетка для волос, расческа, утюжок, лак. Она не позволяет себе слишком много размышлять о происходящем. Она старается не думать об обстоятельствах или обстановке. Она просто игнорирует холод и приступает к делу, желая, чтобы пальцы подчинялись ей, несмотря на то как они замерзли. Хочет, чтобы сердце и память не вмешивались, пока тело делает то, что должно.

Девушки из салона, конечно, предлагали подменить ее, но она не смогла им этого позволить. Она должна была причесать Энни для свадьбы, и будет правильно, если она сделает то же самое для похорон. В этом есть парадоксальная симметрия. Ее не было рядом, когда Энни родилась. Она хотела, но ее муж не отпускал. Она поговорила с Лидией по телефону позже и пообещала приехать так скоро, как только получится, чтобы увидеть свою новорожденную племянницу. Но Энни было уже больше года, когда она смогла наконец выполнить свое обещание.

Возможно, ее не было рядом, когда Энни пришла в этот мир, но теперь она рядом, чтобы увидеть, как она его покидает. И Фэй сделает то, чего не смогла сделать ее сестра. Она стряхивает слезы и с помощью гребня распутывает колтуны в волосах. По ее просьбе похоронное бюро уже вымыло и высушило волосы Энни, но они отвратительно расчесали их.

– Мне все время кажется, что я сделаю тебе больно, – говорит она неподвижной и безмолвной девушке на столе, и ее голос звучит громче, отражаясь от кафельных стен.

Они уже надели на Энни вещи, в которых ее похоронят: наряд, что она собиралась надеть, уезжая со свадебного приема, – маленькое белое кружевное платье. Они купили это платье вместе в Гринвилле, и Фэй старается думать о том дне, о живой и счастливой Энни, о напевающей Энни, об Энни, примеряющей наряд за нарядом, пока Фэй не будет валиться с ног от усталости и не начнет умолять ее пойти домой.

– Я все время жду, что ты начнешь ворчать на меня, – продолжает Фэй. – Ты всегда была таким нежным ребенком. – Она смеется про себя, вспоминая ад, через который прошла, расчесывая волосы обеих девочек после ванны, когда те были маленькими. Пожалуй, им было бы мало даже всех мировых запасов специального шампуня.

– Тебе стоит рассказать своей маме, какую хорошую работу я проделала, – говорит она. – Ничего, если ты немножко приукрасишь правду. – Она думает об этом, а затем добавляет: – Хотя там, где ты сейчас находишься, это, наверное, запрещено. – Она снова хихикает, бессознательно ожидая, что Энни будет смеяться вместе с ней. Она вглядывается в лицо Энни, желая найти след улыбки. Но тот, кто одевал ее, также позаботился стереть с ее лица всякое выражение. Это по-прежнему Энни, но теперь она лишена каких-либо эмоций или человечности.

– Помнишь, когда я сделала тебе прическу на выпускной, а ты ее возненавидела? Ты пошла в свою комнату, а я кричала, чтобы ты не портила работу, на которую я потратила столько времени.

Эта сцена так живо разыгрывается в ее памяти, будто все было вчера. Энни в гневе убегает в свою комнату, крича: «Не буду, тетя Фэй», хотя они обе понимают, что именно этим она займется за закрытой дверью.

Конечно же, когда Энни вышла, от новой прически на ее голове не осталось и следа, а предательница Клэри притащила в комнату огромную плойку, чтобы завить прямые волосы Энни в длинные кудри. Вышло даже лучше, чем прическа, которую сделала Фэй, но она этого так и не признала. Напротив – они не разговаривали друг с другом еще несколько дней.

Фэй снова смаргивает слезы, застилающие ей глаза, распутывает остальные волосы и использует распрямляющий утюжок, чтобы разгладить длинные локоны Энни, превратить их в блестящий поток распущенных волос. У девочки всегда были великолепные густые волосы, а бедная Клэри постоянно возилась со своей шевелюрой, перекрашивая ее во все возможные цвета – Фэй подозревала, что она просто завидовала кузине. Кстати, на выпускной Клэри так и не пошла, решив бойкотировать его и остаться дома с Трэвисом.

Фэй продолжает разговаривать с Энни так, словно они просто, как обычно, болтают:

– Я думаю, ты уже это знаешь – потому что наблюдаешь за всеми нами, – но Минни Портер во всем создалась Клэри, – говорит она. – Тайна того, что случилось с твоей матерью, наконец-то раскрыта благодаря твоей кузине.

Ее дочь разгадала загадку, которая мучила весь город десятилетиями.

– Ты бы так гордилась ею, – добавляет Фэй. – И эта ее птица. Та, которая потерялась. Ты помнишь, как она тогда расстроилась?

Фэй вздыхает. Это случилось всего несколько недель назад, но такое ощущение, что прошли годы.

– Представляешь, каким-то образом эта птица оказалась там, где

лежала ты! Именно она и привела их к тебе, и я не уверена, что без нее они вообще нашли бы тебя. Я никогда не обращала никакого внимания на этих птиц – мне было все равно, хотя, ты знаешь, Клэри всегда говорила, что ее голуби особенные. Теперь я выхожу на улицу каждый день, чтобы проведать их. Я пытаюсь запомнить их имена, а Клэри даже разрешила одному из них посидеть на моем пальце. Он начал хлопать крыльями и поднял настоящий ветер. Мои прическа была испорчена! – Фэй смеется, но по ее щекам бегут слезы.

Тем временем укладка Энни почти закончена. Фэй добавит немного лака для волос, это глупо, но почему-то кажется важным. Она берет паузу, чтобы прочувствовать происходящее, по достоинству оценить этот дар, возможность побыть наедине с Энни и признаться в том, в чем всегда боялась признаться. Фэй надеется, что Энни слышит ее, где бы та сейчас ни была. Она чувствует это. Вот почему, понимает Фэй, именно она должна была заняться прической Энни – она и никто другой. Ей есть что сказать, и ей выпал последний шанс сделать это.

– Ты спасла мне жизнь, – говорит она своей племяннице. Слова застревают у нее в горле, и она сглатывает. – Я не знаю, что случилось бы со мной, если бы я осталась в Вирджинии, а не приехала сюда к тебе. Я думаю, что Ти Джей, возможно, убил бы меня. А если бы не убил, я была бы мертва душой. Я уже чувствовала, что умираю, когда раздался тот ночной телефонный звонок.

Она закатывает глаза и нервно смеется.

– Знаю, знаю. «Тетя Фэй, вы так любите все драматизировать». Наверное, и правда это люблю. Но когда я думаю о своей жизни – о том, чем она стала, – ты, Клэри и Хэл, мой салон, мне кажется... что так все и должно было сложиться. Такое ощущение, что я оказалась точно там, где мне и было суждено. Но я не могла бы... ничего этого не было бы у меня, не будь рядом тебя. И мне так жаль... – Ее глаза наполняются слезами, и на этот раз она не вытирает их. – Я всегда говорила тебе, что должна делать ты. Но были вещи, которые должна была сделать я, но так и не сделала.

Она позволяет слезам течь по ее щекам, размазывая тушь. Она обхватывает руками неподвижное, тихое тело своей племянницы.

– Мне так жаль, что когда-то я заставила тебя думать, что пожертвовала всем, оставшись здесь и воспитывая тебя. Потому что на самом деле это стало моим великим счастьем. – Она осматривает комнату, потолок, желая, чтобы ей явился знак, подтверждение того, что Энни ее слышит. Она должна верить, что это так. Фэй ненадолго задерживает свою руку на щеке Энни, бросает последний взгляд на работу, которую

проделала, и, удовлетворенная, выходит из комнаты в облаке лака для волос. Она чувствует – все идет правильно и Энни бы это понравилось.

Лорел

Тайсон Барнс приходит на похороны Энни. Он находит Лорел в одиночестве на скамейке в задних рядах, Лорел, пытающуюся объяснить себе, почему она здесь, но не находящую никакой другой причины, кроме ощущения, что она должна. Ее мать отказалась приехать, волнуясь о том, как воспримут ее визит, и потому оставила дочь один на один с толпой. Впрочем, история Энни была – и *остается* – историей Лорел, – и она чувствует себя обязанной довести ее до конца, пусть даже это не тот конец, на который она надеялась.

Лорел настолько благодарна Тайсону Барнсу, что готова обнять его, просто потому, что он обратил на нее внимание.

– Я могу присесть? – спрашивает он. Лавка свободна по обе стороны от нее, так что у него есть возможность выбора.

Она не знает, насколько ее присутствие здесь уместно. Слухи о шокирующем признании ее бабушки все еще будоражат город. Тайсон садится на скамью, чтобы прикрыть ее от любопытных взглядов. Она понимает, что ищет в толпе лицо Деймона. Ей интересно, будет ли он держать дистанцию сейчас, когда всплыла правда, и она не будет винить его, если так. На добром имени ее семьи теперь поставлен большой жирный крест. Если верить бабушке, ее дедушка убил мать Энни, и Лорел до сих пор едва может поверить в это.

– Как держитесь? – спрашивает Тайсон Барнс шепотом. Тем временем другие скорбящие тихо заходят в церковь, головы опущены. Она видит, как некоторые из них смотрят на нее, затем отводят взгляд. Новости имеют свойства распространяться молниеносно. Особенно плохие новости.

Она пожимает плечами.

– Думаю, я все еще в шоке, – шепчет она.

Он качает головой.

– Я знал, что Корделл Льюис этого не делал. Но я не имел ни малейшего понятия, кто это может быть, – говорит он. – И хочу, чтобы вы это понимали.

Лорел кивает, глядя себе под ноги.

– Эй, – говорит Тайсон, и она поднимает глаза. – Вам не следует переживать из-за того, что случилось. Вы ни в чем не виноваты.

Она заставляет свои губы растянуться в благодарной улыбке.

– Я знаю, – говорит она.

– Тогда держите голову выше. Не извиняйтесь ни перед кем из этих людей за то, кто вы есть. Да, ваш дедушка сделал нечто ужасное. Но это были не вы.

– Тогда почему я чувствую себя так, будто я? – спрашивает она.

– Потому что вы из одной семьи. Думаю, дело в коллективном чувстве вины. Этот город провел годы, презирая невинного человека, и все мы невольно оказались причастны.

– Я даже думала написать об этом книгу, – говорит она, и ее слова звучат неожиданно громко. Испугавшись, она прикрывает рот рукой и понижает голос до шепота: – Я хотела прославиться на чужой трагедии.

Тайсон Барнс смотрит на нее.

– Вы хотите сказать, что теперь этого не сделаете, так как трагедия коснулась вас лично?

Его слова застают ее врасплох. Она поднимает голову.

– Что вы имеете в виду?

Он улыбается ей, словно она ребенок, с которым просто нужно проявить терпение.

– Раньше от вас требовалось всего-навсего сообщить о трагедии. Это несложно. Совсем другое – когда вы сами переживаете ее. Хотя, возможно, именно в этот момент в сердце приходит по-настоящему стоящая история. Может быть, когда вы переживаете искренне – полностью погружены в происходящее, вместо того чтобы наблюдать за ним со стороны, – вы лучше понимаете, как именно вам стоит об этом написать. – Он пожимает плечами. – Но что я знаю? Я всего лишь адвокат. И помогаю подонкам.

Она собирается сказать ему, что Корделл Льюис не подонки. Что подонком был ее дедушка – тот самый, что носил для нее ириски в кармане и помог выучить наизусть все слова из песни «Держи ритм» Джонни Кэша. Но затем она слышит, как кто-то спрашивает: «Здесь занято?», поднимает голову и видит рядом Деймона: руки в карманах, на лице – надежда.

Она двигается и, когда он садится рядом, чувствует, как волна облегчения накрывает ее. Она боялась, что Деймон отвернется от нее теперь, когда она оказалась внучкой убийцы. Она даже боялась, что он ее уволит, что отец заставит его сделать это, дабы избежать негативных ассоциаций. Признание бабушки перевернуло ее мир. Но, сидя здесь, в церкви, она понимает, что иногда перевороты нужны, а история должна принять совсем иное направление, чтобы все встало на свои места.

Шериф подходит к Тайсону, и тот поворачивается спиной к Лорел и

Деймону, чтобы поговорить с ним. Деймон использует эту возможность, чтобы податься вперед и приблизить губы к ее уху.

– Теперь он мой конкурент? – шепотом спрашивает он, указывая на спину Тайсона.

Она ошарашенно отстраняется и смотрит на него.

– Конкурент? – шепчет она.

Он закатывает глаза и вздыхает.

– Я уже признался, что влюблен. Разве для тебя это новость?

– Ты говорил, что был влюблен, когда мы были детьми, – говорит Лорел. – Но... сейчас? – Она в полном замешательстве, и это заметно.

Деймон улыбается и кивает.

– Сейчас.

– Что ж... Для меня это новость.

Деймон с расслабленным видом откидывается на спинку скамьи.

– Хорошо, что мы с тобой специалисты по новостям, верно?

– Да, – соглашается Лорел и впервые за долгое время чувствует облегчение. Она размышляет о словах Тайсона – о том, что история пишется лучше, когда ты – ее часть. Может быть, как раз это она и упустила – ту часть, что затрагивает сердце, берет за душу, часть, которую все время держала про запас. – Да, – соглашается она. – Хорошо. – Вступает орган, и, нота за нотой, музыка распространяется, заполняя величественными звуками все пространство вокруг.

Клэри

Когда Трэвис заканчивает проповедь, она выскальзывает из церкви в боковую дверь. Она идет к клетке, где голуби – четыре птицы, сбившиеся в кучу в маленьком пространстве и тихо воркующие, – ждут освобождения. Осторожно, одного за другим, Клэри пересаживает их в корзину, из которой потом выпустит. Крышка будет закрыта, пока не придет время открыть ее и позволить им улететь.

Мика все еще слишком слаб, поэтому Клэри оставила его в голубятне. Ему нужно время, чтобы набраться сил. Есть время ползать и время парить в небесах, время оставаться и время отпускать. Все свое время. Она поднимает голову к небу, к пушистым белым облакам, к яркому, слепящему солнцу. Она вдыхает горячий июньский воздух, чувствует, как тот влажным потоком заполняет ее легкие, ловит запах гортензий, цветущих поблизости, чувствует, как твердо ее ноги стоят на родной земле. У Клэри есть то, чего

нет у Энни. У нее еще есть время.

Уже десятки раз она выпускала голубей на похоронах, но никогда еще ее птица не символизировала душу человека, которого она любила. Прихожане начинают понемногу выходить из церковных дверей, но Клэри продолжает смотреть на небо, думая о тете Лидии, ожидающей на небесах встречи с Энни, радостного воссоединения, которое наконец-то наступит для них. В конечном счете, Энни всегда стремилась только к ней, к своей матери. И Клэри утешает эта мысль – маленькая девочка и ее мама снова рядом, и больше не нужно гадать по звездам – можно жить среди них. Сейчас Клэри пытается обрести утешение во всем – только так она сможет справиться с произошедшим.

Служба заканчивается, и Клэри стоит, тихо и спокойно, держа корзину и ожидая скорбящих, чтобы собраться на заросшей травой полянке, где она будет выпускать птиц. Она кивает людям в ответ, но никто не улыбается, никто не окликает ее. Все мрачны и серьезны, как и должны быть. Есть времена, когда благоговение необходимо, закономерно и естественно. Клэри не религиозный человек, и все-таки она верует.

Она верует в души, покидающие этот мир, и Господа, что принимает их. Она верует в любовь, и в судьбу, и в надежду. Она верует в то, что все, что ни делается в этом мире, каким-то образом делается к лучшему. Она думает о Трэвисе, о дочери, которую оставила, о своей маме и кухне, о том, что уже случилось и должно случиться. Она верует: смысл есть в каждом «привет» и «пока», в каждой победе и в каждом поражении, в каждой черной полосе и в каждой белой. Она открывает корзину, выпускает голубей, и все эти переживания разом наполняют ее до краев.

Птицы шумно хлопают крыльями в попытках взлететь к небесам. От ветра, который они поднимают, у нее захватывает дух, и она пронесет это ощущение через всю свою жизнь. Она чувствует себя одновременно опустошенной и переполненной. Она чувствует себя очень смелой и очень испуганной. Она чувствует себя больше, чем жизнь, и меньше, чем пылинка. Но важнее всего чувство необъяснимого, неопишуемого покоя. Она думает о словах, услышанных однажды: «Грех неизбежен, но всё разрешится, и сделается хорошо»^[11]. Да, думает она, так и будет.

Она задерживает дыхание, глядя, как голуби поднимаются все выше и выше в небо.

– До свидания, Энни, – шепчет она, и ее глаза наполняются слезами, а в горле застревает ком. – Мне будет так тебя не хватать.

Вместе со всеми она наблюдает, как голуби все кружат и кружат в небе, выглядывают ориентир, ища свой путь домой.

Цыпленок гриль в маринаде из 7UP по рецепту Фэй

500 мл 7UP

250 мл соевого соуса

1 столовая ложка хрена (по желанию, но Фэй всегда его добавляет)

250 мл оливкового масла

Филе куриных грудок

Смешать все ингредиенты, кроме курицы, в миске. Залить полученным маринадом куриные грудки и поместить их в холодильник как минимум на восемь часов. Обжарить грудки на гриле. Подавать с жареным или вареным картофелем и зелеными овощами (или салатом, как сделала Фэй).

Благодарности

В этой части книги я постараюсь не забыть поблагодарить всех, кто помог мне в работе над ней. Книга не далась мне легко, так как в процессе ее написания мне пришлось бороться с несколькими недугами, а потому потребовалось гораздо больше внимания друзей и близких, чем обычно. К счастью, теперь все позади, а значит, можно расслабиться, откинуться в кресле и, возможно, даже позволить себе глоток чего-нибудь освежающего. Итак...

Огромное спасибо моему мужу Курту Уалену и нашим детям (Джеку, Эшли, Мэтту, Ребекке, Брэду и Аннелизе) за силу духа, позволившую им не только мирно сосуществовать со мной все это время, но и проявлять заботу. Это было нелегко, я знаю, и потому я очень благодарна вам, ребята. Кроме того, Курт (он просил меня упомянуть об этом) безмерно помог мне (он просил меня использовать слово «безмерно») с сюжетом о Фэй и Хэле Йорке, которого теперь называет не иначе как Хоппер^[12].

Ариэль Лоухан, ты знаешь, каким ужасным человеком я могу быть, и ты все равно меня любишь. Это ли не истинное значение понятия «лучший друг»? Благодарю тебя за дар нашей дружбы. И да, Эшли была права – ты единственная в своем роде.

Следующие строки я хочу адресовать своей маме, Сэнди Браун. Ты всегда верила в меня и тем самым вселила и в меня уверенность: не нужно бояться осуществлять даже самые безумные мечты. Без твоего подбадривающего голоса в моей голове я бы ничего не достигла. Благодарю тебя за любовь и поддержку несмотря ни на что.

Отдельное спасибо моему агенту Лизе Доусон и ее команде. На днях один мой друг отметил, что вы идеальный агент для меня, а я широко улыбнулась и сказала: «Так и есть». Потому что это действительно так. А Джоди Уоршоу – идеальный редактор. Джоди, каждый раз, когда вы рядом, я проникаюсь к вам все большей симпатией – за терпение и позитивный настрой. Я так благодарна, что издательство «Лейк Юнион» стало моей тихой гаванью, и не перестаю восхищаться тем, что вы, ребята, делаете для своих авторов. Мне повезло иметь двух очень талантливых редакторов, которые здорово помогли мне со структурой моей книги – каждая в своей особой, уникальной манере. Я говорю о Кейтлин Александер и Фэйт Блэк Росс. А Николь Померой и ее высококлассные корректоры, особенно Стейси Абрамс и Сара Энгель, помогли мне выглядеть куда умнее, чем я

есть на самом деле.

Теперь к друзьям, которые держались молодцом, пока я работала над книгой, молясь за меня и регулярно интересуясь, как продвигается процесс. Особенно я хочу поблагодарить Трейси и Дугласа Грэм (в честь вас, ребята, я даже назвала одного из персонажей моей книги, и извините, если она немного раздражает – все совпадения случайны), Джилл и Билли Дин, Лизу и Майка Ши, Мисти и Карла Ховард, Эми и Клэя Гиллиам, Бет и Стива Бертон, Марию и Мику Светт, Джен и Терри Толберт, Рэйчел и Рика Олсен, а также Кристи и Алекса Кеннеди. (Простите, если кого-то забыла.)

Лиза Паттон, спасибо за то, что дали возможность поработать в вашем великолепном доме, и за то, что остаетесь очаровательным человеком – собой. Спасибо также Шеннон Кинг, которая предложила мне свой красивый дом в качестве вдохновляющего пространства для работы над книгой, а кроме того, угостила ланчем с вином – лучшим вариантом ланча в мире.

Челси Хамфри, мне сложно выразить словами, насколько ваша помощь мотивировала меня. Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить вам тем же. Хм!

Кристофер Райс, ваш положительный отзыв о моем прошлом романе стал для меня серьезным стимулом к работе, а новая порция вашей похвалы и забавные комментарии оказались неожиданным и приятным дополнением к моей жизни.

Моим коллегам по неуязвимой коллаборации Авторов из Каролины: Ким Райт Уили, Джой Каллауей и Эрике Маркс: вы – моя команда, и я благодарна вам за мудрость и вдохновение. Ким, твоя помощь в этот раз была особенно неоценимой. Как оказалось, итальянский ресторанчик в Миртл-Бич^[13] в четыре часа понедельника – место, где творится магия.

Донна Рут Пауэлл из компании, занимающейся выпуском голубей в Шарлотте, – потрясающее знакомство, человек, открывший мне не только двери своего дома, но и свое сердце. Донна помогла мне воплотить в жизнь одну из ключевых линий романа и дала понимание процесса, которое я не смогла бы получить из книг о голубях.

Нэнси Малкор, моя исключительная кузина, снова предоставила мне ценную юридическую консультацию. Если я поняла что-то не так, это не твоя вина. Зато все понятое правильно – полностью твоя заслуга. Хорошо иметь в семье прокурора, особенно такой стильного, умного и с прекрасным чувством юмора, как ты.

Спасибо также Мие Браун Гейгер, подруге Нэнси, которая разъяснила мне, что действительно происходит в парикмахерских.

Благодарю и бывшего соседа моей дочери, Тейлора Ньюкомба, который пришел на ужин в наш дом и поведал о своем пожилом родственнике, повторявшем одну и ту же историю изо дня в день. Тейлор рассказал все это, а я задумалась: «Что, если бы однажды история изменилась?» Так родилась ключевая часть этой книги.

Рон Браун, на этот раз и тебе достанется «спасибо» за то, что познакомил меня с творчеством «Монти Пайтон»^[14]. Теперь фильм «Монти Пайтон и Священный Грааль» упомянут уже в двух моих книгах, так что, как видишь, твои коротенькие пародии надолго остались со мной, особенно если вспомнить девятичасовую поездку в Кентукки.

Спасибо музыкантам, исполнившим песни, ставшие (в моей голове) саундтреком к этому роману: Адель («Когда мы были молоды»), Найлу Хорану («Этот город»), Эду Ширану («Замок на холме»), Тому Петти («Учимся летать»), Бобу Сигеру («Укати меня»), «Гриффин Хауз» («Скажи, что я Тот самый»), «Киллерс» («Здесь со мной»), Миранде Ламберт («Изъян»), Ричарду Марксу («Хазард»), Томасу Ретту («Выходи за меня»), «Слоу Сити Хотел» («Непонятый»), Майклу Макдональду («Прими это близко к сердцу») и всем композициям от Пинк, вдохновившей образ Клэри. Я уверена, что были и другие песни, но эти – лучшие, из тех, которые всегда помогали мне проникнуть в умы и сердца моих персонажей.

ОГРОМНОЕ спасибо всем читателям (и книжным магазинам!), которые покупают/продают мои романы, посещают/организуют мои мероприятия, просят меня подписать книги, рассказывают своим друзьям/клиентам о них, присылают мне обнадеживающие электронные письма и так далее. Я всегда пытаюсь вообразить своего предполагаемого читателя, когда пишу, и ваши лица – то, что приходит мне на ум. Спасибо за то, что находитесь на другом конце этого процесса.

notes

Примечания

1

Міса (англ.) – слюда.

«Дикси Капс» (Dixie Cups) – популярная в США девчачья группа 1960-х годов. «Идем в часовню, чтобы пожениться» (Goin' to the chapel and we're gonna get married) – первая строчка суперхита группы «Часовня любви» (Chapel of Love).

Правило Брейди обязывает обвинение раскрывать все материалы, которые могут быть истолкованы в пользу ответчика по уголовному делу – даже если они не были запрошены. Правило было введено в судебную практику Верховным судом США в 1963 году.

«Отец невесты» (Father of the Bride) (1991 г.) – популярная американская семейная комедия режиссера Чарльза Шайера со Стивом Мартином и Дайан Китон в главных ролях.

«Любовь – это когда не нужно говорить “прости”» (Love means never having to say you’re sorry) – афоризм из романтического бестселлера 1970-х годов, повести Эрика Сигала «История любви».

Имеется в виду хит американской певицы Бейонсе Single Ladies (Put a Ring on It) («Незамужние девчонки (надень колечко)») из альбома If I Were a Boy 2008 г.

Игра слов: *solitaire* (фр.) – «одинокий» и *solitaire* (англ.) – «пасьянс».

Forking (от англ. *fork* – вилка) – американский розыгрыш, состоящий в том, чтобы как можно гуще утыкать двор «жертвы» пластиковыми вилками.

Spasey (*англ.*) – «чокнутый», «с приветом», «тормознутый».

Мегацерковь (англ. MegaChurch) – протестантская церковь, число прихожан которой превышает 2000 человек.

Строки из поэмы Т. С. Элиота «Литтл Гиддинг» (пер. А. Сергеева).

Возможно, имеется в виду шериф Хоппер, один из центральных героев фантастического сериала Netflix «Очень странные дела».

Миртл-Бич (*англ. Myrtle Beach*) – город-курорт в американском штате Южная Каролина.

«Монти Пайтон» (англ. *Monty Python*) – культовая комик-группа из Великобритании. «Монти Пайтон и Священный Грааль» – фэнтезийная комедия «Пайтонов» 1975 года.